

ВЕСТНИК

Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Научный журнал

№ 1 (3) • декабрь • 2005

Санкт-Петербург

**ВЕСТНИК Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
• № 1(3) • декабрь • 2005 •**

Журнал основан в 2003 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ

*Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский
государственный университет
культуры и искусств»*

Главный редактор

П. А. Подбогомов

Заместители главного редактора

В. В. Головин, Г. В. Михеева

Ответственный редактор

С. А. Владимирова

Редакционная коллегия

*Т. В. Захарчук, С. Н. Иконникова,
М. В. Ковалева, В. Д. Лелеко, В. Е. Триодин*

Редактор Г. В. Михеева

Допечатная подготовка текстов

Т. С. Давыдова, А. А. Саркисова

Компьютерная верстка

С. А. Владимирова, А. А. Саркисова

Журнал зарегистрирован управлением Федеральной службы
по надзору за соблюдением законодательства

в сфере массовых коммуникаций

и охране культурного наследия

по Северо-Западному федеральному округу

Свидетельство ПИ № ФС2-7528 от 18.04.2005

191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 2. СПбГУКИ.
Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001

Отпечатано в типографии «Турусл».

191186, СПб., ул.Миллионная, д.1.

25.12.2005. Формат 60x84 1/8. Печ. 21 л. Тир.500. Зак.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

История

H. H. Масленникова

- Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII–XIX веков на Северо-Западе России (по материалам псковского имения Васильчиковых-Строгановых) 6

B. Г. Кипнис

- Генерал Ренненкампф. Миф и реальность (август 1914 г., Восточная Пруссия) . . . 12

A. A. Смирнова

- Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г. 28

O. A. Игнатьева

- Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917–первая половина 1918 г.) 37

Филология

A. K. Булыгин

- Андрей Платонов и Карл-Густав Юнг 52

L. H. Кен

- Привязанность сердца 59

M. K. Лопачева

- Иннокентий Анненский в художественном сознании поэтов русской эмиграции 70

E. P. Пономарев

- Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина 78

К 100-летию со дня рождения

C. A. Рейсер

- «Бурый волк» 86

T. A. Круглякова

- «Там царь Кащей с деньгами вянет...» О восприятии стихотворного текста (на материале вступления к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила») 89

E. Ю. Романова

- Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина («У лукоморья дуб зеленый...») 96

Публикации

C. B. Белецкий

- Песни археологических экспедиций как объект музееификации (к постановке проблемы) 110
Приложение 1. Экспедиционные песни 117

Рецензии и отзывы

H. H. Картникова, B. P. Яковлев

- Три века Санкт-Петербурга 135

A. B. Антошин

- Рецензия на монографию П. Н. Базанова Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988) 139

B. Миркин

- Книги наших преподавателей – приглашение в «град оперы» 141

P. Э. Павлова

- Выставка «Рождество в Петербурге» 146

Конференции года

<i>Научно-практическая конференция</i> «Экскурсионное образование: Методика и практика»	149
<i>Всероссийская научно-практическая конференция</i> «Музейное образование: Взаимодействие общепрофессиональной и специальной подготовки»	151
<i>Российско-немецкий семинар</i> «Музей как центр сохранения культурного наследия»	153

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

Диссертации, защищенные в 2004 – 2005 гг. в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств	154
Сведения об авторах	167

С Т А Т Ъ И И С С Л Е Д О В А Н И Я

ИСТОРИЯ

Н. Н. Масленникова

**Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII–XIX веков
на Северо-Западе России**

(по материалам псковского имения Васильчиковых-Строгановых)

В последние два десятилетия наметился рост научного интереса историков, археологов, культурологов и искусствоведов к истории русской усадьбы. В 1992 г. было воссоздано Общество изучения русской усадьбы. В 2000 г. вышел имеющий большое методологическое и концептуальное значение фундаментальный труд по истории российской сельской усадьбы¹. По мнению специалистов, усадьбоведение становится отраслью исторической науки, которая изучает усадьбу как уникальное социальное и экономическое образование и как синтез множества взаимосвязанных элементов национальной культуры². Представления о сельской экономике как истории деревень без изучения усадьбы были неполными иискаженными, теперь они включают усадебную культуру и прежде всего культуру производящую. Усадьбы постепенно становились провинциальными экономическими центрами (особенно после отмены крепостного права), они были связующим звеном между городом и деревней, столичными городами и российской провинцией.

При новой постановке проблем, связанных с изучением усадеб, необходимы усилия исследователей разных специальностей, а многогранность понятия требует применения разнообразных методов исследования, в т. ч. ранее не входящих в поле зрения историков, например, исследование «взаимосвязанных сочетаний компонентов природного ландшафта и элементов культуры, формирующихся в процессе (в том числе усадебного) освоения конкретной территории»³.

Современный цивилизационный подход к изучению исторических проблем и проблем развития культуры требует внимания к владельцам усадеб, т. к. усадебный мир во многом определялся личностью владельца, его положением в обществе, богатством, кругозором, духовными запросами и художественными вкусами.

При обсуждении проблемы в редакции журнала «Отечественная история»

Г. Ю. Стернин, чл.-кор. РАН, отметил очень важную современную особенность усадьбоведческих работ, какую бы из сфер гуманитарной науки автор ни изучал, – представление о том, что «усадебная культура» – это прежде всего усадебный человек с его особым мировоззрением, с его пониманием основных ценностей бытия, это – личность, реализующая себя (что крайне важно) и в своих художественных творениях, и в своей хозяйственной деятельности⁴.

В связи с этим в изучении усадеб, их эволюции и преемственности на протяжении длительного времени важное значение приобретают выходящие на новый научный уровень генеалогические и биографические исследования.

Огромный материал, который обобщен в фундаментальном труде под редакцией Л. В. Ивановой, относится к усадебным комплексам вокруг Санкт-Петербурга и тщательно изученным усадьбам Подмосковья. Сборники Общества изучения русской усадьбы стремятся расширить круг изучения имений. Однако многие усадьбы провинциальной России до недавнего времени были малоизвестны для исследователей, хотя их владельцы были знаменитыми людьми, а имения – значительными.

На Северо-Западе России многие усадьбы не сохранились. Аграрная история и история крестьян этого региона с 70–80-х гг. XX в. изучалась, а история усадеб остается достоянием лишь узкого круга их посетителей и заботой краеведов. Представление об аграрной истории страны и регионов без усадеб было бы неточным, а для ведения хозяйства в будущем – недальновидным и ошибочным.

На Псковской земле находится усадьба Волышово, на материалах которой можно изучать экономическую и культурную роль усадьбы в уезде и губернии и проблемы взаимодействия и взаимопроникновения двух столиц и провинции. Волышово – имение с особой судьбой: в течение полутора столетий оно было собственностью

Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII–XIX веков на Северо-Западе России

одной семьи Васильчиковых–Строгановых и переходило по наследству от родителей к детям; имение не переживало резких перемен, традиции бережно хранились, плавное его развитие отражало главные тенденции усадебного мира при сохранении важных его особенностей и своеобразия. Имение принадлежало людям знатным и богатым, находившимся когда-то на службе при Императорском дворе, они имели близких и влиятельных родственников и поблизости, и в усадьбах под Петербургом, и в Подмосковье.

Однако Волышово не было представительной резиденцией или доходным имением. При наличии всех черт дворянской усадьбы по современной трактовке в научных исследованиях концепции сельской дворянской усадьбы, оно было родовым гнездом большой семьи с детьми и родней, которая проводила здесь все летние месяцы, а иногда бывала и в сезон охоты. Здесь был уютный дом с хорошей библиотекой, любимые всей семьей занятия конным спортом, здесь рождались и выращивались красивые породистые лошади и собаки.

И хотя в имении было и все увеличивалось его хозяйство: ферма, оранжерея, теплицы, птичник, псарни, зверинец, питомник редкостных растений, позднее (в Заходье) – новый питомник, посадки деревьев, кустов и цветов в парке – все это было любимым, домашним и интимным, хотя Д. В. Васильчиков, а потом и его зять – А. С. Строганов были профессионалами в охотниччьем деле – Оберегермейстером и Егермейстером Императорского двора.

Род Строгановых имеет богатую историографию, в последние годы она пополнилась рядом интересных исследований, связанных с развитием фундаментальных реставрационных работ в Строгановском дворце на Невском проспекте⁵. Значительным событием в историографии стала подготовка каталога международной выставки «К 300-летию Санкт-Петербурга» – «Строгановы – меценаты и коллекционеры»⁶.

Вводятся в научный оборот новые источники и историографические материалы, касающиеся рода Строгановых, все более значительной представляется роль его членов в изучении и сохранении художественных и исторических памятников.

Жизнь и деятельность этой семьи невозможно представить без тщательного изучения ее усадеб под Петербургом, в Подмосковье, в Пермском крае, а также в Псковской губернии. О существовании в этих краях майоратного владения последних Строгановых было известно, но до 60-х гг. XX в. оно не подвергалось специальному историческому, культурологическому и искусствоведческому исследованию. При первых попытках изучать его стало ясно, что Строгановых (их деятельности, вкусов и настроений) нельзя понять без изучения этого небольшого и скромного, по сравнению с их обширными владениями по всей России, «государства в государстве». Для Псковской губернии оно оказалось уникальным и одним из самых обширных владений в массе небольших и средних усадеб, от которых в большинстве своем не осталось и следа.

Основное ядро усадьбы Волышово Порховского уезда сложилось еще в екатерининские времена. Сохранился Генеральный план усадьбы 1784 г.⁷ На плане выделены господский дом, конюшни и флигели. Из девяти зданий этого плана до 80-х гг. XX в. дошли в первоначальном или перестроенном виде шесть зданий, центр усадьбы сохранился. Таким В. А. Васильчиков получил Волышово в качестве приданого за женой из старого помещичьего рода Овцыных. Поместье Васильчиковых Выбити было недалеко – в Старорусском уезде Новгородской губернии. В Волышове выросли сыновья В. А. Васильчикова, три генерала Васильчиковы участвовали в Отечественной войне 1812 г. Старший сын Илларион, командовавший пехотной дивизией в Бородинском сражении, а затем кавалерийским корпусом, позднее получил княжеский титул, стал председателем Государственного совета и Комитета министров. После смерти отца он стал владельцем Выбити, а второй сын – генерал-майор, командир гусарского полка в армии П. И. Багратиона Дмитрий Васильевич Васильчиков, находившийся с 1830 г. на придворной службе, стал владельцем Волышова. При нем велось большое строительство в имении, превратившее его в прекрасный дворцовый и хозяйственный комплекс, в него вошли многие окрестные деревни и обширные угодья, в т. ч. охотничи. У Дмитрия Васильевича был вкус к хозяйствен-

Н. Н. Масленникова

ной деятельности, он следил за обсуждением в стране и правительстве экономических проблем, ему были известны проекты изменений в поместном хозяйстве, ему казалось, что он представляет возможности развития крестьянских хозяйств. Его племянник Александр Илларионович стал одним из идеологов консервативного либерализма, создателем Комитета о сельских товариществах, убежденным сторонником сохранения крестьянской общины и исконно русских традиций землевладения.

Об отношении всех Васильчиковых к своим поместьям очень точно и ярко писал псковский губернатор Борис Александрович Васильчиков, троюродный брат и шурин последнего графа Строганова (умерший в Париже в 1931 г.) в воспоминаниях, которые впервые были опубликованы в России в 2002 г.: «Четыре поколения владельцев Выбити созидали, улучшали и любовно украшали свое пепелище и при этом сознавали, что владение не является только правом, но и создает целый ряд вытекающих из этого права обязанностей; это сознание своих обязанностей по отношению к имению, своим служащим и окрестному населению было одно из наших семейных традиций, и весь процесс владения для нас заключался в том, чтобы поддерживать то, что было сделано предшественниками и созидать для преемников...»⁸ Вероятно, подобные взгляды разделял и Д. В. Васильчиков, ему была близка и точка зрения, позднее сформулированная Б. А. Васильчиковым – «племенное скотоводство, богатейшее коневодство, тонкорунное овцеводство – все это достижения нашего частного землевладения при сравнительно ничтожном содействии казны»⁹.

В Волышово при Д. В. Васильчикове был расширен и перестроен господский дом при участии псковского архитектора Етовского, появились новые конюшни (арабская и казачья), склады, большая ферма, конный двор в Дорогинях, мельница, новые флигели в центре села. Велись значительные гидротехнические работы: на маленькой речке Вогоще построили 4 плотины со шлюзами, ажурными мостиками через речку. Село украсилось живописными прудами у плотин и «круглым» прудом, дно которого было вымощено камнем, у паркового фасада

дома, проводились масштабные работы по расширению парка и совершенствованию его планировки, по посадке новых деревьев. Основное внимание уделялось развитию охотничьего хозяйства в селе и его округе, скоро оно превзошло по размерам Выбити.

Отношение Д. В. Васильчикова к Волышову проявилось в том, что он, передав его в приданое за дочерью Татьяной Дмитриевной, вышедшей замуж за графа Александра Сергеевича Строганова, не оставил хозяйственные заботы об усадьбе до конца своих дней, хотя Волышово стало частью майората Строгановых и их главной резиденцией и приобретало теперь другое значение и масштабы.

Граф Александр Сергеевич Строганов родился в семье, которая свято хранила память о жизни и деятельности его прадеда по матери Александра Сергеевича и деда Павла Александровича. Получив прекрасное образование в Дрездене, а затем в Московском университете, он одно время служил в Преображенском гвардейском полку и участвовал в боевых действиях. У него рано под влиянием отца Сергея Григорьевича Строганова, ученого, мецената и коллекционера, ставшего позднее куратором Московского университета, председателем Общества истории и древностей российских, проявились склонности к наукам. Он продолжил нумизматические и археологические занятия отца. Величайшей заслугой С. Г. Строганова перед русским искусством было создание на свои средства «Школы по отношению к искусству и ремеслам», которая в 1860 г. была преобразована в Строгановское художественное училище. Отец, вероятно, умел научить своих сыновей, в т. ч. и младших, Павла Сергеевича и Григория Сергеевича, серьезным занятиям, привил им хороший вкус, любовь к искусству и увлечение коллекционированием.

Александр Сергеевич полюбил свою резиденцию. Вероятно, он был далек от практических дел. Его интересовали философия, немецкая и английская литература, книги по этим наукам он привез в Волышово. Он видел многие города и имения Европы и России, в т. ч. Марьино, Братцево. Строгановы стремились показать детям свои владения. Имея возмож-

Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII–XIX веков на Северо-Западе России

ность сравнивать свои впечатления с впечатлениями от Волышова, он понял, что усадьба соответствует его романтическим настроениям и становится ему родной: прекрасный архитектурный ансамбль и живописный романтический парк покорили его.

При А. С. Строганове в усадьбе шло строительство «Графского дома», большой новой фермы и ряда других зданий, они строились по проектам петербургского архитектора М. А. Макарова, ученика А. И. Штакеншнейдера. Графский дом, несмотря на его изысканную красоту и богатое убранство, гармонировал со зданиями XVIII в. Ферма, построенная М. А. Макаровым, была признана специалистами выдающимся архитектурным сооружением и придала усадьбе художественную завершенность¹⁰.

А. С. Строганов страстно полюбил и все охотничье хозяйство, которое с таким искусством развивал его тестя.

Александр Сергеевич пережил тестя всего на пять лет. Хозяйкой стала овдовевшая Татьяна Дмитриевна, которая в Волышове выросла, воспитала детей, она почти постоянно жила в Волышове и бережно хранила все замыслы отца и мужа о его развитии.

Последний владелец Волышова и глава майората с 1882 г. (после смерти деда) Сергей Александрович Строганов был морским офицером и опытным яхтсменом, во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) он командовал одним из военных катеров и был награжден орденом. В отставку он вышел рано, путешествовал по свету, бывал во многих странах, а потом изучал страны, которые видел; в волышовской библиотеке были книги, говорящие о широте этих его интересов, и иностранная литература по религиозно-нравственным проблемам. Он находился под сильным влиянием деда, Сергея Григорьевича, когда жил в Москве, и был его постоянным собеседником в письмах, которые сохранились и дают возможность изучать их позиции. После женитьбы на Евгении Александровне Васильчиковой он стал жить в Петербурге и в Волышове, в котором им было задумано большое строительство. Отделялись покоя для жены, началась перестройка в камне Графского дома. На его средства строились больницы и амбулатории для

крестьян, он был участником земских съездов, избирался в земскую управу и мировые судьи. Хозяйственная деятельность графа была особенно активной в области коневодства и в создании питомников ценных и редких пород деревьев и кустарников, в строительстве дорог и в организации школ для крестьян и реального училища в Пскове. После ранней смерти его жены строительство в Волышове продолжалось, хотя граф следил за ним через управляющих, но постепенно жизнь в усадьбе стала затихать¹¹.

Сергей Александрович жил почти все время во Франции. Он по-прежнему увлекался путешествиями, главным образом, морскими. Его сопровождали сестра Ольга с мужем князем Щербатовым; их интересовали арабские лошади, о которых они написали книгу, а также новейшие спортивные автомобили. Он понимал, какие драгоценные коллекции создали его предки, но сам серьезным коллекционированием не занимался.

Материалы по истории усадьбы этого времени представляют для исследователей особый интерес, т. к. проблема изучения усадеб пореформенного периода является наиболее актуальной и наименее известной.

Усадьба Волышово не подверглась разорению во время революции и не была разрушена во время Великой Отечественной войны, ее можно было изучать как одну из интереснейших усадеб XVII – IX вв., но подошли к ее изучению лишь в 60-е гг. XX в. в связи с необходимостью реставрационных работ, которые осуществлял Б. С. Скобельцын¹². Все основные сооружения XVIII–XIX вв. в селе в это время использовались функционально: в Волышове существовал и был широко известен конный завод, который поставлял породистых лошадей на другие конные заводы страны, на ипподромы, на международные аукционы и соревнования.

Только в 70–80-х гг. XX в. к изучению имени приступили архитекторы, реставраторы, специалисты по ландшафтной архитектуре. Собран большой и ценный материал при натурных исследованиях тогда еще сохранившихся и функционировавших зданий. В 80-е гг. в Волышове работала группа архитекторов из «Псковреставрации». Ими был изучен Графский дом, подготовлены материалы обследо-

Н. Н. Масленникова

вания и документация для реставрации архитектурного центра села¹³. Однако к подготовленной реставрации не приступили, т. к. заказчика на исполнение работ не было. Именно с 1986 г. началось уже быстрое, стремительное разрушение Графского дома и зданий парадного круга. Здания эти были изучены московской организацией «Спецпроектреставрация» (архитектор А. Г. Борис)¹⁴.

Важным этапом в деле восстановления Волышова могло оказаться изучение уникального парка. Группа специалистов Леспроекта под научным руководством И. А. Эрф, имевшей большой опыт изучения и восстановления парков (в т. ч. в усадьбе Выбити), провела тщательное обследование парка, впервые в парке проводились геодезические работы и аэрофотосъемка. В результате был создан на высоком профессиональном уровне пакет документов, включающих характеристику состояния усадьбы и парка, и подробнейший проект поэтапного восстановления ландшафтной архитектуры в усадьбе¹⁵.

Большое значение для изучения Волышова имеют написанные в 70–80-х гг. ХХ в. воспоминания Г. В. Проскуряковой «Волышовская старина» о дореволюционном Волышове, в которых автор опирается на воспоминания трех поколений своих предков, родившихся и живших в усадьбе¹⁶. Важным источником для изучения истории усадьбы являются старинные фотографии усадьбы (зданий и парка), относящиеся к 1905–1915 гг. и сделанные отцом Г. В. Проскуряковой и дедом Н. Н. Масленниковой В. Г. Проскуряковым. Издание воспоминаний «Волышовская старина» сопровождается рядом этих фотографий. Всего их сохранилось в домашнем архиве около 100.

Особое место в изучении истории усадеб Северо-Запада России занимают «Порховские краеведческие чтения», начало которым было положено в 1987 г., с 1999 г. они проводятся почти ежегодно под председательством директора Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника О. К. Волочковой и заведующей Порховским музеем истории края Л. Т. Васильевой. На «Порховских чтениях» традиционно представляются доклады об истории Порховского края, об имениях Волышово, Холомки, Хилово,

Бельское Устье, Выбити. С каждым годом расширяются география «Чтений», тематика докладов. В «Чтениях» принимают участие ученые, научные сотрудники музеев, историки, филологи, краеведы из Санкт-Петербурга (специалисты из Университета культуры и искусств, Технического университета, Музея политической истории России, Музея истории города, Русского музея, Российской национальной библиотеки, киностудии, Фонда культуры), из Пскова (сотрудники Псковского музея-заповедника, Псковского университета, Государственного архива Псковской области, Областной научной библиотеки, Политехнического института, Псковского краеведческого общества), из Москвы (сотрудники Музея имени А. С. Пушкина, Музея минералогии), Пушкинских Гор, Дедовичей, посада Сольцы, краеведческих музеев Новгородской области.

С 1999 г. издаются материалы научных конференций: введены в научный оборот многие архивные материалы по истории усадеб, в т. ч. и не сохранившихся. Есть в докладах участников «Чтений» важные сведения о состоянии и развитии усадебных хозяйств в других губерниях. Для изучения истории русской усадьбы материалы Порховских традиционных краеведческих чтений представляют значительный интерес, т. к. их программа во многом соответствует современной научной концепции дворянской и купеческой сельской усадьбы и проникнута мыслью о необходимости изучать и сохранять богатое культурное и национальное наследие России и своего края.

Изучение усадеб стало необходимым и не терпящим промедления, т. к. существует отмечаемая всеми историками и краеведами реальная угроза самому существованию русской усадьбы как национального достояния.

Примечания

¹ Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX в.: ист. очерки. – М., 2000. – 784 с.

² Русская усадьба и ее судьбы: «круглый стол» // Отечеств. история. – 2002. – № 5. – С. 133–159.

³ Исаченко Т. Е. Ландшафтно-географические методы изучения рус. усадьбы // Русская усадьба: сб. О-ва изучения рус. усадьбы. – М., 2004. – Вып. 10 (26). – С. 19.

Опыт изучения дворянской усадьбы XVIII–XIX веков на Северо-Западе России

⁴ **Стернин Г. Ю.** Многомерность и многозначимость усадебного пространства // Отечеств. история. – 2002. – № 5. – С. 141.

⁵ **Трубников Ю. В.** Строгановский дворец. – СПб., 1996. – 176 с.; **Кузнецов С. О.** Дворцы Строгановых. – СПб., 1998. – 160 с.; Он же. Вольный помещик Петрополя, из семейной хроники Строгановых. Дворец и его архитектор, Казанский собор // Наше наследие. – 2001. – Вып. 59/60. – С. 29-31, 32-45, 56-59; Он же. Строгановская дача: Одиссея на Черной речке. Марьино: несостоявшийся мемориал 1812 году. Братцево // Там же. – 2002. – Вып. 61. – С. 15-22, 31-34, 39; **Капарулина О.** Альбомы семьи Строгановых и художник Е. И. Есаков // Там же. – С. 35-38.

⁶ Строгановы. Меценаты и коллекционеры: кат. выст. / Гос. Эрмитаж, Гос. Рус. музей, Гос. Музей-заповедник «Павловск», Науч.-исслед. музей Рос. акад. художеств, Рос. гос. ист.-арх., Сольвычегод. Ист.-художеств. музей. – СПб., 2003.

⁷ Генеральный план Волышова 1784 г. (Рос. гос. арх. древ. актов. Ф. 1354; Гос. арх. Псков. обл. Ф. 196).

⁸ **Васильчиков Б. А.** Об охоте и не только о ней // Наше наследие. – 2002. – Вып. 63 / 64. – С. 107.

⁹ Там же.

¹⁰ Об особенностях художественного развития Волышова см. подробнее: **Масленникова Н. Н.** Волышово – уникальный усадебный ансамбль XVIII – XIX // Русская усадьба: сб. О-ва изучения рус. усадьбы. – М., 2004. – Вып. 10(26). – С. 234-255.

¹¹ Для характеристики жизни и деятельности последнего Строганова особую ценность имеют материалы исследования С. О. Кузнечова: **Кузнецов С. О.** «Я потерял веру в земное счастье»: Жизнь графа С. А. Строганова в России (1852–1907 гг.). Ч. I-II // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки: материалы науч. конф. 2001 г. – Псков, 2002. – С. 46-72; Он же. Сергей и Ольга Строгоновы. Перипетии жизни аристократических жителей села Волышова. Ч. III-V // Там же: материалы науч. конф. 2002 г. – Псков, 2003. – С. 159-213; Там же: материалы науч. конф. 2003 г. – Псков, 2004. – С. 47-62; **Маркова М. Т.** Неизвестные страницы биографии графа Строганова // Там же. – С. 75-78.

¹² Фотографии Б. С. Скobelцына, сделанные им в 1960-е гг., в т. ч. с борта вертолета, хранятся в фондах Строгановского дворца в Санкт-Петербурге и в Порховском музее истории края.

¹³ Хранятся в Архиве Псковских реставрационных мастерских.

¹⁴ Хранятся в Архиве Института «Спецпроектреставрация» (Москва) (Ф. 305, оп. 1, Историческая справка архитектора А. Г. Борис).

¹⁵ Экземпляр материалов к реставрации парка, подготовленный группой специалистов Лесспроекта (Санкт-Петербург), хранится в Порховском музее истории края.

¹⁶ **Прокурякова Г. В.** Волышовская старина / предисл., послесл., подгот. текста Н. Н. Масленниковой // Псков: науч.-практ. и ист.-краевед. журн. – 1995. – № 3; 1996. – № 4, 5; 1997. – № 6, 7; 1998. – № 8; 1999. – № 10, 11; 2000. – № 12, 13.

Б. Г. Кипнис

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность (август 1914 г., Восточная Пруссия)

Вопрос о командовании генералом П. К. Ренненкампфом 1-й армией в августе 1914 г. есть не только вопрос выяснения исторической правды и реабилитации оклеветанного имени, но это также и вопрос компетентности историков и их ответственности за свои слова, которые читающая публика воспринимает как голос Истины, а государство использует как орудие своей идеологии или политики.

В советской историографии у генерала Ренненкампфа сложилась вполне устоявшаяся репутация с 1941 г.: тогда ему было впервые брошено обвинение в «преступном бездействии», он был назван «одним из главных виновников поражения армии Самсонова»¹. Все последующие издания «Большой советской энциклопедии» повторили эти характеристики². «Советская историческая энциклопедия» обвинила его уже в предательстве³, ей вторит и «Советская военная энциклопедия»⁴. В тех же самых выражениях обвинения в предательстве и бездействии «поселились» на страницах вузовских учебников «Истории СССР»⁵, не избежало этого даже такое солидное академическое издание, как многотомная «История СССР с древнейших времен до наших дней»⁶. Авторы ссылаются на то, что Ренненкампф не был наказан, т. к. «Николай II помнил „геройское“ поведение бездарного генерала в подавлении революции 1905 г.»⁷. В последнем случае, кроме политических обвинений в предательстве, видна и идеологическая подоплека «шельмования»: в своих статьях в разные годы В. И. Ленин неоднократно вспоминал о расстреле И. В. Бабушкина по приговору военно-полевого суда, учрежденного в 1906 г. в Забайкалье⁸. Хотя сам Ренненкампф в работе того суда участия не принимал, но как же можно было не отметить 50-ю годовщину Октябрьской революции таким «благодатным» сюжетом: свирепый каратель революции, бездарный генерал, немец-предатель, прогнивший царизм и неизбежность исторической расплаты в октябре 1917 г. Собственно говоря, здесь и обнажены все причины клеве-

ты – идеологическая, псевдопатриотические и псевдонациональная. При таком предвзятом подходе фигура генерала Ренненкампфа была великолепным материалом для создания исторического и идеологического мифа, ни о каком поиске исторической правды говорить не приходилось.

Однако теперь, когда полки «спецхранов» покинул целый ряд книг, изданных в русской эмиграции, у нас есть возможность посмотреть на эту фигуру другим взглядом. Первое свидетельство воскрешает февраль 1904 г., вагон Транссибирского экспресса: «Адмирал Макаров со своим штабом ехал в отдельном вагоне. От чинов его штаба мы знали, что там идет работа: каждый день по несколько часов адмирал занимался планом реорганизации флота... и иногда для собеседования приглашался туда генерал Ренненкампф... Он приобрел имя и известность в военных кругах во время Китайского похода (1900 год), за который получил два георгиевских креста. Военные вообще скептически относились к „героям“ Китайской войны... Но кавалерийский рейд Ренненкампфа по своей лихости и отваге заслужил всеобщее призвание... С генералом Ренненкампфом во время пути мы были в постоянном общении: в частных беседах и во время докладов, которые кто-нибудь из нас делал на темы: о театре войны, о тактике конницы, об японской армии, Ренненкампф делился с нами воспоминаниями о своем походе, весьма скромно касаясь своего личного участия»⁹. Автор этих строк – А. И. Деникин, тогда скромный офицер, капитан Генерального штаба. Описывавший до него эти события А. А. Керновский был более сдержан: «Цицикарский поход и набег на Гирин создали громкую репутацию генералу Ренненкампфу – репутацию, оказавшуюся впоследствии, к сожалению, сильно преувеличенной»¹⁰.

Характеристику боевых качеств генерала в эпоху Русско-японской войны дал также А. И. Деникин, бывший с октября 1904 г. начальником штаба его Восточно-

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

го отряда: «Генерал Ренненкампф был природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбирающийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненных во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший... Ренненкампф смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость импонировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения. Близости же не было»¹¹.

По окончании Русско-японской войны генерал был назначен командовать III армейским корпусом в Литву. Об этих годах осталось интересное свидетельство А. А. Успенского, капитана 107-го Уфимского пехотного полка 27-й пехотной дивизии III корпуса. Автор оставил яркое описание боевой учебы в войсках корпуса: «Командующим округа был тогда генерал-адъютант Ренненкампф... Еще будучи нашим командиром, он высоко поднял боевую подготовку 3-го армейского корпуса: постоянными маневрами, пробными мобилизациями, кавалерийскими состязаниями в походном движении и т. п., причем войска всегда видели его среди себя на коне, несмотря ни на какую погоду, красивым, „лихим“, простым в обращении! Заканчивая состязания между ротами на наступление, генерал Ренненкампф отличавшегося командира роты называл „королем наступления“, а командира, рота которого выбивала наибольший процент сверх „отличного“ – „королем стрельбы“!

Сколько проделано было в лагерное и зимнее время таких „наступлений“ и „оборон“ и днем, и ночью, и на ученьях, и на смотрах против обозначенного противника! Сколько раз моя рота стреляла по мишениям в близкой к бою обстановке и стреляла почти всегда „отлично“, а последние 3 года подряд „отлично“!¹²

С этой оценкой соглашается и Керновский, ранее весьма сдержанно отзывавшийся о генерале: «По свидетельству подчиненных, генерал Реннекампф был замечательным командиром корпуса. Действительно, тактическую подготовку доблестных 25-й и 27-й дивизий можно считать образцовой. Всегда и во всякую погоду на коне, он был любим войсками, побаив-

шимися, впрочем, его внезапных наездов и прозвавшими его „желтой опасностью“ (по желтым лампасам, пожалованного ему мундира Забайкальского казачьего войска)»¹³. Такая оценка не случайна, ибо именно III армейский корпус отличится в Гумбинненском сражении 7 августа* 1914 г., речь о котором впереди.

Наконец, показательна оценка, данная генералу сменившим его на посту командира III армейского корпуса генералом Н. А. Епанчиным, оставившим в своих воспоминаниях довольно нелестную характеристику Ренненкампфа¹⁴. Однако в письме от 19 мая 1936 г., на имя его дочери Т. П. Саван, Епанчин пишет: «Ознакомившись с состоянием корпуса, я нашел его в полном порядке, я мог работать, не внося в жизнь войск корпуса никаких существенных изменений, что давало возможность войскам продолжать службу по установленному моим предшественникам порядку»¹⁵. Да и что же он мог, по совести, еще написать, ибо принял корпус лишь 25 мая 1913 г.¹⁶, т. е. за год до начала Первой мировой войны, и, следовательно, не ему, а Ренненкампфу корпус был обязан той великолепной боевой выучкой, которую он и показал под началом Епанчина на поле Гумбиннена.

Приведенные выше оценки свидетельствуют о том, что Ренненкампф обладал личной храбростью, испытанной в двух войнах, большим боевым опытом, умением руководить и командовать, пользовался доверием и уважением подчиненных ему войск, правильно понимал значение боевой подготовки в мирное время и активно ее осуществлял. К отрицательным качествам современники относили склонность к карьеризму и «неправильное отношение к казенным суммам», однако это еще не повод для обвинений в предательстве и преступном бездействии, в объявлении его одним из главных виновников поражения наших армий в Восточной Пруссии. Но кто же тогда виновник позорного погрома?

Отметим, что еще за три года до начала войны было принято стратегическое решение о взаимодействии армий России и Франции против Германии. Оно было неправильно как в плане определения количества выделяемых Россиею сил, так и

* Здесь и далее все даты до 14 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

Б. Г. Кипнис

сроков начала русского наступления. Этот факт еще в 1926 г. убедительно осветил, находясь в эмиграции, замечательный русский военный историк Н. Н. Головин: «На совещаниях 1911–1913 гг. союзники обязывались начать наступление против Германии одновременно с двух сторон; Франция обязывалась выставить на десятый день мобилизации на своем С.-В. Фронте 1 300 000 и в этот же день начать операции; Россия обязывалась выставить против Германии до 800 000 человек на пятнадцатый день мобилизации, начав наступление против Германии тот час же после пятнадцатого дня... Перечисленные выше обязательства, взятые на себя в лице генерала Жилинского (в тот период начальника Генерального штаба. – Б. К.), были совершенно несогласованными с действительными возможностями..., при- нуждали Россию начинать решительные действия тогда, когда только одна треть ее вооруженных сил могла быть развернута. Это представляло собою крупнейшую стратегическую ошибку, заставившую дорого оплатить себя кровью войск. Эти обязательства связывали также свободу стратегических действий будущего Верховного Главнокомандующего, предъявляя ему требования считать сразу же за главное оперативное направление Восточно-Прусское и даже Берлинское»¹⁷.

На нереальность сроков перехода в наступление на пятнадцатый день мобилизации указывает даже тот факт, что генерал-лейтенант Н. А. Клюев, начальник штаба Варшавского военного округа, т. е. в штабе более низкого уровня, чем Генеральный штаб, в докладе Я. Г. Жилинскому «О взаимодействии 1-й и 2-й армий» указывал: «Наступление армий должно быть одновременно и может быть начато: 1-й армией по окончании сосредоточения всех ее первоочередных заданий дивизий, т. е. на девятнадцатый день, 2-я армия может начать наступление от линии р. Нарев на двадцать первый день мобилизации, т. к. к этому времени будет сосредоточен в Остроленна 17-й корпус, выйдут на намеченные направления 6-й и 15-й корпуса, а второочередные дивизии смешаны пехотные гарнизоны в крепостях»¹⁸.

Однако то, что было очевидно в Варшаве, игнорировалось в Петербурге. Уже накануне войны в Киеве проводилась военная игра, Жилинский к этому времени

был перемещен в Варшаву командовать округом, а на игре исполнял предназначенному ему в случае войны роль командующего Северо-Западным фронтом. Во время игры Жилинский отдал приказ о переходе в наступление уже на девятый день мобилизации. Это должно было привести к боям на двенадцатый день мобилизации, игравший за командующего 1-й армии Ренненкампф стал возражать, указывая, что его армия еще не закончит развертывания и такая поспешность вряд ли правильна¹⁹. Начавшаяся вскоре война подтвердила его правоту. Самоуверенность и легкомыслие Жилинского могут быть объяснены только карьеризмом в прошлом и невозможностью теперь, став ниже в должности, что-либо менять, даже если он и понимал всю пагубность принятого ранее решения.

О том, что некоторое понимание с началом военных действий Жилинский обрел, свидетельствует посол Франции в России М. Палеолог.

С первых же дней войны положение Франции стало серьезным: германские армии, нарушив нейтралитет Бельгии, рвались к Парижу, а союзники, не готовые к этому, отступали, все надежды французских политиков обратились к России. Посол Республики настоятельно просил ускорить наступление в Восточной Пруссии. 13 августа 1914 г. в беседе с ним С. Д. Сазонов, министр иностранных дел, сообщил, что: «Генерал Жилинский... считает, что всякое наступление в Восточной Пруссии обречено на верную неудачу потому, что наши войска еще слишком разбросаны и перевозки встречают много препятствий. Вы знаете, что местность пересечена лесами, реками и озерами... Начальник штаба (Ставки Верховного главнокомандующего. – Б. К.) генерал Янушкович разделяет мнение Жилинского и сильно отговаривает от наступления. Но квартирмейстер (Ставки. – Б. К.) генерал Данилов²⁰ с неменьшей силой настаивает на том, что мы не имеем права оставлять нашу союзницу в опасности и что, несмотря на несомненный риск предприятия, мы должны немедленно атаковать. Великий князь Николай Николаевич²¹ издал об этом приказ. Я не удивлюсь, если операция уже началась»²². Итак, Жилинский начал сомневаться, но генерал Ю. Н. Данилов не сомневается, тем более,

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

что ответственность за выполнение приказа ляжет не на него, а на Жилинского! Самое же важное, что запись Палеолога повествует о принятии решения выступления в поход 2-й армии генерала А. В. Самсонова. Вот оно – начало трагедии. И вот еще один ее главный виновник – генерал Ю. Н. Данилов. Такой же карьерист, как и Жилинский, «пересидевший» с 1908 по 1913 г. пять начальников Генерального штаба, Данилов в качестве генерал-квартирмейстера Генштаба был главным разработчиком всех планов мобилизации и развертывания русских армий на случай войны. Как никто, он знал реальные возможности наших войск и, тем не менее, с легким сердцем ставил перед ними нереальные для выполнения задачи.

Известная доля вины падает и на великого князя, пошедшего на поводу у Данилова: «Великий князь Николай Николаевич сдержал слово. По его повелительному приказу пять корпусов генерала Самсонова атаковали третьего дня неприятеля в районе Млава-Сольдау. Место нападения хорошо выбрано, чтобы заставить немцев перевести туда многочисленные силы потому, что победа русских в направлении Алленштейна имела бы двойной результат: открыла бы им дорогу на Данциг и отрезала бы отступление германской армии, разбитой под Гумбинненом»²³. Но великий князь был «прикован» обещаниями, данными генералом Жилинским в 1911–1912 гг. французам, к мобилизационному плану, разработанному генералом Даниловым, и не мог нести ответственности за составленные без его участия капитальные планы стратегического характера. Это, однако, не снимает с него ответственности за тактику воплощения в жизнь этой порочной стратегии, и здесь его вина очевидна.

Само по себе решение наступать, выручая Францию из смертельной опасности, было, хотя и предельно рискованно, стратегически оправдано самой природой коалиционной войны. В военном искусстве всегда присутствует элемент риска, неожиданных препятствий и их преодоления, таков сам по себе системный характер этого вида искусства. Военная наука стремится, но не может преодолеть всех элементов риска, как бы она ни старалась. Здесь ей на помощь и должен

приходить гений полководца. У Жилинского и Данилова он отсутствовал изначально, а у великого князя оказался недостаточен, – вот одно из важнейших обстоятельств катастрофы августа 1914 г.

Чтобы закончить с вопросом, почему начало наступления на пятнадцатый день мобилизации было гибельно для 1-й и 2-й русских армий, обратимся к цифрам. Согласно подсчетам генерала Головина, на пятнадцатый день русские могли мобилизовать против Германии и Австро-Венгрии 27 пехотных и 20 кавалерийских дивизий, на двадцать третий день – еще 20–23 пехотных и 3–4 кавалерийских дивизии, на двадцать девятый – от 3 до 5 пехотных и 4 кавалерийских дивизии; только с двадцать третьего дня начинали поступать второочередные²⁴ дивизии пехоты, а с двадцать девятого – кавалерии²⁵. Следовательно, на двадцать третий день русские армии достигали комплектной, а, следовательно, и ударной полноценности. Наступление же 1-й и 2-й армий началось 4 августа, т. е. на семнадцатый день мобилизации. Однако некомплект 1-й армии был на самом деле еще больше, чем это становится очевидным из вышеприведенных данных, т. к. по мобилизационному плану ее главную ударную силу должны были составить Гвардейский, I, III, IV армейские корпуса и четыре кавалерийских дивизии, семь пехотных дивизий второй очереди должны были появиться лишь на двадцать третий день мобилизации. Но уже 26 июля телеграммой генерала Н. Н. Янушкевича № 2727 армию ослабили: «Ввиду направления главных сил Германии против Франции и необходимости поддержать нашу союзницу, Верховный Главнокомандующий повелел: Гвардейский и I армейский корпуса в составе, указанном в боевом расписании, изъять из состава 1-й армии и направить в Варшаву»²⁶. Поскольку дивизии второй очереди физически не могли принять участия в первом наступлении 4 августа, настоящая телеграмма свидетельствовала, что ради сформирования новой армии, нацеленной на Познань-Берлин (это было следствием вышеупомянутых просьб М. Палеолога), 1-я армия ослаблялась на половину своего боевого состава пехоты. Хотя в нее вскоре включили 20-й армейский корпус, отсутствие гвардейской пехоты – элиты армии, прекрасно обученной и вооружен-

Б. Г. Кипнис

ной, — подобная замена восполнить не могла, что и сказалось через несколько дней на поле сражения. Также необходимо отметить, что I армейский корпус в итоге оказался в составе 2-й армии, и она стала состоять из шести армейских корпусов. В результате в начавшемся наступлении соотношение сил между 1-й и 2-й армиями было следующим²⁷:

Армии	Батальоны	Эскадроны	Батареи	Орудия
1-я	104	124	55	492
2-я	200	72	96	702

Мы видим, что по главной ударной силе 2-я армия была вдвое сильнее 1-й в пехоте и на 33% в артиллерии. При таком соотношении сил, памятуя о том, что 7 августа 1-й армии предстоит Гумбиннен-Гольданское сражение, где она понесет значительные потери, а 2-я армия на этот день еще не вступит в соприкосновение с противником, становится очевидным, что 1-я армия, будучи настолько слабее 2-й, вряд ли смогла бы оказать 2-й армии действенную помощь 16–17 августа, когда та, в свою очередь, терпела поражение. При этом необходимо помнить, что фланги армий не соприкасались, разделенные Мазурским поозерьем на 90–100 км, следовательно координация действий обеих армий ложилась на командование Северо-Западным фронтом, т. е на генерала Жилинского. Об этом и следует поговорить особо.

Решающее значение в управлении движением войск, а следовательно и в том, где и какой степени готовности они встречаются с противником, зависит от директив верховного командования; генерал Жилинский в своей директиве от 31 июля указы-

вал генералу Ренненкампу: «По имеющимся у нас сведениям, в Восточной Пруссии им (противником. — Б. К.) оставлено от 3-х до 4-х корпусов и несколько дивизий и ландверных²⁸ бригад. Авангарды его выдвинуты к границе, но его главные силы находятся, несомненно, за линией озер. Я предлагаю... 4 августа перейти границу всеми тремя корпусами, входящими в состав армии, направляя их первоначально а фронт Истенбург-Ангерсбург, а затем развивая наступление в охват левого фланга противника, при этом наступлении надлежит оставить достаточной силы заслоны против Летцена²⁹, откуда можно ожидать перехода германцев в наступление...»³⁰

Эта директива, несмотря на ее уверенный тон, никоим образом не соответствовала действительности, т. к. в районе Мазурского поозерья, откуда Жилинский ожидал контрудара, было пусто. Подлинная группировка неприятеля была иною, попытка окружить Летценский укрепрайон в поозерье была попыткою окружить пустое место, при этом подставляя себя под неожиданное фланговое и фронтальное столкновение, как раз при выдвижении к фронту Истенбург-Ангерсбург. Ибо вместо авангардов здесь находились части германских корпусов (I генерала Г. Франсуа, I резервного генерала О. Белова), развернутые впереди этого предполагаемого фронта, а на его центральную позицию в Дарнемен уже 3 августа прибывали головные части XVII корпуса генерала А. Макензена. Таким образом, генерал Жилинский подлинной дислокации неприятеля не знал, и следование его директиве было опасным для 1-й армии.

Неприятель мог противопоставить ей следующие силы³¹:

Корпуса и дивизии	Батальон	Эскадрон	Батарея	Орудия
I армейский корпус	24	8	32	176
XVII армейский корпус	24	8	30	160
I резервный корпус	26	6	16	88
Резервная дивизия генерала Бродрюка	16	3	53	200
1-я кавалерийская дивизия	1	24	3	12
Всего:	91	49	134	636

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

1-я армии в полосе предлагаемого наступления располагала следующими силами³²:

и посчитал позднее своей главной задачей ее обложение и взятие, на что нацеливал его и генерал Жилинский после

Корпуса и дивизии	Батальон	Эскадрон	Батарея	Орудия
XX армейский корпус	32		14	108
III армейский корпус	32		14	108
IV армейский корпус	32		14	108
1-я отдельная кавалерийская бригада		12		
1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии		30	4	24
Всего:	96	42	46	348

При этом надо отметить, что в сражении при Гумбиннен-Гольдане 1-я и 2-я гвардейские кавалерийские дивизии участия не приняли. При почти равных силах в пехоте, перевесе неприятеля почти в два раза в артиллерии, следование директиве генерала Жилинского могло привести 1-ю армию к серьезной неудаче и большим потерям.

Однако в директиве генерала Ренненкампфа 1-й армии, отданной 2 августа, дислокация противника, а следовательно и подготовленность к встрече с ним в данном месте, совсем иные: «1-ой армии перейти границу 4 августа... Задача 1-ой армии – возможно глубже охватить левый фланг неприятеля на р. Ангерап, где предполагаются его главные силы, имея целью отрезать неприятеля от Кенигсберга»³³. Эта ключевая фраза говорит о том, что Ренненкампф правильно определил место сосредоточения неприятеля, что было отмечено еще первыми исследователями Восточно-Прусской операции³⁴, но впоследствии упорно замалчивалось, т. к. демонстрировало компетентность генерала и, следовательно, свидетельствовало о высоком уровне готовности войск и их начальников к столкновению с противником в районе его действительного нахождения, повышало возможность одержать победу. Это совершенно не согласовывалось с навязываемым образом бездаря, труса и предателя. Однако здесь присутствовала и ошибка, которая определила последующие действия командования 1-й армии: ставя цель отрезать неприятеля от Кенигсберга, Ренненкампф предполагал у противника желание запереться в крепости столицы Восточной Пруссии

победы при Гумбиннене. Это пример показывает нам, как велика роль директивы для организации хода военных действий.

Утром 4 августа 1-я русская армия перешла границу, поход в Восточную Пруссию начался. С самого начала выявились отрицательные моменты, усугубившие слишком раннее, по сравнению с мобилизационными возможностями, и потому опасное положение. К их числу относятся слишком быстрые темпы наступления войск, лишенных из-за плохого состояния дорожной сети возможности эффективно пользоваться железнодорожным и автомобильным транспортом (последний в России был тогда в зачаточном состоянии). Войска шли пешком, как в 1812 г., что просто не соответствовало уровню современной войны и было следствием экономического и военно-технического отставания России от Германии. Следствием было переутомление войск еще до сражения при Гумбиннен-Гольдане. Вот как комментирует данный факт один из первых историков этого сражения Л. А. Радус-Зенькович, полковник, офицер Генерального штаба, начальник штаба 27-й пехотной дивизии III армейского корпуса, принимавший личное участие в событиях августа–сентября 1914 г.: «В настоящее время выводы большинства русских исследователей первых сражений 1914 г. сходятся во мнении, что и поражение Самсонова и неудача Ренненкампфа в значительной мере зависели от того, что войска 1-й и 2-й русской армии были вымотаны в первые дни сосредоточения. Их гнали вперед, не давая им отдохнуть, ни подтянуть обозы, ни установить должную связь по фронту и в глубину.

Б. Г. Кипнис

1-я русская армия при сосредоточении к границе сделала от р. Немана в три перехода 75–90 верст и без дневки пушила в первый бой с немцами.

Некоторым частям приходилось делать переходы по 30–35 верст. Не удивительно, что сырье, только что отмобилизованные люди были замучены, а командиры не могли наладить связи и тыла. Нормальный переход, выработанный опытом всей военной истории, для пехоты – 20–25 верст, и притом через три дня должна быть дневка... Никогда не надо забывать, что если часть совершает переход 25 верст, то ее охранение, связь, разведка и прочий наряд делает по 35–40 верст. А ведь в нароях бывает около 1/4 людей в частях»³⁵.

Еще более ценно свидетельство капитана А. А. Успенского: «Мы усиленно, с утра до вечера, занимались со своими ротами рассыпным строем и полевой службой. Крайне необходимо было „подправлять“ боевую подготовку запасных под своих кадровых. А особенное „приналечь“ на стрелковые боевые упражнения, а также на обучение штыковому бою с преодолением препятствий»³⁶.

Наконец, получен был приказ 1-й армии: 1 августа начать наступление к немецкой границе, не ожидая концентрации и даже окончания мобилизации некоторых частей, как, например, тяжелой артиллерией, потому что в первых боях она у нас и не участвовала... Таким образом, наша дивизия двумя походными колоннами, с раннего утра 1 августа двинулась через Кальварию в район южнее Верхболово. Шли три дня, делая по 25–30 верст в день. Конечно, для запасных солдат, отвыкших от походов, путь этот был тяжелый, тем более, что прия на noctleg, многим приходилось не спать, а идти в сторожевое охранение: заставы, посты и дозоры»³⁷. Мемуарист не только подтверждает мысль о перенапряжении частей во время форсированного марша, но и касается еще одной стороны вопроса, вытекавшей из слишком ранних сроков перехода в наступление, – недокомплектованности частей (отсутствие тяжелой артиллерии на поле боя у Стамонена и Гумбиннена. Еще более авторитетно говорит об этом командир III армейского корпуса генерал Н. А. Епанчин: «Необходимо иметь в виду, что мы вышли в поход с некомплектом в 40%»³⁸.

Все эти свидетельства участников марш-маневра 1-й армии раскрывают порочность решения генерала Данилова форсировать вторжение в Восточную Пруссию, укрывавшего безответственность своих действий за обтекаемыми фразами о том, что поспешное наступление «выносило войну из пределов собственной страны, чем достигались также немаловажные результаты... С целью скорейшего воздействия на германцев названные армии (1-я и 2-я. – Б. К.) были составлены из пограничных и ближайших к району действия корпусов. Этим достигалось, правда, не без известных усилий возможность перехода ими в наступление уже в начале 3-й недели мобилизации»³⁹. Что означали эти «известные усилия», предельно емко высказал уже в эмиграции на склоне лет генерал Епанчин: «Беда была в том, что наши войска на германской границе были еще совсем не готовы к переходу в наступление; они еще не были доведены до военного состава (40% некомплекта), не имели в достаточном количестве боевых припасов; артиллерия имела только по 428 выстрелов на орудие; тяжелая артиллерия еще не была приведена в военный состав, санитарная часть была совершенно не устроена, тыл не оборудован и пр.; одним словом, мы не были готовы к решительным действиям»⁴⁰. Вряд ли можно еще что-либо добавить к этому, кроме одного весьма существенного замечания: ответственности за приказ о наступлении неотмобилизованной 1-й армии генерал Ренненкампф не несет, однако вину за результаты этого непродуманного решения постарались возложить именно на него.

Другим отрицательным моментом была отвратительная работа стратегической кавалерии, входившей в состав 1-й армии во время начавшегося перехода границы. Основная ее масса – 70 эскадронов, 42 орудия, 32 пулемета – состояла из элитных 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий. В предшествующий период они сносно провели операцию прикрытия и сосредоточения 1-й армии и разведки местоположения неприятеля, но «это не было решительное движение в глубину неприятельского расположения, а больше всего напоминало малые маневры в течение летних сборов, когда войска выходили на дневные ученья с тактическими задания-

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

ми и возвращались на свои квартиры на отдых. Самое исполнение этих наступлений нельзя назвать искусным, а главное – не было настойчивости в достижении поставленных целей, а сами цели были крайне не определены⁴¹. Бой у Кирбат 22 июля уже был проведен начальником конницы генерал-лейтенантом ханом Нахичеванским так, что вызвал нарекание генерала Ренненкампфа: «Уже в первом бою 22 июля следовало выяснить силы противника. Имея кавалерийскую массу с конной артиллерией, легко было охватить фланги, тыл, все выяснить. Полнее и своевременнее доносите»⁴². Новый бой между Эйдакуненом и Стамонененом вызывал новую отповедь командарма: «Ваше донесение о деле 28 июля вновь доказало, что вверенная вам конница больше увлекается боями на фронте, чем действием во фланги и тыл противника, где ее настоящее место. При вашей обстановке нет необходимости спешенной конницей упорно задерживать пехоту противника фронтальными боями. Если пехота противника продвинется вперед, тем легче будет ее охватить, зайти в тыл»⁴³. На телеграмме о бое 29 июля резолюция командарма: «Опять совершенное отсутствие маневра. Не выполнена поставленная задача – обойти фланги и в тыл, одно лишь фронтальное действие; а в результате – невыполнение и напрасные жертвы»⁴⁴.

Однако все эти указания генерала Ренненкампфа не были серьезно учтены ханом Нахичеванским, и 3 августа перед переходом армии границы он, не проверив данные о занятии неприятелем м. Шиленен, двинул туда три кавалерийские дивизии, охватывая, как оказалось к 17 ч. дня, пустое место. Здесь конница и осталась ночевать. Таким образом, главная масса русской армейской конницы сильно уклонилась к северу от общего направления наступления, не очистила дорогу на Пилькален от неприятельской кавалерии (т. е. не создала угрозы для 1-й германской пехотной дивизии в Стамонене, что и послужило поводом для упорного боя 4 августа) и не достигла никаких существенных результатов, отойдя от границы не более 6–8 км, а между тем лошади были под седлом с 6 ч. утра до 10 ч. вечера⁴⁵.

Результатом этого явилось то, что утром 4 августа армия, перейдя границу,

сразу же вступила в бой I с германским корпусом у Стамоненена и Герптена. Из-за отсутствия севернее Стамоненена конницы хана Нахичеванского немецкие части атаковали от Стамоненена с севера III корпус генерала Епанчина, пытаясь охватить его 25-ю дивизию с правого фланга, к счастью, командир 29-й пехотной дивизии XX армейского корпуса генерал-лейтенант Розеншильд-Паулин, «слыша шум разгорающегося впереди боя, торопился прикрыть правый фланг III-го корпуса, отеснив передовые части немцев, перешел границу в районе Радшена и двумя колоннами бросился на фронт Таргупенен-Бильвердейчен, уже сильно занятый противником, собиравшим здесь свой кулак для удара по тылу 25-й дивизии..., разбил здесь немцев, захватив пленных, 7 орудий и 12 зарядных ящиков и тем обеспечил положение правого фланга III-го корпуса»⁴⁶. Хан же со своей конницей в этот день столь медленно атаковал германскую кавалерийскую дивизию в Пилькалене, что та, избегнув охвата, ушла; никакой помощи нашей пехоте, дравшейся у Стамоненена и Герптена, он не оказал. Итогом явилась резкая телеграмма Ренненкампфа от 6 августа: «Деятельность вашего конного отряда в бою 4 августа крайне неудовлетворительна: пехота вела упорный тяжелый бой, конница обязана была помочь появлением не только на фланге, но и в тылу неприятеля, не считаясь с числом верст, – это привело бы к меньшим потерям у нас, к тяжелому поражению неприятеля. В будущем приказываю быть более энергичным, подвижным, помнить, что у вас 48 орудий, которые направлением в тыл неприятеля принесут громадное поражение»⁴⁷.

Следствием этих несогласованных действий стали потери в 27-й пехотной дивизии: 105-й пехотный Оренбургский полк почти весь во главе с командиром, полковником Комаровым, был окружжен, знамя удалось спасти, командир погиб, большая часть полка сдалась в плен, т. к. состояла из только что мобилизованных запасных Вильнюса, не горевших желанием сражаться⁴⁸. Общие потери в 27-й пехотной дивизии составили 63 офицера, 6664 солдата, 12 пулеметов⁴⁹. И. И. Вациетис весьма неубедительно старается «выгородить» хана Нахичеванского в этой истории⁵⁰ и «взвалить» ответственность на

Б. Г. Кипнис

генерала Ренненкампфа, который по существу своих претензий был абсолютно прав, тем более, что уже 6 августа, когда еще оставалась в силе вышеприведенная телеграмма, хан втянулся в бой со 2-й ландверной бригадой за Краушинкен. 5 батальонов, 2 эскадрона и 12 орудий немцев сковывали весь день 70 эскадронов и 48 орудий русских, и лишь молодецкая атака шт.-ротмистера л.-гв. Конного полка, барона П. Н. Врангеля позволила силами 1-го эскадрона взять 2 орудия, увлечь цепи спешенных кавалергардов и переломить ход боя⁵¹. Но это произошло лишь в пятом часу дня, т. е. инициатива была снова утрачена, потери составили 25 офицеров и 129 солдат⁵².

В результате хан Нахичеванский не выполнил задачу, поставленную перед ним той же телеграммой от 6 августа: «Приказываю 7-го к вечеру выяснить разведкой на фронте Интенбург, Гумбиннен: заняты ли они, есть ли укрепления, какие силы между реками Инстер, Роминта, обороняются ли они, занят ли лес Цулькине. Главными силами займите 7-го Пеленткинен на Инстере»⁵³. Эта концовка телеграммы носит важный тактический характер. Если бы хан ее выполнил, т. е. с раннего утра 7 августа двинулся бы вперед, то он зашел бы во фланг и тыл левому флангу и центру I германского армейского корпуса, и, следовательно, весь ход сражения при Гумбиннене принял бы для немцев катастрофический характер. Генерал Ренненкампф был абсолютно прав, требуя провести разведку, т. к. именно в этом районе и в эти часы 2-я германская пехотная дивизия и 1-я кавалерийская дивизия заходили в полоборота влево, выигрывая правый фланг у нашей 1-й армии⁵⁴. Хан Нахичеванский, вместо исполнения приказа командарма, отошел на ночевку в район Лиденталь-Каральскименен-Ней-Станупенен, покинув с таким трудом взятый Краупишкен и открыв тем самым 2-й пехотной и 1-й кавалерийской германским дивизиям путь на наш правый фланг⁵⁵.

Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что генерал Ренненкампф неправильно руководил 1-й армией с момента начала похода, вплоть до Гумбиннского сражения. Напротив, весь его боевой опыт подсказывал ему правильное определение предполагаемого района

сосредоточения неприятеля, необходимые требования к стратегической коннице, точное определение наиболее угрожаемого района развертывания неприятеля на кануне сражения. Однако выполнению этих требований мешали крайняя утомленность войск, их некомплект, плохое командование конницей со стороны хана Нахичеванского. Последнее преодолеть командарм не мог, т. к. личная храбрость хана была вне подозрений, а его обширные связи при дворе как бывшего командира л.-гв. Конного полка парализовывали всякую попытку не только отстранить его от должности, с которой он явно неправлялся, но и заставить его точно выполнять приказы.

Поведение хана в ночь с 6 на 7 августа и 7-го днем невообразимо – он не выполнил приказ генерала Ренненкампфа и не двинулся с места. Свидетельство об этом оставил В. Андреев, подпоручик 19-го Архангелогородского драгунского полка, направленный генералом Н. А. Орановским с просьбой о поддержке. Андреев нашел хана в господском доме в Лидентале: «Меня ввели в просторный и уютный салон, ярко освещенный и элегантно обставленный. Прежде всего я заметил множество уже распитых бутылок шампанского на длинном столе, а за столом на мягком диване, развались, полулежал немолодой уже и довольно полный генерал, небольшой и очень смуглый, с георгиевским крестом. Генерал мне приветливо улыбнулся. Я видел, что он совершенно трезвый, но очень утомленный, страшно уставший. Он мне любезно ответил, но с нескрываемой усталостью: „Доложите генералу Орановскому, что я не смогу завтра оказать ему поддержки, так как мои люди и кони устали, нуждаются в отдыхе, а в батареях нет снарядов, а ведь сила моих батарей зависит от огнестрельных припасов“. Я не верил своим ушам и, огорченный... спешил в свою бригаду. На рассвете встреченные артиллеристы мне отвечали, что снаряды еще имеются и ожидаются новые. На своем пути я видел много эскадронов хорошо выспавшихся людей и бодрых коней... Я знал, что Хан Нахичеванский очень храбрый генерал, безумно отважный кавалерийский начальник, но не думаю, чтобы он был убежден в том, что современная война стала научной. В душе я не упрекал

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

его за шампанское. Но, очевидно, напряжение боевого дня и возбуждение оживленной бессонной ночи к рассвету надломили вконец его утомленные силы, сокрушенные силы, сокрушили этого храброго человека... Сам утомленный, он легко убедил себя, что и люди его так же устали, а снарядов все еще нет. Вот в этой личной усталости, убежден я, лежала роковая причина его едва ли пристательного бездействия грядущим днем 7-го августа»⁵⁶.

Однако хан Нахичеванский наказание за столь грубое нарушение боевого приказа, приведшее к серьезным последствиям, не понес. Наоборот, 15 сентября 1914 г. он был весьма милостиво принят в Царском Селе, о чем свидетельствует запись в дневнике императора Николая II: «После обычных докладов принял Хана Нахичеванского, приехавшего с легкой раной в руку с войны. Он с нами завтракал и рассказывал много интересного»⁵⁷. Естественно, что против такого начальника кавалерии генерал Ренненкампф был бессенен.

Как мы видели, войска были переутомлены, поэтому, будучи уверен в выполнении ханом приказа, командарм назначил на 7 августа дневку: «Назначение дневки на 7-ое явилось настоятельной необходимости. Войска двигались без остановок уже 6 дней, причем первые переходы были форсированными, а следующие сопровождались боями. Стратегия обязана принять все меры к тому, чтобы вводить в бой войска не утомленными. Генерал Ренненкампф имел слишком большой боевой опыт, чтобы забыть это элементарное правило, столь часто забываемого в кабинетной стратегии высших штабов»⁵⁸. Остается только присоединиться к мнению Головина и добавить, что к приказу о дневке каждому корпусу было добавлено требование «осуществить силами корпусной кавалерии разведку на дневной переход вперед»⁵⁹. Требуя сведений о нахождении неприятеля на фронте Уинчекен-Ишдаген-Динглаупен-Гумбинен-Шабинен⁶⁰, Ренненкампф явно считал, что неприятель уже совсем близко на рубежах рек Инстер и Ангерап или перед ними. Если бы хан Нахичеванский 6 августа вместо топтания у Краупшкенена и Каушена выполнил свою задачу, то командарм уже знал бы, что неприятель впереди на переход предпо-

лагавшейся линии и вместо дневки русских ожидает бой. Таким образом, вина хана как командира стратегической конницы велика, а Ренненкампф демонстрирует верное чутье солдата, но «лишен глаз» в лице своей кавалерии.

На следующий день, 7 августа, произошло Гумбиннен-Гольданское сражение, его вели XX, III и IV армейские корпуса, бой носил встречный характер, причем инициатива исходила от немецкого командования. Генерал Ренненкампф находился со штабом армии на станции железной дороги Верхболово, т. е. в 42 км от линии огня. Местонахождение его там было логично, ибо это была единственная железнодорожная ветка, равно как и телеграфная линия в тылу всей 1-й армии, откуда можно было управлять всем ее фронтом. Передвигаться в Сталюпенен, т. е. на расстояние 23 км от линии огня, означало «сесть на голову» генералу Епанчину, оттуда руководившему боем дивизий своего III корпуса. Кроме того, можно было утратить связь с остальными корпусами, как это случилось через 10 дней с генералом А. В. Самсоновым, когда он, потеряв самообладание, выехал к терпящим поражение корпусам и 2-я армия утратила его руководство.

Бой, развернувшийся по всему фронту 1-й армии, был внезапен, длился всего несколько часов и окончился отходом немцев, начавших его атаками уже в 6 ч. утра, и отступивших в смятении около 16 ч. зо мин. При этом части I и XVII германских корпусов понесли такие потери, что в ряде мест просто побежали, не выдержав русского артиллерийского огня. Но так как 28-я пехотная дивизия XX русского корпуса на нашем правом фланге понесла большие потери и частично отошла, то и командующий III русским корпусом генерал Епанчин в 16 ч. 30 м. предписал начальнику 27-й пехотной дивизии генералу А. М. Адариди прекратить преследование неприятеля⁶¹.

При такой скоротечности боя ни штабы корпусов, ни штаб 1-й армии не успели принять серьезного участия в командовании сражением, и инициатива его начала была в руках неприятеля. Однако по мере того, как сражение разворачивалось, из сбивчивых донесений командиров полков и дивизий стала вырисовываться общая картина. Ренненкампф и его

Б. Г. Кипнис

штаб принял оперативное решение: в 14 ч. была отправлена телеграмма командующему IV русским корпусом генералу Э.-С. Г. Алиеву: «Сегодня противник перешел в наступление по всему фронту. Форсированно двиньте 30-ую дивизию, правый фланг противника в направлении Вальтеркемен, что к северу от Гольдап»⁶². Подписал ее генерал М. М. Милеант, начальник штаба 1-й армии. Когда бой уже затихал, Ренненкампф отправил Жилинскому следующую телеграмму: «40-й дивизии приказал охватить правый фланг противника (т. е. XVII германского корпуса – Б. К.), 30-ую дивизию форсированно направляю на Гольдан, Вальтеркемен...»⁶³

Из этих телеграмм видно, что командарм, видя тяжелое положение своего правого фланга и стабильность центра, наносит удар своим пока что не израсходованным резервом, т. е. левым флангом – IV корпусом генерала Алиева. Если бы не поспешное выступление в поход, то был бы резерв за спину центрально-го III корпуса, но в реально сложившейся ситуации его не было. Если бы хан выполнил директиву № 157 от 6 августа, то I германский корпус обратился бы в бегство. Но хан весь день стоял на месте и не посыпал никаких сообщений. При такой ситуации генерал Ренненкампф сделал все, что мог: не утратил руководства армией, организовал фланговый удар, не имея резерва ни в центре, ни на правом, разбитом, фланге. Он не отдал приказа отойти на один переход назад, как поступили бы на его месте многие, удержал позицию, довел сражение до конца и закрепился на поле выигранного сражения.

Главным героем дня 7 августа явился III армейский корпус, блестяще выученный генералом Ренненкампфом за те предвоенные годы, что он был его командиром. Неслучайно командарм поздравил своих верных солдат особой телеграммой: «Командиру 3-го армейского корпуса. Большое вам спасибо за самоотверженную работу частей корпуса, благодаря чему дело на фронте отлично... Для поддержки правого фланга армии немедленно выделите что возможно. Войска ваши столько наложили немцев, что при укреплении позиций вы свободно удержитесь на местах, даже после выделения»⁶⁴.

Победа была одержана. Почему же тогда 8 августа 1-я армия не двинулась

вперед за отступившим врагом? Это вопрос задавал еще в 1926 г. генерал Головин⁶⁵. Он объяснял промедление 8 и 9 августа отсутствием резервов⁶⁶ как следствие чересчур раннего, против мобилизационного плана, перехода в наступление. Кроме того, по его мнению, было трудно узнать сразу, что за внешним контуром противника образовалось пустое пространство (подобное имело место на всех театрах войны)⁶⁷, а потому, указывал он, «произносить осуждение командованию 1-й русской армии следует с большой осторожностью»⁶⁸. Наконец, Головин отмечал, как важную причину, переутомление войск из-за форсированных маршей еще до Гумбинненского сражения: «Мы знаем, что генерал Ренненкампф решил дать дневку армии 7 (20) августа. Но вместо дневки войскам пришлось выдержать крупное армейское сражение. Силою самих вещей несостоявшаяся дневка должна была превратиться в приостановку на поле сражения»⁶⁹.

Не менее важным является вопрос о потерях русских войск. Он был освещен еще в 1921 г. Л. А. Радус-Зенковичем, но постепенно этот фактор стали игнорировать, а именно он ставит все точки над «и». В бою за Стамопенен 4 августа 27-я пехотная дивизия потеряла 63 офицера, 6664 солдата, 12 пулеметов⁷⁰, в сражении 6 и 7 августа 28-я пехотная дивизия лишилась 104 офицеров, 6945 солдат, 23 пулеметов, 8 орудий⁷¹, в сражении 7 августа 25 пехотная дивизия потеряла 35 офицеров, 3145 солдат⁷², 27-я пехотная дивизия потеряла 21 офицера, 950 солдат⁷³, 40-я пехотная дивизия – 31 офицера, 2022 солдат⁷⁴; данных о потерях 29-й и 30-й дивизий нет. Общие силы русских, участвовавшие в сражении, составили 63 800 штыков⁷⁵, потери в живой силе – 254 офицера и 14 726 солдат. В процентном соотношении (без учета потерь 29-й и 30-й дивизий) они составляют 31, 3%, следовательно, в целом – около 34% личного состава.

Главный участок сражения был в по-лосе 28-й, 29-й, 25-й, 27-й и 40-й дивизий, имевших в своем составе 43 400 штыков⁷⁶, потери в них (без 29-й) составляют 19 980 офицеров и солдат, при этом процент потерь в этих, вынесших основную тяжесть боя, соединениях, даже без сведений по 29-й пехотной дивизии, составил чуть более 46%.

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

Теперь все можно расставить на свои места: никакой преступной деятельности со стороны генерала П. К. Ренненкампфа не было, а были войска, выступившие в поход с некомплектом в 40%, измотанные форсированными переходами, с неустроенными обозами и тыловыми учреждениями, выдержавшие тяжелейшие встречные бои, в которых они победили, благодаря той выучке, которую их командарм дал им в предвоенные годы. Однако эти победоносные войска понесли такие потери, что им потребовалось двое суток, чтобы привести себя в боевое состояние, именно этим временным бессилием 1-й армии и воспользовался неприятель.

Для справедливой характеристики генерала Ренненкампфа необходимо отметить еще одно обстоятельство: уже 8 августа он в телеграмме на имя генерала Янушкевича дал анализ Гумбинненского сражения: «В боях 4 и 7 августа наибольшее число потерь относится на счет артиллерийского огня противника. Подтвердилось, что немцы, как ожидалось, ищут решения участия боя на флангах, стараясь обходить таковые. На фронте противник выдвигает сильную артиллерию, вплоть до тяжелой, стараясь получить перевес в огне, причем последнюю (тяжелую артиллерию. — Б. К.) располагает против того фланга, который им предполагалось обойти... Огонь нашей артиллерии нисколько не уступает по губительности немецкому, нанося большие потери и в короткий промежуток сметая подверженные огню цели.

Что касается ружейного огня, то бои 4 и 7 августа подтвердили несомненное наше преимущество в этом отношении. Ружейный огонь немцев меткостью не отличается. <...>

На фронте вообще противника нетрудно остановить; подталкивание залегших цепей способом Драгомирова, примененное немцами, видно, не удалось; бросаемые вперед батальоны, дойдя до своих цепей, залегают и не продвигаются вперед, боясь своего же огня сзади.

Общее впечатление: там, где немцам удается получить на своей стороне преимущества техники, там они задерживают нас и наносят нам наибольшие потери; я полагаю, в отношении же искусства ведения боя и морального настроения преимущества немцев не обозначились»⁷⁷.

Эта телеграмма говорит о том, что командарм правильно чувствовал как обстановку, так и новые условия боя и высоко ставил боевые качества русских солдат и офицеров, верно оценивал их успешную боевую выучку уже в первые же дни боев.

В течение 10–13 августа 1-я армия продолжила наступление, однако ни действия воздушной разведки⁷⁸, ни конная разведка⁷⁹ не дали точного представления, куда же отступает 8-я германская армия⁸⁰. Показания жителей 11 августа свидетельствовали об одном из возможных путей отступления — Кенигсберг⁸¹, о чем и было сообщено генералу Жилинскому. Желая собрать об этом больше сведений, Ренненкампф потребовал их от конницы⁸². В донесении генералу Жилинскому от 12 августа категорических утверждений, что неприятель отходит именно туда, нет, наоборот, сказано неопределенно: «Новых сведений о противнике не получено»⁸³. В приказе № 4 по 1-й армии от 8 ч. утра 13 августа также ничего не говорится о наступлении на Кенигсберг⁸⁴. И вдруг 13 августа штаб Северо-Западного фронта шлет в штаб 1-й армии следующую директиву: «Главнокомандующий приказал: дальнейшей целью 1-й армии ставится: 1) обложение Кенигсберга частью сил, примерно двумя корпусами, впредь до замены их резервными дивизиями; 2) преследование остальными силами армии той части войск противника, которая, не укрывшись в Кенигсберге, стала бы отступать к Висле... Совокупные действия 1-й и 2-й армий должны иметь целью прижать к морю отступающих к Висле германцев и не допустить их до Вислы»⁸⁵. Эта директива приковывала 1-ю армию к Кенигсбергу, из нее же видно, что Жилинский вообще не знает, куда отходят части 8-й германской армии, а лишь предполагает, иначе бы он не «назначил» местом ее окружения берег Балтийского моря между устьем Вислы и Кенигсбергом. Эта директива подкрепляла соответствующую телеграмму генералу А. В. Самсонову от 10 августа: «Германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армией генерала Ренненкампфа, постепенно отступают, взрывая за собой мосты. Перед вами противник, по-видимому, оставил лишь незначительные силы... Движение ваше имеет целью наступление

Б. Г. Кипнис

навстречу противнику, отступающему перед армией генерала Ренненкампфа, с целью пресечь немцам отход к Висле»⁸⁶.

Таким образом, не зная реального поведения командования 8-й германской армии, командующий фронтом обрекал 2-ю армию на поражение, а 1-ю заставлял гоняться за миражом. Как известно, командование 8-й германской армии было уже 9 августа заменено на генерала П. Гинденбурга и начальника штаба генерала Э. Людендорфа, которые и приняли решение продолжить перегруппировку войск, начатую еще генералом Г. Притвицем, с целью атаковать фланги 2-й русской армии. Тогда же Ставка Германского верховного командования приняла решение перебросить с французского фронта два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Эта ошибка, допущенная императором Вильгельмом II и начальником штаба его Ставки графом фон Х. И. Мольтке-младшим, обрекала 2-ю армию генерала Самсонова на гибель, но именно она спасла от разгрома Францию, срывая осуществление знаменитого плана графа фон А. Шлиффена, «хоронила» возможность молниеносной войны на западе и победы «до осеннего листопада» на востоке. Таково было громадное стратегическое значение сражения 7 августа при Гумбиннене и Гольдане, таков результат стойкости войск, воспитанных генералом Ренненкампфом. Но и такова будет ужасная судьба армии генерала Самсонова и его самого.

Сражение при Сольдау, погубившее 2-ю армию, завязалось 14 августа. Лишь 15 августа Жилинский стал понимать, что происходит у Самсонова, и обратился к Ренненкампфу: «Части, отступившие перед вами, перевезены железной дорогой на фронт 2-й армии и упорно ее атакуют у Бишофсбурга, Гильтенбурга и Сольдау... Окажите содействие 2-й армии своим движением возможно далее вперед левым флангом на Бартенштейн и выдвижением в сторону Бишофсбурга своей кавалерии»⁸⁷. Этую телеграмму командарм 1-й армии получил в 6 ч. утра, а уже в 7 ч. 20 м. тот приказал двинуться на помощь 2-й армии хану Нахичеванскому⁸⁸. Последний в 15 ч. 40 м. донес о выступлении около 18–19 ч. вечера того же, 15 августа⁸⁹. Тогда же была двинута на помощь и 1-я Кавалерийская дивизия генерала В. М. Гур-

ко⁹⁰. В 16 ч. 15 м. генерал Ренненкампф докладывал Жилинскому: «Для поддержки 2-й армии приказал наступать: 4-му корпусу – на фронте Прейсиш-Эйлау-Барштейн включительно, 2-му корпусу – Барштейн исключительно Бишофштейн; Хан Нахичеванский оставляет 1-ю гвардейскую кав. дивизию против Кенигсберга, с остальной конницей идет направлением Прейсиш-Эйлау, Вормдит для действия в тыл противника; Генерал Гурко наступает на фронт Зесбург, Бишофсбург, кроме того, на тыл противника в направлении на Ландсберг вывожу конницу генерала Рауха»⁹¹.

Таким образом, мы видим, что какие-либо обвинения в «преступной медлительности» лживы, а утверждение Вацетиса, повторенное потом в 6-м томе «Истории СССР»: «На оказание помощи генералу Самсонову он смотрит, как на дело второстепенной важности. Он приказал выдвинуть несколько к западу свой авангард, усилив его конницей»⁹², – просто клевета. Обычно Вацетис охотно цитирует документы, а в этом случае скромно приводит лишь № 408^{*93}, т. е. один из шести! Думается, что именно здесь кроется начало злонамеренного очернения генерала Ренненкампфа в советской историографии.

О том, кто менее всего прилагает усилий к спасению 2-й армии, хорошо говорит следующая телеграмма В. А. Орановского (начальника штаба Северо-Западного фронта) Ренненкампфу от 15 августа 19 ч. 10 м.: «Главнокомандующий (Я. Г. Жилинский. – Б. К.) сожалеет, что вопреки повелению верховного главнокомандующего 2-й корпус двинут на запад, вместо того, чтобы направиться на Граево, но раз уже он двинут, то главнокомандующий разрешил не менять этого распоряжения»⁹⁴. Дело в том, что еще 14 августа Жилинский по распоряжению Ставки приказал II армейский корпус направить форсированными переходами в Граево, откуда он будет направлен железной дорогой в Варшаву, где «будет включен в состав 9-й армии»⁹⁵, т. е. изъят из 1-й армии и примет участие в походе на Познань. Это было следствием вышеупомянутых просьб М. Палеолога и «стратегических фантазий» Ю. Н. Данилова, уже приведших к изъятию Гвардейского пехотного корпуса из состава 1-й армии.

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

Таким образом, еще в 12 ч. 33 м. 14 августа генерал Жилинский, не зная о катастрофических событиях под Сольдау, проектирует изъятие II корпуса, а через полтора суток, уже зная об этом, не понимает, что само создание 9-й армии и «раздергивание» 1-й армии в сложившихся условиях – авантюра, которой просто теперь не место. Похоже, единственный, кто отдает себе отчет в том, что происходит, это генерал Ренненкампф. В этом нас убеждают два документа. Во-первых, свидетельство генерала П. Г. Курлова, оказавшегося в эти часы в штабе Северо-Западного фронта: «Генерал Н. А. Данилов⁹⁶ сообщил мне, что главнокомандующий 2-й армией генерал Самсонов двинулся со своими войсками в обход неприятеля и тем оторвался от телеграфа. Вечером происходил военный совет у главнокомандующего (Я. Г. Жилинского. – Б. К.), и в эту ночь то давались, то отменялись распоряжения генералу Ренненкампфу начать наступление – на помощь генералу Самсонову. В окончательной форме распоряжение о наступлении так дано и не было, а между тем получилось донесение о разгроме самсоновской армии, и оказалось, что в своей собственной инициативе двинуться на выручку, генерал Ренненкампф был остановлен главнокомандующим»⁹⁷. Во-вторых, телеграмма генерала Ренненкампфа от 11 ч. 30 м. утра 16 августа на имя генерала Жилинского: «Усматривая из ваших распоряжений и телеграмм генерала Орановского тяжелое положение 2-й армии, решился взять на свою ответственность оставление 2-го корпуса, дабы более значительными силами нанести удар на фланги и тыл неприятеля и этим сильным ударом облегчить положение 2-й армии. Данное время Восточной Пруссии разыгрывается крупная операция, от исхода которой зависит дальнейшее положение на театре военных действий, что и заставило меня ослушаться повеления верховного главнокомандующего, но считаю и сейчас, что для общей пользы я обязан был так поступать... Для объединения командования выдвигаemyми двумя корпусами выезжаю лично вперед, передав временное командование против Кенигсберга Смирнову»⁹⁸.

Вполне естественно, что и эта телеграмма «добросовестно» игнорировалась советскими историками, т. к. она окончательно «хоронит» обвинения в предательстве генерала Ренненкампфа и демонст-

рирует его правильный взгляд старого солдата на сложившуюся ситуацию.

На этом фоне просто преступной является телеграмма штаба Северо-Западного фронта генералу Ренненкампфу, посланная днем 16 августа: «2-я армия отошла на свои первоначальные позиции к границе... Главнокомандующий приказал поэтому приостановить дальнейшее выдвижение выдвинутых вперед для поддержки 2-й армии корпусов»⁹⁹. Эта, ни на каких проверенных сведениях не основанная, телеграмма окончательно губила 2-ю армию, которая именно в этот момент вела тяжелейшие бои силами XIII, XV и XXIII корпусов. Еще был жив генерал Самсонов, хотя и потерявший управление, но пытавшийся хоть что-то исправить. Войска сражались еще 17 августа и гибли 18 августа, но остановленная преступной телеграммой генерала Жилинского 1-я армия более не двинулась вперед с севера, а помочь 2-й армии ударом из тылов Северо-Западного фронта, т. е. с юга, было нечем. 18 августа окруженные корпуса, малой частью прорвав кольцо, большей частью погибли или попали в плен, а генерал Самсонов застрелился.

Подводя итог, мы можем аргументировано утверждать: обвинение в предательстве и преступном промедлении с генерала П. К. Ренненкампфа должно быть раз и навсегда снято, подлинные виновники в гибели 2-й армии и генерала А. В. Самсонова – командующий Северо-Западным фронтом генерал Я. Г. Жилинский и генерал-квартирмейстер Ставки Ю. Н. Данилов. На великого князя Николая Николаевича ложится меньшая доля ответственности, чем на них, по вышеуказанным причинам. К сожалению, объем статьи не позволяет коснуться вопроса о роли радиоперехвата немцами радиограмм наших штабов в разыгравшейся катастрофе, а она была велика. Также за рамками настоящего исследования остается рассказ об отступлении 1-й армии из Восточной Пруссии, о мастерском диагональном маневре двумя корпусами с правого фланга на левый, проведенном генералом Ренненкампфом, который и спас армию от полного разгрома и окружения, и о полной некомпетентности генерала Жилинского на этом этапе операции. Надеюсь, что к этому вопросу еще будет возможность вернуться.

Б. Г. Кипнис

Примечания

- ¹ Большая сов. энцикл. – 1941. – Т. 48. – Стб. 610.
- ² То же. – 2-е изд. – 1995. – Т. 36. – С. 364; 3-е изд. – 1971. – Т. 5. – С. 402; 1975. – Т. 22. – С. 12.
- ³ Сов. ист. энцикл. – 1963. – Т. 3. – Стб. 739. В томе 11 (стб. 1019-1020) – чуть более мягкая формулировка, без слова «преподательство».
- ⁴ Сов. воен. энцикл. – 1976. – Т. 2. – С. 379. В томе 7 (с. 209) он обвинен в «преступном бездействии».
- ⁵ См., например: **Черменский Е. Д.** История СССР (период империализма). – М., 1959. – С. 430; История СССР / авт.: А. И. Беляев, Б. И. Бухаров и др. – М., 1960. – С. 442; История СССР / под ред.: Л. И. Иванова, А. А. Сидорова и др. – М., 1965. – Т. 2. – С. 576-577; История СССР / под ред.: П. И. Кабанова и Н. Д. Кузнецова. – М., 1978. – Ч. 2. – С. 406-407.
- ⁶ История СССР с древнейших времен до наших дней. – М., 1968. – Т. 6. – С. 532-533.
- ⁷ Там же. – С. 533.
- ⁸ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – М., 1965. – Т. 16. – С. 44; Т. 20. – С. 79, 81, 221; Т. 39. – С. 100.
- ⁹ **Деникин А. И.** Путь русского офицера. – М., 1990. – С. 106-108.
- ¹⁰ **Керновский А. А.** История Русской армии. – М., 1994. – Т. 3. – С. 51.
- ¹¹ **Деникин А. И.** Указ. соч. – С. 123-125.
- ¹² **Успенский А. А.** На войне. – Каунас, 1932. – С. 15.
- ¹³ **Керновский А. А.** Указ. соч. – С. 147-148.
- ¹⁴ **Епанчин Н. А.** На службе трех императоров. – М., 1996. – С. 385, 386, 390, 392, 394, 405-408 и др.
- ¹⁵ Там же. – С. 25.
- ¹⁶ Там же. – С. 385.
- ¹⁷ **Головин Н. Н.** Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. – Прага, 1926. – С. 58-59.
- ¹⁸ Восточно-Прусская операция: сб. док. – М., 1939. – Док. № 5 (с. 39). – Далее: В.П.О.
- ¹⁹ **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 42.
- ²⁰ Генерал Ю. Н. Данилов-«черный».
- ²¹ Верховный главнокомандующий с июля 1914 г. по конец августа 1915 г.
- ²² **Палеолог М.** Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 96.
- ²³ Там же. – С. 96-97.
- ²⁴ Т. е. более низкого боевого качества.
- ²⁵ **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 55.
- ²⁶ В.П.О. – Док. № 22 (с. 81).
- ²⁷ **Вацетис И. И.** Операции на восточной границе Германии в 1914 г. – М.; Л., 1929. – Ч. 1. – С. 29-30.
- ²⁸ Ополчение 1-го разряда, местные войска. У немцев их уровень боевой подготовки был высок.
- ²⁹ Главный укрепленный пункт Мазурского поозерья.
- ³⁰ В.П.О. – Док. № 100 (с. 146-147).
- ³¹ **Вацетис И. И.** Указ соч. – С. 19-20.
- ³² Там же. – С. 28-29.
- ³³ В.П.О. – Док. № 135 (с. 178).
- ³⁴ **Эстрейхер-Егоров Р. А.** Империалистическая война 1914–1918 гг. Маневренный период. – М., 1933. – Ч. 2. – С. 71-72.
- ³⁵ **Радус-Зенкович Л. А.** Очерк встречного боя по опыту Гумбинненской операции в августе 1914 г. – М., 1921. – С. 122-123.
- ³⁶ На это, согласно Успенскому, ушла всего неделя.
- ³⁷ **Успенский А. А.** Указ. соч. – С. 21-22.
- ³⁸ **Епанчин Н. А.** Указ. соч. – С. 409.
- ³⁹ **Данилов Ю. Н.** Великий князь Николай Николаевич. – Париж, 1930. – С. 127-128.
- ⁴⁰ **Епанчин Н. А.** Указ. соч. – С. 401.
- ⁴¹ **Рогвальд В.** Конница 1-й армии в Восточной Пруссии (август–сентябрь 1914 г.). – Л., 1926. – С. 46.
- ⁴² В.П.О. – Док. № 56 (с. 108).
- ⁴³ Там же. – Док. № 68 (с. 117).
- ⁴⁴ Там же. – Док. № 72 (с. 119).
- ⁴⁵ **Рогвальд В.** Указ. соч., С. 53.
- ⁴⁶ **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 18-19.
- ⁴⁷ В.П.О. – Док. № 157 (с. 188).
- ⁴⁸ **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 20-21; **Успенский А. А.** Указ. соч. – С. 30-31.
- ⁴⁹ **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 21.
- ⁵⁰ **Вацетис И. И.** Указ. соч. – С. 78-80.
- ⁵¹ **Рогвальд В.** Указ. соч. – С. 61-63.
- ⁵² Там же. – С. 63.
- ⁵³ В.П.О. – Док. № 157 (с. 188).
- ⁵⁴ **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 130-131.
- ⁵⁵ В.П.О. – Док. № 160 (с. 190).
- ⁵⁶ **Андреев В.** Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбиннен и Марнк. – Париж, 1928. – Ч. 6. – С. 27.
- ⁵⁷ Дневники Императора Николая II. – М., 1991. – С. 486.
- ⁵⁸ **Головин Н. Н.** Указ. соч. – С. 123.
- ⁵⁹ В.П.О. – Док. № 152-154, 156, 157, 163 (с. 186-191).
- ⁶⁰ Там же. – Док. № 152-154, 163 (с. 186-187, 191).
- ⁶¹ **Радус-Зенкович Л. А.** Указ. соч. – С. 75.
- ⁶² В.П.О. – Док. № 173 (с. 194).
- ⁶³ Там же. – Док. № 172 (с. 193).
- ⁶⁴ Там же. – Док. № 177 (с. 195).

Генерал Ренненкампф. Миф и реальность

- ⁶⁵ Головин Н. Н. Указ. соч. – С. 161-162.
- ⁶⁶ Там же. – С. 163.
- ⁶⁷ Головин ссылается на пример французов, не знавших, что с 6 по 12 сентября 1914 г. на фронте отступавших от Парижа немцев был разрыв шириною в 50 км и не было никаких резервов.
- ⁶⁸ Головин Н. Н. Указ. соч. – С. 163.
- ⁶⁹ Там же. – С. 165.
- ⁷⁰ Радус-Зенкович Л. А. Указ. соч. – С. 21.
- ⁷¹ Там же. – С. 27.
- ⁷² Там же. – С. 64.
- ⁷³ Там же. – С. 77.
- ⁷⁴ Там же. – С. 83.
- ⁷⁵ Там же. – С. 92.
- ⁷⁶ Там же. – прил. 6.
- ⁷⁷ В.П.О. – Док. № 203 (с. 204-205).
- ⁷⁸ Там же. – Док. № 228 (с. 215-216); Док. № 232 (с. 217).
- ⁷⁹ Там же. – Док. № 235 (с. 217-218).
- ⁸⁰ Там же. – Док. № 245 (с. 221).
- ⁸¹ Там же. – Док. № 232 (с. 217).
- ⁸² Там же. – Док. № 235-237 (с. 217-218).
- ⁸³ Там же. – Док. № 241 (с. 219).
- ⁸⁴ Там же. – Док. № 242(с. 230).
- ⁸⁵ Там же. – Док. № 243 (с. 220).
- ⁸⁶ Там же. – Док. № 329 (с. 263).
- ⁸⁷ Там же. – Док. № 405 (с. 302).
- ⁸⁸ Там же. – Док. № 408 (с. 303).
- ⁸⁹ Там же. – Док. № 409 (с. 303-304).
- ⁹⁰ Там же. – Док. № 410 (с. 304).
- ⁹¹ Там же. – Док. № 406 (с. 302-303).
- ⁹² Вацетис И. И. Указ. соч. – С. 146.
- ⁹³ Там же. – С. 146-147 (у Вацетиса он под № 607).
- ⁹⁴ В.П.О. – Док. № 407 (с. 303).
- ⁹⁵ Там же. – Док. № 255 (с. 225).
- ⁹⁶ Генерал-от-инфanterии Н. А. Данилов в этот момент был начальником снабжения Северо-Западного фронта.
- ⁹⁷ Курлов П. Г. Гибель императорской России. – М., 1991. – С. 203.
- ⁹⁸ В.П.О. – Док. № 412 (с. 304-305).
- ⁹⁹ В.П.О. – Док. № 414 (с. 305).

А. А. Смирнова

Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г.

После Февральской революции одной из задач ее дальнейшего развития стало проведение реформы местного самоуправления. Первыми демократическими выборами в истории России были выборы в районные думы Петрограда. Они стали заметным явлением в жизни не только столицы, но и всей страны. Однако, несмотря на всю значимость этого события, оно недостаточно освещено в литературе и прежде всего потому, что в изучении этого вопроса в течение длительного времени внимание исследователей привлекала в основном позиция и роль партии большевиков¹. Одной из немногих работ, авторы которой стремились объективно, насколько это было возможно в то время, дать анализ выборной кампании в районные думы, была коллективная монография «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде»². Поэтому полный и беспристрастный анализ предвыборной гонки, интересный еще и как историческая параллель нашей бурной современности, ждет своего исследователя.

Выборы в Петрограде в мае 1917 г. всколыхнули все слои населения. «К этим первым выборам, — писал Н. Н. Суханов, — столица готовилась энергично уже несколько недель. Формировались группы, составлялись списки кандидатов, шла устная и печатная агитация, какая может иметь место только в периоды огромных всенародных подъемов, бушующих страсти и неизжитых надежд»³. Вполне естественно, что районные Советы стремились сыграть здесь свою роль. Так, на заседании Исполнительной комиссии Василеостровского районного Совета 6 апреля 1917 г. было решено составить список кандидатов в районную думу, «который обязаны поддерживать все организации», а сами выборы возложить на Исполком Петроградского Совета «совместно с социалистическими партиями»⁴. На первом же заседании созданной комиссии по организации Межрайонного совещания Советов 25 апреля встал вопрос об отношении районных Советов к выборам в рай-

онные думы. Выяснилось, что «в некоторых районах в выборах участвуют политические партии, без участия районного Совета, в других — участвовали и партии, и Совет самостоятельно, в третьих — выставлялся только советский список, в четвертых — партии социалистические блокировались и вместе с Советом выставляли общий список»⁵. Учитывая такое разнообразие позиций и необходимость противостоять основным политическим противникам — кадетам, комиссия признала желательным, чтобы «социалистические партии входили в соглашение и выставляли вместе с Советами общий список, так как при этом условии не будет затруднена партийная агитация и будет использован весь авторитет Совета в борьбе с кадетскими списками»⁶.

Эта рекомендация была принята во внимание районными Советами. На общем собрании Петергофского районного Совета рабочих и солдатских депутатов в повестке дня отдельным пунктом стоял вопрос «О слиянии в блок всех социалистических партий для выборов в районную думу». Было принято решение «ввиду приближающихся выборов в районную городскую думу и в интересах обеспечения наибольшего количества мест в будущей районной думе социалистической демократии, Совет рабочих и солдатских депутатов Петергофского района находит, что обеспечение вышеизложенного может быть только при единстве действий в выборах всех социалистических организаций нашего района, т. е. при заключении соответствующего блока. Поэтому Совет рабочих и солдатских депутатов находит необходимым приступить к созданию организационного бюро для организации социалистического блока, в которое должны войти представители всех социалистических организаций района на равных основаниях. Считая необходимым свое участие в организационном бюро, Совет рабочих и солдатских депутатов Петергофского района уполномочивает для участия в нем с правом решающего голоса тт. Корнеева и Адуевского. Что касается кандидатур в рай-

Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г.

онную думу, то Совет находит, что кандидатуры должны быть выставлены по равному числу от каждой районной социалистической организации. При этом Совет рабочих и солдатских депутатов заявляет, что он, как орган, группирующий вокруг себя всю революционную демократию, будет поддерживать кандидатов, выставленных социалистическим блоком»⁷. На общем собрании 1-го Городского района 29 апреля необходимость совместного выступления социалистических партий вместе также не подвергалась сомнению. Выступая с докладом о муниципальной политике, член президиума Исполнительного комитета, меньшевик С. И. Трухин подчеркивал: «В конце мая должны быть произведены выборы в районные думы. Новыми слоями избирателей являются войска и женщины. И широкие слои демократии примут участие в выборах также в первый раз. Все социалистические партии образуют при выборах блок»⁸.

Вопрос об участии районных Советов в избирательной кампании по выборам в районные и общегородскую думы специально обсуждался на совещании представителей районных Советов 1 мая 1917 г., на котором были представлены все районные комитеты, за исключением Выборгского и Нарвского. Докладчик член Исполнительного комитета Петроградского Совета, меньшевик В. А. Анисимов обращал особое внимание, что «на выборах придется вести энергичную борьбу с цензовой буржуазией, которая сплотилась вокруг кадетов. Необходимо выставить столь же сплоченную организацию со стороны демократического населения. Так как Советы рабочих и солдатских депутатов являются единственным авторитетным демократическим учреждением, они должны взять на себя такую организацию демократии. Влияние Советов рабочих и солдатских депутатов, включающих в свой состав и представителей социалистических партий, сильнее влияния каждой отдельной партии. Поэтому нужно добиваться соглашения социалистических партий и общий список выставлять от лица Совета. Этим будут достигнуты двоякие результаты: сплочение демократических сил и придание авторитета социалистическим партиям»⁹. Однако уже тогда проявившееся стремление политических партий показать свое собствен-

ное лицо и особенно непримиримая позиция большевиков, которые предлагали каждой партии выступать самостоятельно, со своим собственным списком, вынудили их оппонентов пойти на частичные уступки. После прений докладчик предложил резолюцию, с учетом высказанных пожеланий, о желательности выставления блоковых социалистических списков. В принятой резолюции отмечалось, что «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов как единственный центр, объединяющий революционную демократию, пользуется в широких слоях населения огромной популярностью и влиянием, которые необходимо использовать в предстоящей избирательной кампании в городскую и районную думы для борьбы с объединенно-умеренной и правой буржуазией. Но так как общие советские списки могут затушевывать партийную предвыборную агитацию и пропаганду, что нежелательно, то наиболее целесообразным является соглашение социалистических фракций и выявление ими блоковых списков. Таким образом, будет достигнуто объединение всех демократических сил для борьбы за демократизацию городского самоуправления, в которой кровно заинтересованы широкие народные массы»¹⁰.

Руководство Петроградского Совета и в самом деле было озабочено исходом выборов в районные думы Петрограда и потому всячески стремилось использовать свой авторитет для выработки согласованной линии Советов в муниципальной кампании. Этому вопросу было посвящено специальное заседание рабочей секции Петроградского Совета 10 мая 1917 г. Докладчиком выступал от имени Исполкома В. А. Анисимов, активно проводивший политику «единения социалистов», как отмечалось выше, в Междурайонном совещании Советов. Он и на этот раз убеждал рабочих депутатов, что «сейчас в области муниципальной политики идет борьба между революционной демократией и контрреволюционной буржуазией, которая объединена в сильном блоке». Мотивируя необходимость создания такого же сильного блока левых партий, докладчик констатировал тот печальный факт, что «сейчас левые партии так разнообразны, в них столько оттенков, что трудно предугадать, кто за какой список будет голосовать».

A. A. Смирнова

Напоминая собравшимся депутатам, что сейчас Совет «обладает могущественнейшим авторитетом и, если бы его не удалось использовать, социалистические партии потеряли бы много сторонников», Анисимов предложил общему собранию рабочей секции резолюцию Исполкома, призывавшую к соглашению социалистических партий и выставлению ими блоковых списков. «Единение всех демократических сил, — подчеркивалось в ней, — необходимо для борьбы за демократизацию городского самоуправления, в которой кровно заинтересованы широкие народные массы. Но вместе с тем собрание считает недопустимым выявление Советом самостоятельных списков наряду или вопреки партийным спискам»¹¹.

От имени большевистской фракции с критикой резолюции Исполкома выступил на этом заседании Г. Е. Зиновьев, исходивший из того, что на выборах в районные думы борьбу будут вести не две силы — демократия и буржуазия, а три: буржуазия, интернационалисты и колеблющиеся между ними общественные и партийные группы. Будучи убежденными, что «такие силы нельзя объединить», большевистский представитель на этом основании полагал, что все политические партии должны идти на выборы «под своим знаменем»¹². Против объединения социалистических партий на выборах выступил и другой большевистский лидер — Л. Б. Каменев: «Нас пугают тем, что без блока буржуазия нас задавит. Но если бояться этого в 3-миллионном городе, где масса бедноты, тогда не помогут никакие блоки. Однако, я думаю, что здоровый инстинкт пролетариата и армии обеспечит нам победу»¹³.

Большевикам оппонировали меньшевики и эсеры. «Официальные же советские ораторы, — подчеркивал Н. Н. Суханов, — требовали блока всех советских партий против буржуазии»¹⁴. Меньшевик Г. Е. Брейдо, споря с Каменевым, отмечал: «Блок, по словам предыдущего оратора, противостоянен, но Совет рабочих и солдатских депутатов весь есть такой блок. И он должен быть противопоставлен буржуазному блоку». Гольдштейн, поддерживая идею блока, призвал к единению все ответственные социалистические круги. От фракции социалистов-революционеров выступил Гамбаров. «Совет разъе-

диняют раньше справа, теперь слева, — заявил он. — Большевики уходят, и вся вина в этом расколе ложится на них же. Против блока буржуазных партий мы выдвинем свой блок вопреки большевикам и даже против них. Но по тому пути анархии, на который нас зовут, мы не пойдем». Голосами социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков против большевиков была принята резолюция Исполкома с поправкой, предложенной от имени меньшевиков. В ней, в частности, отмечалось, что Совет рекомендует демократическим избирателям голосовать за «объединенные социалистические списки»¹⁵. Вместе с тем нельзя не заметить, что голосование по поправке меньшевиков — 221 за и 160 против¹⁶ — еще раз свидетельствовало о том, что в рабочей секции Совета произошел раскол.

12 мая вопрос о выборах в районные думы обсуждался и на солдатской секции Совета рабочих и солдатских депутатов. И опять докладчиком выступал В. А. Анисимов, призывающий одобрить резолюцию, уже принятую рабочей секцией. Блок социалистических партий на выборах в районные думы приветствовали в своих выступлениях Л. Г. Шапиро и А. Л. Менциковский. И опять против образования социалистического блока возражали представители большевиков. А. И. Жилин, в частности, выразил удивление, «почему Исполнительный комитет, недавно призывавший к совместной работе с буржуазией, теперь видит в ней врага»¹⁷. Но при голосовании резолюции все обошлось без осложнений, и она была принята подавляющим большинством голосов¹⁸.

В развернувшейся муниципальной избирательной кампании районные Советы заняли активную позицию. Большинство районов, кроме Выборгского, в котором преобладали большевики, выступило в поддержку совместных социалистических списков.

Показательна в этом отношении позиция Петроградского районного Совета, сохранившиеся документы которого показывают, насколько актуальной была тогда идея единого социалистического фронта. На Петроградской стороне идея объединения на выборах в районную думу всех социалистических партий стала обсуждаться еще до резолюции Исполкома Петроградского Совета от 10 мая 1917 г.,

Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г.

но, конечно же, под влиянием позиции Междурайонного совещания Советов. С этой целью 6 мая было решено созвать собрание социалистических групп, на котором должен был быть окончательно рассмотрен вопрос о выставлении единого социалистического списка. Этому предшествовало состоявшееся в тот же день общее собрание Петроградского районного Совета, на котором присутствовали 56 человек.

С докладом по вопросу о выборах в районную думу выступил член районного Совета Устинов. Информировав о намечаемом собрании социалистических групп района, он сообщил, что «до сих пор уже почти окончательно выяснилось, что между меньшевиками, бундовцами, народными социалистами, трудовиками и эсерами достигнуто соглашение, остается только окончательно выяснить, присоединятся или нет товарищи большевики. Желательно было бы выставить единый социалистический список с целью организовать достаточный противовес кадетской партии, и без того уже сильной и организованной»¹⁹. Докладчик обратил внимание на единые задачи социалистов в муниципальной кампании. С его точки зрения, «по существу при выборах в районную думу делать нечего, ибо муниципальная программа большевиков и меньшевиков почти однородна». Вопрос казался настолько ясным, что предлагалось не затягивать прений, а послать представителей от районного Совета на это совещание, что и было решено единогласно. Представителем от рабочих стал меньшевик И. Я. Пятов, избранный от завода «Вулкан», от солдат – большевик В. И. Храмов, делегированный запасной химической ротой. Большинством голосов против 19 было решено послать на совещание представителей с наказом. При этом только двое были против, и несколько человек воздержались при утверждении в качестве наказа первой части резолюции, вынесенной на общем совещании президиумов всех районов, а именно: «Межрайонное совещание предлагает собранию представителей социалистических партий выставлять единый социалистический список»²⁰.

В тот же день в редакцию «Известий Петроградского Совета» было передано

обращение Петроградского районного Совета, которое было напечатано 7 мая. В обращении безоговорочно звучал призыв к объединению всех социалистических сил района: «Ввиду приближающихся выборов в районную думу и в интересах обеспечения наибольшего количества мест в будущей районной думе социалистической демократии, Совет рабочих и солдатских депутатов Петроградского района находит, что это может быть осуществлено только при едином действии в выборах всех социалистических организаций нашего района, т. е. при заключении соответствующего блока. Поэтому Совет рабочих и солдатских депутатов Петроградского района находит необходимым приступить к созданию Организационного Бюро для организации социалистического блока, в которое должны войти представители всех социалистических организаций района на равных основаниях. Считая необходимым участие в Организационном Бюро, Совет рабочих и солдатских депутатов уполномочивает для участия в нем двух товарищей. Что касается кандидатур в районную думу, то Совет находит, что кандидатуры должны быть выставлены по равному числу от каждой социалистической организации. При этом Совет заявляет, что он как орган, группирующий вокруг себя всю революционную демократию, будет поддерживать кандидатов, выставленных социалистическим блоком»²¹.

Однако уже вечером 6 мая от представителей Совета, вернувшихся с собрания социалистических групп на еще не закончившееся заседание районного Совета, стало известно, что договориться социалистам не удалось. На этом собрании присутствовали представители всех социалистических групп, кроме большевиков, но объединенные социал-демократы интернационалисты отказались блокироваться с «меньшевиками-оборонцами» и эсерами, изъявив желание объединиться с большевиками. Ввиду сложившейся ситуации вопрос о выборах и возможном объединении Петроградский районный Совет решил вынести на обсуждение экстренного собрания 9 мая²².

Экстренное собрание Петроградского районного Совета, в котором участвовали 45 депутатов, после продолжительного

А. А. Смирнова

обсуждения ситуации, сложившейся из-за несостоявшегося соглашения между всеми социалистическими партиями, решило принять за основу вторую часть резолюции, вынесенной на Междурайонном совещании Советов, а именно: если не будет выставлен единый социалистический список, то районный Совет предлагает гражданам голосовать за социалистические списки, не отдавая предпочтения какому-либо одному из них. В соответствии с этим была принята следующая резолюция: «Районный Совет рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны в заседании от 9 мая сего года, обсудив вопрос о выборах в районную думу, решил принять самое энергичное участие в предстоящей избирательной кампании. Причем, как организация революционной демократии, Совет считает своей первоочередной задачей привлечение к выборам самых широких слоев демократии и призывает их к голосованию за списки, выдвигаемые социалистическими партиями, всячески удерживая от голосования за кадетские и беспартийные списки»²³.

Для практического проведения в жизнь данного решения Петроградский районный Совет обязывал своих членов при каждом удобном случае вести агитацию за участие демократии в выборах, посещать предвыборные собрания, кем бы они ни были организованы, устраивать на фабриках, заводах и в воинских частях собрания, специально посвященные предстоящим выборам. Исполнительному комитету районного Совета было поручено поместить в социалистических газетах обращение к гражданам Петроградской стороны с призывом принять участие в выборах и голосовать за списки, предлагаемые социалистическими партиями; выпустить листовки соответствующего содержания и широко распространить их; организовать самостоятельно предвыборные собрания граждан, и в частности, собрания женщин.

При этом Совет обязал всех своих членов при выступлениях соблюдать следующие два условия: «1) Постоянно подчеркивать беспристрастность районного Совета рабочих и солдатских депутатов в рекомендации кандидатских списков, предлагаемых социалистическими партиями, не отдавая предпочтения одному кому-либо из них. 2) Стого оттенять, когда они выступают в качестве членов

Совета рабочих и солдатских депутатов и когда в качестве партийных работников»²⁴. Здесь необходимо обратить внимание на то, что в этом документе постоянно звучит призыв голосовать за «списки, выдвигаемые социалистическими партиями». А ведь, как уже отмечалось ранее, «было абсолютно ясно, что меньшевиками, бундовцами, народными социалистами, трудовиками и эсерами достигнуто соглашение», значит, списки предполагались не по отдельным партиям.

27 мая со страниц «Рабочей газеты» Исполнительный комитет районного Совета рабочих и солдатских депутатов призывал граждан Петроградской стороны голосовать за социалистов по 3-му и 6-му спискам (т. е. за большевиков или за блок социалистов).

28 мая обращение Петроградского районного Совета рабочих и солдатских депутатов опубликовали «Известия»: «Товарищи рабочие солдаты и вся городская беднота, первый раз происходят выборы в районную думу, первый раз вы сможете отдать дело городского управления в руки тех, кого считаете наиболее верными и яркими выразителями ваших нужд и стремлений, кто является самыми стойкими и отважными борцами за ваши интересы... Пусть там будут верные защитники ваших интересов — социалисты! Идите же все к урнам, голосуйте за списки социалистов! На Петроградской стороне, списки 3 и 6».

Таким образом, представляется, что идея социалистического единства была основополагающей, но бескомпромиссная позиция большевиков, обусловленная решениями Петроградской и VII Всероссийской Апрельской конференций РСДРП(б), не позволила ее реализовать. Совет Петроградского района, верный социалистическому единству, призывал голосовать не за каждую партию отдельно, а за сложившиеся партийные списки. В связи с эти высказанные в свое время в адрес Петроградского районного Совета обвинения в соглашательстве, вряд ли справедливы²⁵. Однако и видеть в этом решении пробольшевистское предложение голосовать за каждую социалистическую партию отдельно, тоже нет оснований²⁶.

Такая позиция большинства районных Советов столицы полностью согласовалась с неоднократно высказывавшимся в печати мнением руководства Петро-

Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г.

градского городского Совета. 26 мая в «Известиях Петроградского Совета» была помещена редакционная статья «К выборам в районные думы». В статье отмечалось, что на выборах будут конкурировать много политических партий, но рабочие и солдаты должны голосовать за социалистические партии. «Но здесь встречается большое затруднение, — говорилось в статье. — Революционных социалистических партий много, и избирателю придется делать выбор, за какую партию голосовать? Мы думаем, что в целях победы демократии над блоком буржуазных партий в тех районах, где состоялось соглашение революционных социалистических партий, социалистический блок, рабочие и солдаты должны голосовать именно за эти блоковые списки. Там же, где такого соглашения нет, рабочие и солдаты должны голосовать за ту социалистическую партию, программе которой они более сочувствуют»²⁷.

В ряде районов Советам пришлось занять еще более активную позицию в подготовке выборов, взяв на себя инициативу по формированию социалистических списков под эгидой Совета. Вмешательство районных Советов в составление социалистических списков происходило особенно там, где партийные организации не обладали еще достаточной силой. Такая ситуация сложилась, например, во 2-м Городском районе, который включал четыре городские части — Коломенскую, Спасскую, Адмиралтейскую и Казанскую. Районы, входившие в Совет, были очень различны. Если Коломенская часть была промышленной и там были сильные партийные организации социалистических партий, то в трех остальных ситуация была иная. Заводов и фабрик здесь не было, преобладали мелкие мастерские и торговые заведения, организации социалистических партий еще только создавались.

При наличии в каждом районе своего Совета, объединенный Исполнительный комитет занимался организационными вопросами²⁸. Одной из важных его задач стала организация избирательной кампании. Фактически 2-й Городской районный Совет взял на себя инициативу выдвижения общих списков на выборах в районные думы. На заседании Исполнительного комитета 8 мая по докладу муниципальной

комиссии было принято решение: «а) в тех подрайонах, где самостоятельный списком не имеется возможности пройти, составляется согласно спискам социалистической партии под флагом Совета; б) в кандидаты могут быть внесены все социалистические партии, входящие в данный район; в) кандидат намечается партиями, а количество — соответственно силе и порядку внесения их в список опросного листа, подрайонами и в случае невозможности районными Советами»²⁹.

В «Новой жизни» было опубликовано заявление муниципальной комиссии районного Совета, в котором четко указывалось на необходимость составления единого социалистического списка: «2-й Городской район, будучи убежден, что в Адмиралтейском, Казанском и Спасском районах самостоятельные списки социалистических групп не имеют шансов на успех, что наоборот разрозненное выступление на выборах может вредно отразиться на интересах демократии, решил предложить всем социалистическим партиям составить один общий список и выступить под флагом Совета. Совет просит представителей социалистических партий, а также профессиональных союзов явиться 11 мая на собрание муниципальной комиссии, где будет окончательно установлен список кандидатов и порядок их внесения в список»³⁰. Это было достаточно обоснованное решение.

Так, Спасский район, по выражению газеты «Дело народа», считался одним из наиболее «темных». Успех социалистов представлялся здесь весьма сомнительным. Кадеты вели усиленную агитацию, открыли свой клуб с дешевой столовой. Агитировали среди дворников, прислуго и «картузников»³¹. На выборах был представлены отдельные списки Группы обычавателей 2-го подрайона, Группы обычавателей 3-го подрайона, Группы обычавателей 4-го подрайона, Торгово-промышленного союза, блока радикально-демократической партии и национальных групп³². Из социалистических организаций лишь социалисты-революционеры имели районный комитет. Поэтому инициатива 2-го Городского Совета получила поддержку в Спасском районе, а список социалистического блока, в который входили социалисты-революционеры, меньшевики, трудовики,

A. A. Смирнова

бундовцы, партия польских социал-демократов, был рекомендован районным Советом³³.

В Адмиралтейско-Казанском районе также было, как отмечали социалисты-революционеры, «сплоченное ядро буржуазии. О существовании социал-демократов мало слышно»³⁴. В Казанском районе для подготовки выборной кампании в Казанскую районную думу был организован союз социалистических групп, в который вошли представители социал-демократов, социалистов-революционеров и трудовиков³⁵. В результате проведенной работы (муниципальные вопросы рассматривались почти на каждом заседании районного Совета, и неслучайно на общем собрании Коломенского района было подчеркнуто, что «члены 2-го Городского района заняты исключительно муниципальными выборами»³⁶), под флагом Совета объединились меньшевики, социалисты-революционеры и трудовики. Большевики, следуя своим партийным установкам, действовали самостоятельно.

Выступая от имени Совета, меньшевики и эсеры не собирались скрывать свою партийную принадлежность. Так в списке № 1 кандидатов в гласные Адмиралтейской думы, рекомендуемом 2-м Городским районным Советом рабочих и солдатских депутатов, в скобках было четко указано, что это «объединенный список Петроградской организации РСДРП, социалистов-революционеров и трудовиков»³⁷. Однако в списке гласных Казанской и Спасской думы такая информация отсутствовала. В связи с этим В. И. Ленин в статье «Партии на выборах в районные думы Петрограда», опубликованной 24 мая в «Правде», обвинял эсеров и меньшевиков в попытке прикрыться списком Совета и тем самым скрыть свою партийную принадлежность: «В двух районах, Казанском и Спасском, нет вовсе ни меньшевиков, ни с.-р.: они спрятались, видимо, в списках районных Советов рабочих и солдатских депутатов, т. е. в списках беспартийных (в обоих случаях очень не-полное число кандидатов: 38 и 28 против 54 и 44 у к.-д., против 43 и 46 у нас). В двух районах, следовательно, мелкобуржуазные партии даже своей пестрой полупартийности не осилили, а окончательно скатались в болото беспартийности: „лишь

бы выбрали, к чему нам партийность“? Таков всегда и везде девиз буржуазных парламентариев»³⁸. Как известно, предвыборная полемика часто грешит пристрастностью, и Ленин в данном случае удачно использовал ситуацию, чтобы еще раз обвинить своих политических противников в беспринципности. Чтобы избежать подобных обвинений, «Рабочая газета» поместила на следующий день, 25 мая, от имени Бюро муниципальной комиссии Комитета Петроградской организации меньшевиков следующее заявление: «Бюро доводит до сведения, что в составлении списков 2-го Городского районного Совета рабочих депутатов № 3 по Казанскому району и № 9 по Спасскому району участвовали социал-демократы меньшевики с представителями других социалистических партий. Списки эти являются, таким образом, партийными, поддерживаемыми районным Советом. Это лишь по ошибке не отмечено в официальных заголовках списков».

Активно участвовал Совет в подготовке выборов и в Литейном районе. На заседании Исполкома 1-го Городского района уже 1 мая обсуждались итоги межрайонного совещания. Было решено «вследствие резолюции общего собрания» ввиду предстоящих выборов в Литейную районную думу блокироваться членам Совета вместе с социалистическими партиями³⁹. В этом районе все социалистические партии, за исключением большевиков, — социал-демократы меньшевики, группа «Единство», социалисты-революционеры, трудовики, народные социалисты — выставили объединенный список кандидатов, в который вошли 13 представителей от 1-го Городского районного Совета. Им противостояли списки социал-демократов большевиков, кадетов, «Свобода и порядок», «Союз беспартийных избирателей»⁴⁰.

В 10 районах (Александровском, Василеостровском, Казанском, Коломенском, Литейном, Московском, Нарвском, Петроградском, Рождественском, Спасском) выборы в районные думы проходили 27, 28 и 29 мая, в Выборгском и Адмиралтейском — 3, 4 и 5 июня. Активность участия населения в выборах была высокой: в голосовании приняли участие почти 800 тыс. человек из 1 млн избирателей.

Вот как описывали первый день выборов «Ведомости общественного градона-

Советы рабочих и солдатских депутатов и выборы в районные думы Петрограда в 1917 г.

чальника»: «Около помещения для избирательных урн все время толпилась публика. В течение целого дня на улицах шли летучие митинги. По городу разъезжали разукрашенные автомобили конкурирующих политических партий, разбрасывая в миллионах экземплярах летучки и воззвания к населению. Публика жадно набрасывалась на всякое воззвание, внимательно вникала в содержание и долго обсуждала значение выборов и за кого нужно голосовать. Прения велись очень страстно»⁴¹.

«Предвыборная агитация завязываетя довольно оживленно, — отмечалось в газете „Дело народа“. — Выражается она в виде многочисленных митингов и собраний. Особенно интенсивные формы принимает агитация путем расклейки плакатов, афиш, платформ, воззваний и прочего печатного материала. Стены домов пестрят этими разноцветными обращениями к избирателям. Вчера по городу разъезжал автомобиль с плакатами, призывающими голосовать за тот или другой список»⁴².

Агитация велась буквально днем и ночью. «Улицы тогда представляли интересное зрелище: везде собирались кучки народа, везде в этих кучках шли горячие споры о текущем моменте... откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в три часа: Миллюков, большевики... в пять часов все то же. Политика, митингование», — так описывала эти митинговые настроения Н. К. Крупская, которая сама была в числе кандидатов в гласные и прошла в Выборгскую районную думу⁴³.

Противостояние на выборах было достаточно острым. «Последние три дня Петроград переживал период предвыборной лихорадки, — писала „Рабочая газета“. — На улицах сплошные митинги, затягивающиеся до 3–4 часов утра. Оживленные споры сводятся в конце-концов к одной теме — войне. Мало церемонятся с фактами. Большевик кондуктор трамвая кричит: За меньшевиков не голосуйте! Они за налоги на бедных квартирантов. В думе решили — подвалы да чердаки обложить, а средние этажи нет. Социалисты-революционеры против того, чтобы землю крестьянам отдать. Часто спор переходил на личности. Чхеидзе оказывается, имеет где-то под Питером кирпич-

ный завод, а у Чхеидзе единственная собственность — старые штиблеты»⁴⁴.

Каковы же основные итоги столь бурно проходивших выборов в районные думы Петрограда? Большинство голосов — 439 169 (55,5%) — получили социалисты-революционеры и меньшевики, выступившие как в блоке, так в отдельности и завоевавшие 442 места в районных думах⁴⁵. Кандидаты в гласные в районные думы, включенные в объединенные списки социалистов под руководством Совета, убедительно победили во всех районах, где они были выставлены. В Адмиралтейском от социалистического списка прошли 25 депутатов, из общего количества — 43, в Казанском — 22 из 52, в Спасском — 22 из 51, Литейном — 32 из 63⁴⁶. «Прежде всего выборы показали, что огромная часть демократии Петрограда поддерживает те социалистические партии, которые стоят на платформе Совета рабочих и солдатских депутатов, — писали в связи с убедительной победой меньшевиков и эсеров „Известия Петроградского Совета“. — Большинство, полученное социалистическими партиями, стоящими на платформе Совета является актом политического доверия политике Советов и актом решительного осуждения всем врагам Совета, взрывающего его справа и слева. Мимо всяческих ухищрений господ, кадетов, мнящих себя единственными представителями государственных идей и являющимися в действительности слугами реакционной и империалистической буржуазии, мимо ожесточенной агитации сторонников Ленина, толкающих Совет на путь гибельного для революции захвата власти и создающих своей деятельностью условия для развития анархии, пришли петроградские рабочие и солдаты и отдали свои голоса социалистическим партиям, составляющим большинство Совета. Это показывает насколько высоко стоит уровень политического сознания российской демократии и как бессильны попытки сторонников „Правды“ изменить курс русской революции»⁴⁷.

Тем не менее сторонников большевиков на выборах в районные думы оказалось не так и мало — 159 690 (20,2%), что позволило последним получить 156 мест в районных думах⁴⁸. Правда, победили большевики только в одном районе — в

A. A. Смирнова

Выборгском, где за них голосовали 34 тыс. избирателей (57%), подавляющую часть которых составляли рабочие Выборгской стороны⁴⁹. По отдельным районам они значительно уступали не только социалистическому блоку, но и кадетам⁵⁰.

Позиция Петроградского и большинства районных Советов столицы таким образом убедительно свидетельствовала о их стремлении объединить все силы демократии ради противостояния политическому противнику, и это даже частичное объединение дало свои результаты. Объединенные списки социалистов под руководством Совета получили безусловную поддержку населения на выборах в районные думы во всех районах, где они были выставлены.

Примечания

¹ Нижегородов П. П., Прокудина В. С.

Петроградские большевики в борьбе за массы в период выборов в районные думы Петрограда в 1917 году // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. Т. 22: Кафедра истории КПСС. – Л., 1956. – Вып. 1. – С. 113–161; Чебоксаров Н. П. Из истории борьбы большевиков за массы в Петрограде в 1917 г.: (Муниципальная кампания в Петрограде) // Сб. тр. Ставроп. гос. пед. ин-та. Вып. 12: К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. Н. П. Чебоксаров; Ставроп. гос. пед. ин-т. Каф. обществ. наук. – Ставрополь, 1957. – С. 93–133; Мальков А. М. Партия большевиков на муниципальных выборах в столицах: (май–июнь 1917 г.) // Сборник статей, посвященных 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции / ред. А. И. Гайдуха; Ростов. высш. парт. шк. – Ростов н/Д, 1967. – С. 61–84; Комиссаренко Л. А. В борьбе за массы: Муниципальная деятельность петроградских большевиков в период подготовки Октябрьской революции. – Л., 1983.

² Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. – Л., 1967. – Кн. 1. – С. 279–282.

³ Суханов Н. Н. Записки о революции. – М., 1922. – Кн. 4. – С. 121.

⁴ Районные Советы Петрограда в 1917 г.: (протоколы, резолюции, постановления общих собр. и заседаний исполнит. к-тов). – М.; Л., 1964. – Т. 1. – С. 91.

⁵ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат. депутатов. – 1917. – 28 апр.

⁶ Там же.

⁷ Районные Советы Петрограда в 1917 г. – М.; Л., 1965. – Т. 2. – С. 146–147.

⁸ Там же. – Т. 1. – С. 189.

⁹ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат. депутатов. – 1917. – 3 мая.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. – 12 мая.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Суханов Н. Н. Указ. соч. – С. 122.

¹⁵ Дело народа. – 1917. – 11 мая.

¹⁶ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат.

депутатов. – 1917. – 12 мая.

¹⁷ Голос солдата. – 1917. – 11 мая.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Районные Советы Петрограда в 1917 г. – 1966. – Т. 3. – С. 21–22.

²⁰ Там же. – С. 22.

²¹ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат. депутатов. – 1917. – 7 мая.

²² Районные Советы Петрограда в 1917 г. – Т. 3. – С. 23.

²³ Там же. – С. 26.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Цукерман С. И. Петроградский районный Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. // Крас. летопись. – 1932. – № 1 / 2. – С. 80.

²⁶ См.: Гальперина Б. Д. Районные советы Петрограда в советской исторической литературе // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. – Л., 1967. – Ч. 2. – С. 94.

²⁷ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат. депутатов. – 1917. – 26 мая.

²⁸ Районные Советы Петрограда в 1917 г. – Т. 1. – С. 284.

²⁹ Там же. – С. 292.

³⁰ Новая жизнь. – 1917. – 11 мая.

³¹ Дело народа. – 1917. – 3 июня.

³² ЦГА СПб. Ф. 8816, оп. 1, д. 98. Л. 3.

³³ Дело народа. – 1917. – 3 июня.

³⁴ Там же. – 3 мая.

³⁵ Земля и воля. – 1917. – 29 апр.

³⁶ Районные Советы Петрограда в 1917 г. – Т. 1. – С. 328.

³⁷ Вед. обществ. градоначальства. – 1917. – 24 мая.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 32. – С. 193.

³⁹ Районные Советы Петрограда в 1917 г. – Т. 1. – С. 190.

⁴⁰ Дело народа. – 1917. – 14 мая; Единство. – 1917. – 17 мая.

⁴¹ Вед. обществ. градоначальства. – 1917. – 28 мая.

⁴² Дело народа. – 1917. – 27 мая.

⁴³ Крупская Н. К. Воспоминание о Ленине. – М., 1938. – С. 278.

⁴⁴ Рабочая газ. – 1917. – 31 мая.

⁴⁵ Изв. Петрогр. гор. думы. – 1917. – № 5 / 6. – С. 98.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Изв. Петрогр. Совета рабочих и солдат. депутатов. – 1917. – 1 июня.

⁴⁸ Изв. Петрогр. гор. думы. – 1917. – № 5 / 6. – С. 98.

⁴⁹ Правда. – 1917. – 9 июня.

⁵⁰ Изв. Петрогр. гор. думы. – 1917. – № 5 / 6. – С. 98.

О. А. Игнатьева

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

Семнадцатый год стал для российских меньшевиков не только периодом, когда они превратились в одну из ведущих политических сил в стране, но и временем, когда они пытались представить свою программу на пути экономического развития России после революции. В своих экономических прогнозах меньшевики не могли не касаться способов решения аграрного вопроса в стране, где крестьянство составляло большинство населения. Эти способы, а также отношение меньшевиков к крестьянству исходили из тех принципов, которые были основой земельной программы РСДРП еще с момента IV съезда партии в 1906 г.

В современных исследованиях по истории меньшевизма отмечается, что первая программа РСДРП, принятая II съездом в 1903 г., лишь наметила некоторые аспекты «разрядки» сложной ситуации в деревне: речь шла о возвращении крестьянам так называемых «отрезков» – земель, потерянных ими в ходе реализации реформы 1861 г.¹ Историки заметили, что до начала Первой русской революции аграрный вопрос и отношение к крестьянству не играли заметной роли ни в теоретической, ни в тактической борьбе двух направлений российской социал-демократии – большевизма и меньшевизма². Однако начавшаяся в 1905 г. революция продемонстрировала, что проблемы российской деревни являются важнейшими на этапе буржуазно-демократической революции и крестьянство не удовлетворится лишь ликвидацией последствий реформы 1861 г.

«Большим минусом для меньшевиков» было отсутствие конкретной практической работы среди крестьянства в ходе революции 1905–1907 гг. и непонимание самого «крестьянского мира»³. Впрочем, на наш взгляд, то же самое можно сказать и о большевиках. Несмотря на это, и меньшевики, и большевики в 1906 г. пришли к выводу о необходимости пересмотра и дальнейшей разработки аграрной программы РСДРП. Как указывает С. В. Тютюкин, среди причин, побудивших РСДРП

вынести на обсуждение съезда этот вопрос, было и то, что социалисты-революционеры уже имели программу «социализации» земли, а российские либералы говорили о необходимости «частичного отчуждения» латифундий⁴. В этих условиях наличие разработанной аграрной программы превратилось для РСДРП в вопрос политического престижа партии.

IV съезд РСДРП состоялся в апреле 1906 г. в Стокгольме и получил название Объединительного. Съезду предшествовала внутрипартийная дискуссия между большевиками, у которых главным теоретиком аграрного вопроса выступил В. И. Ленин, и меньшевиками, чью аграрную программу разрабатывал П. П. Маслов. В преддверии съезда объединенный ЦК РСДРП создал аграрную комиссию из пяти большевиков и трех меньшевиков (П. П. Маслов, Г. В. Плеханов, Н. Н. Жордания), которая не пришла ни к какому окончательному решению⁵. Это предопределило последовавшую серьезную борьбу на самом съезде за утверждение одной из двух наиболее популярных в социал-демократических кругах программ – национализации или муниципализации.

Программа национализации земли, предложенная Лениным, как отметил Л. Хэймсон, была сформулирована «в период возрастающего собственного внимания к революционному потенциалу крестьянских волнений, распространявшихся во все новые регионах Российской империи»⁶. Поэтому она преследовала прежде всего политическую цель – использование в интересах социал-демократии этого «революционного потенциала». Первым шагом ленинской аграрной программы была конфискация, т. е. безвозмездное изъятие всех церковных, государственных, частнособственнических земель. Вторым – уничтожение частной собственности на землю и передача всей земли «истинно» демократическому государству, которое должно возникнуть после победы демократической революции⁷. Большеевики считали, что осуществление

О. А. Игнатьева

национализации (а она является, согласно теории марксизма, атрибутом перехода к социализму) на этапе буржуазно-демократической революции откроет простор развитию капиталистических отношений в деревне и ускорит социалистическую революцию⁸. Таким образом, для большевиков программа национализации стала еще одним шагом в развитии ленинской теории о возможности быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, сформулированной Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»⁹. В аграрной комиссии, созданной накануне съезда, о которой уже упоминалось выше, ленинский проект получил поддержку большинства ее участников, поэтому доклад Ленина прозвучал на съезде первым¹⁰.

Меньшевистскую точку зрения огласил автор программы муниципализации Маслов. Прежде всего, меньшевистский теоретик заявил, что именно «муниципализация лучше всего гарантирует прочность демократического строя» и ее осуществление возможно только «при полном уничтожении сословного строя»¹¹, подчеркивая, что данная программа рассчитана на этап буржуазно-демократической революции. Затем докладчик определил три цели аграрной программы социал-демократии: «1) чтобы она не противоречила интересам пролетариата, а для этого необходимо и его участие в распоряжении конфискованными землями; 2) чтобы она не остановила развитие производительных сил, а для этого нежелателен раздел всех конфискованных земель; и 3) чтобы осуществление программы не вызвало контрреволюции»¹². Принципиальным Маслов считал требование «отчуждения» земель, а не их конфискации. Он говорил, что «отчуждение» подразумевает возможность того, что либо помещик получит такой же надел, как и крестьяне, либо – «небольшую сумму, необходимую для существования»¹³.

С. В. Тютюкин, уделивший в своей работе большое место подробному анализу дискуссии по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП, заметил, что «Маслов создал лишь принципиальную схему революционных аграрных преобразований – некий симбоз национализации и муниципализации, оставлявший вдобавок от-

крытым вопрос о судьбе общинных земель и самой общины, а также земель, купленных крестьянами после 1861 г.»¹⁴. Вообще, выступление Маслова, как, впрочем, и выступления других меньшевиков по данному вопросу, в первую очередь, представляли собой критику ленинского проекта национализации и ленинского подхода к перспективам революции, а не конкретное изложение их аграрной программы.

Плеханов, участвовавший в обсуждении аграрной программы, прямо говорил: «Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, кто не имеет вкуса к этой утопии...»¹⁵ Он видел в национализации угрозу для будущего российской революции, считая, что, если революция потерпит поражение, находящаяся в руках государства земля послужит целям восстановления «азиатской формы деспотизма», характерной для России. Поэтому, утверждал Плеханов, если не удастся добиться муниципализации земли и придется выбирать «между национализацией и разделом, то в интересах революции следовало бы предпочтеть раздел»¹⁶. В 1906 г. Плеханов вернулся к традиционной для марксистов точке зрения о реакционности крестьянства и о том, что оно может стать опорой самодержавия в случае поражения революции, а национализированная земельная собственность может помочь усилению военно-бюрократического аппарата¹⁷.

Еще искреннее был в своем выступлении на съезде меньшевик С. Г. Струминин, ставший позднее одним из известных советских экономистов. Он предложил вопрос об аграрной программе перевесить в разряд тактических, выразить «поддержку революционного крестьянства» и не брать на себя (т. е. на рабочую социал-демократическую партию) никаких обязательств в осуществлении «конфискации и всего за нее следующего»¹⁸.

Прения по аграрному вопросу заняли почти половину времени работы съезда, в них участвовали заметные представители как меньшевиков, так и большевиков¹⁹. В результате аграрная программа, принятая на IV съезде РСДРП, хотя и говорила о передаче земли в случае победы революции «крупным органам мест-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

ного самоуправления», но провозглашала конфискацию всех типов земельных владений в России, «кроме мелкого землевладения»²⁰. «Тактическая резолюция по аграрному вопросу», утвержденная съездом, допускала также «раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для его округления угодья»²¹. Как верно заметил Тютюкин, достигнутый компромисс не удовлетворил ни большевиков, ни меньшевиков, а сама программа не могла конкурировать в глазах крестьянства с эсеровской идеей социализации земли²². С этой точки зрения интерес представляет третья позиция по аграрному вопросу, прозвучавшая на IV съезде, – так называемая программа раздела земли, которую поддержала часть большевиков и которая была близка в сущности к эсеровской программе социализации²³.

Последующие годы подтвердили приверженность меньшевиков программе муниципализации. Так И. Г. Церетели, избранный депутатом 2-й Государственной думы, в своем выступлении при обсуждении аграрного вопроса в Думе 19 марта 1907 г. огласил заявление социал-демократической фракции, где говорилось об «отчуждении без выкупа» всех земель, кроме мелкособственнических, и передаче их «демократическому местному самоуправлению»²⁴. Органы местного самоуправления, по мнению Церетели, будут решать, «как население будет пользоваться землями», однако ни принципов аренды или передачи земли крестьянам, ни предложений по нормированию наделения их землей этот документ опять не содержал.

После разгона 2-й Государственной думы, в период реализации правительством столыпинской программы, меньшевики были слишком озабочены тем, как сохранить свои партийные организации, чтобы уделять особое внимание развитию взглядов на решение аграрного вопроса. Однако начавшийся революционный подъем 1912 г. и выборы в новую 4-ю Думу заставили их повернуться лицом к крестьянству. В «Избирательной платформе организационного комитета РСДРП на выборах в IV Государственную думу»²⁵ меньшевики подвергли жесткой критике столыпинские преобразования в деревне,

подчеркнув «убийственный для масс характер аграрного законодательства контрреволюции, которое вместо передачи дворянских земель крестьянству отдает земли крестьянской бедноты на расхищение кулакам, обрекает деревню на жестокий хозяйственный кризис, на долгий ряд разорения и голода...» (так в тексте. – О. И.)²⁶. Меньшевики заявляли крестьянству, что социал-демократия «всегда готова выступить на поддержку крестьянской борьбы за конфискацию помещичьей земли». Правда, вслед за этим обещанием, они туманно убеждали крестьян в том, что их спасение не в земле, что сначала следует бороться за свободу стачек, восьмичасовой рабочий день, государственное страхование – «вместе с промышленным и торговым пролетариатом»²⁷. В итоге в «Избирательной платформе» меньшевики провозгласили лишь требование «пересмотра аграрного законодательства 3-й думы»²⁸. Такой подход к аграрному вопросу в очередной раз лишил их голосов крестьянских избирателей.

Меньшевики после Февральской революции 1917 г. столкнулись с проблемой взаимоотношений с новой властью. Отметим, что в первые месяцы после свержения самодержавия, меньшевики старательно подчеркивали буржуазный характер революции, пытались дистанцироваться от деятельности Временного правительства. В то же время, считая себя партией рабочего класса, они, естественно, главное внимание уделяли проблемам, связанным с развитием промышленности. Но, после того, как в начале мая меньшевики вошли в состав Временного правительства, они не могли не обратиться к вопросу о земле, волновавшему большую часть населения России.

Майская конференция меньшевистских организаций, проходившая в Петрограде 7–12 мая 1917 г., среди прочих важнейших вопросов поставила в свою повестку дня и аграрный вопрос²⁹. При записи делегатов для работы в различных секциях конференции земельная секция оказалась самой популярной – в ней собирались работать 27 человек. Среди записавшихся было много меньшевистских теоретиков и практиков-экономистов: в земельной секции оказались Ф. А. Чевреванин, А. Я. Пилецкий, П. Н. Колоколь-

О. А. Игнатьева

ников, Ю. Ларин и др.)³⁰. На третий день работы конференции на утреннем заседании с докладом по аграрному вопросу выступил П. П. Маслов. Он сразу же отнес земельную реформу к прерогативам всенародно избранного Учредительного собрания³¹. Земельная реформа, по мнению меньшевистского экономиста, должна исходить «из интересов всей демократии и интересов развития народного хозяйства». Церковные и монастырские земли следовало «отчуждать» безвозвратно. «Отчуждению» частновладельческих земель, по мнению Маслова, должны сопутствовать два обстоятельства. Во-первых, отчуждаются только земли, «превышающие определенную норму», причем норма устанавливается в каждом районе отдельно³². Во-вторых, «за отчуждение земли государство уплачивает землевладельцам долю стоимости земель с прогрессивным понижением суммы стоимости до известной нормы, установленной Учредительным собранием»³³. В тезисах Маслова говорилось о том, что «отчуждаемые земли должны числиться общегосударственной собственностью», но «земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления»³⁴. Эти крупные областные демократические органы самоуправления, в свою очередь, будут определять «формы и способы землепользования»³⁵. Наконец, Маслов призвал меньшевиков «всемерно бороться против анархических самовольных захватов земли и всяких других способов самовольного разрешения земельного вопроса, которые могут вызвать междуусобицу и грозить контрреволюцией»³⁶.

Доклад Маслова лишний раз показал его догматический подход к решению аграрного вопроса, непонимание конкретной исторической обстановки и боязнь «анархических» настроений среди крестьянства. Такой подход к аграрной проблеме не устроил многих делегатов майской конференции, что отражено в предложениях аграрной комиссии. Комиссия 11 мая 1917 г. представила свои тезисы конференции. По мнению участников обсуждения, из масловских тезисов необходимо было изъять слово «отчуждение» и заменить его на слово «конфиска-

ция», а также исключить тезис о вознаграждении владельцев за отчужденную землю³⁷. Выступавший от имени аграрной комиссии А. Я. Пилецкий заявил, «что земельный вопрос имеет не только экономическое значение», что владельцы не должны получать «контрибуцию» за землю. По мнению Пилецкого, требование уплаты вознаграждения за землю, внесенное в программу социал-демократов, поставило бы их на одну доску с кадетами³⁸. Однако от дальнейших объяснений докладчик отказался, заявив, что он не получил для этого полномочий от комиссии. Не смог отстоять свои тезисы и Маслов, который, к удивлению делегатов, уже уехал в Москву³⁹.

В этих достаточно странных условиях часть делегатов предложила вообще открыть общепартийную дискуссию по аграрному вопросу и не принимать никаких решений. Данное предложение натолкнулось на протест делегатов из провинции, заявивших, что «без определенной резолюции по аграрному вопросу... нельзяозвращаться на места» и что, «если не будет принята резолюция, то придется признать банкротство конференции по аграрному вопросу»⁴⁰.

Свой взгляд на проблему представил Ф. А. Череванин, член исполкома Петроградского Совета с февраля 1917 г., с июля того же года возглавивший Экономический отдел ВЦИК⁴¹.

Череванин первым из меньшевиков поставил решение аграрного вопроса в прямую зависимость от того, что теперь «государство признано фактором, регулирующим потребление и организующим в некотором отношении производство»⁴². Он рассматривал новое Временное правительство, в которое вошли и меньшевики, как такой орган государственной власти, которому можно доверить «экспроприируемую землю»⁴³. На наш взгляд, Череванин фактически выступил за национализацию земли, однако наряду с этим, он оставался противником конфискации, считая, что она «вызовет потрясение всей экономической жизни страны» и «для предотвращения потрясения народного хозяйства вознаграждение-выкуп может быть вполне пригодным средством»⁴⁴. Пытаясь найти компромисс с оппонентами, он предложил «вопрос о выкупе или конфискации оставить в ре-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

золюции открытым», но не получил поддержки делегатов⁴⁵.

В итоге аграрный вопрос был снят с повестки дня конференции, передан для обсуждения в партийной прессе к следующему меньшевистскому форуму. Майская же конференция ограничилась тактической резолюцией, в которой решение аграрного вопроса возлагалось на Учредительное собрание. Меньшевистские организации призывались к «энергичной работе» во вновь создаваемых земельных комитетах, «к направлению деятельности образуемых земельных комитетов в сторону регулирования отношений арендных и отношений найма в интересах крестьян и рабочих до окончательного решения земельного вопроса»⁴⁶. Самым важным, на наш взгляд, в этой резолюции являлось замечание о том, что РСДРП оставалась «на почве аграрной программы партии»⁴⁷. Таким образом, на майской конференции, несмотря на бурные дебаты, меньшевики остались на позициях, разработанных и принятых IV съездом в 1906 г.

На открывшемся в июне 1917 г. Первом Всероссийском съезде Советов, меньшевистская фракция коснулась аграрного вопроса только в своей резолюции «Об отношении к Временному правительству». Признав политику Временного правительства «отвечающей интересам революции», меньшевики свели решение экономических проблем к достаточно абстрактным требованиям «привести в скорейшее исполнение в области рабочего и земельного вопроса мероприятия, согласованные с требованиями трудящихся масс и диктуемые жизненными интересами народного хозяйства...»⁴⁸. Это продемонстрировало их неготовность решить насущные проблемы российской экономики и, в частности, аграрный вопрос.

Меньшевики вновь вернулись к аграрному вопросу на Августовском (Объединительном) съезде 1917 г. На пленарном заседании съезда 23 августа были заслушаны три доклада по данному вопросу – П. П. Маслова, А. Я. Пилецкого и Н. А. Рожкова. Прения по докладам, развернувшиеся в специальной секции, завершились почти единодушным (при четырех голосах против) принятием резолюции, в которой меньшевики, в целом, подтвердили свою приверженность идеи муниципализации земли⁴⁹. Однако

доклады показали, что по вопросу о земельной реформе в рядах меньшевиков нет полного единства.

Так, меньшевик-интернационалист Пилецкий заявил, что и муниципализация, и национализация – дело второстепенное, главное – покончить с крупным землевладением и наделить землей безземельное и малоземельное крестьянство⁵⁰. Рожков вообще выступил как сторонник национализации земли. Он убеждал делегатов съезда, что со временем обсуждения аграрной программы на IV съезде в России заметно развился сельскохозяйственный капитализм, который подготовил переход к национализации земли⁵¹. Так же, как ранее и Череванин, Рожков считал, что теперь землю в России можно передать под контроль центральной государственной власти, что, однако, не исключало участия органов местного самоуправления в проведении земельной реформы⁵². В то же время этот докладчик не видел противоречия в признании национализации как метода решения аграрного вопроса и в необходимости «так или иначе вознаградить земельных владельцев»⁵³.

Выступление Рожкова вызвало резкую критику со стороны Маслова, по-прежнему отрицавшего национализацию и рассматривавшего ее как меру социалистическую⁵⁴. Он продолжал отстаивать свою программу муниципализации, дополнив ее требованием о «прогрессивно-понижающемся» вознаграждении владельцам⁵⁵.

В отчете газеты «День» о работе аграрной секции от 27 августа 1917 г. констатировалось, что «полного единства не достигнуто в самом центральном пункте: по вопросу о возмездности (так в тексте. – О. И.) или безвозмездности отчуждения частновладельческих земель»⁵⁶. Действительно, именно этот принцип вызвал наибольшее расхождение во мнениях делегатов: 59 человек высказались против какого-либо вознаграждения владельцам земли, 35 – за вознаграждение⁵⁷.

Помимо отказа от уплаты выкупа за землю, в резолюции Объединительного съезда утверждалось, что аграрная реформа «должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления»⁵⁸, что, на наш взгляд, являлось очередной попыткой примирить принципы национализации и муниципализации.

О. А. Игнатьева

Кроме того, на съезде подчеркивалось, что «социал-демократическая партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснить ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии...»⁵⁹. Это утверждение лишний раз свидетельствует о том, что при решении любого вопроса, в т. ч. и аграрного, меньшевики стремились прежде всего подчеркнуть пролетарский характер своей партии.

Последовавшие за меньшевистским съездом события: корниловское выступление, нарастание общенационального кризиса и, наконец, углубление в этих условиях внутрипартийных противоречий между «оборонцами» и «интернационалистами», – привели к тому, что аграрный вопрос накануне Октябрьской революции не рассматривался меньшевиками, а если и рассматривался, то лишь в связи с проблемой обеспечения страны продовольствием. Исключение, на первый взгляд, составляет конференция организаций объединенных интернационалистов РСДРП, проходившая в Петрограде 18–21 октября 1917 г.⁶⁰

21 октября на конференции был заслушан доклад о земельном вопросе, и «после продолжительных прений» внесены некоторые «добавления», например, о том, «что сохранение культурных хозяйств является обязанностью государственной власти» и «мелиорация вознаграждается»⁶¹. Поразительно, что накануне Октябрьского переворота, когда большевики вели агитацию под лозунгом «Земля – крестьянам», меньшевики-интернационалисты обсуждали вопросы мелиорации или строительства «ипотечных домов в деревне». Впрочем, главной мыслью этой конференции было решение об отдельных списках «интернационалистов» при выборах в Учредительное собрание.

В платформе РСДРП(о) на выборах в Учредительное собрание, опубликованной «Рабочей газетой» 25 октября 1917 г., аграрному вопросу посвящен специальный раздел. Выражая свою поддержку аграрной политике Временного правительства, РСДРП(о) ставила задачу конфискации земли, кроме мелких наделов⁶². Распоря-

дительные права на конфискованную землю, кроме лесов, переселенческих земель и месторождений полезных ископаемых, должны быть переданы органам местного самоуправления⁶³. Все эти меры, по мнению меньшевиков, закрепили бы успех буржуазно-демократической революции. В своей избирательной платформе РСДРП(о) вновь подчеркивала, что «Россия еще далека от социализма»⁶⁴.

Открывшийся в дни Октябрьской революции Второй съезд Советов показал, что меньшевики, покинувшие его заседания, потерпели политическое поражение. Для большевиков же съезд ознаменовался принятием двух важнейших декретов – о мире и о земле. Ленин, придававший решению земельного вопроса первостепенное значение, выступил 26 октября с докладом о земле и лично огласил «Декрет о земле». Первый большевистский народный комиссар земледелия В. П. Миллютин позднее вспоминал: «Первый декрет о земле был набросан мной и т. Ларинным, но окончательная формулировка и написание проекта декрета принадлежит т. Ленину»⁶⁵.

Декрет провозглашал отмену помещичьей собственности на землю «без всякого выкупа» и раздел земли между всеми гражданами, желающими ее обрабатывать, по потребительской или трудовой норме⁶⁶. Раздел земли между крестьянами, как подчеркивал Ленин, осуществлялся на основании «Крестьянского наказа о земле», составленного, в свою очередь, с учетом 242 наказов местных крестьянских комитетов и опубликованного «Известиями Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» в августе 1917 г.⁶⁷ Ленин признал, что и Декрет, и наказ составлены социалистами-революционерами, но отметил, что большевики не могли его игнорировать, хотя бы и были с ними не согласны⁶⁸. Вождь большевиков объявил, что данный Декрет объявлен законом до Учредительного собрания, подчеркнув, что новая власть предоставляет крестьянам возможность самим решать все вопросы⁶⁹. В этом документе, как можно заметить, нет ни слова о национализации земли, которую Ленин отстаивал ранее, что свидетельствует о его политическомчу – крестьянство в то время не поддерживало бы малопонятный лозунг национализации, а большевики не имели

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

возможности осуществить национализацию. Правда, в тексте наказа, вошедшего в Декрет, имелись указания на то, что вся земля объявляется общенародным достоянием, «высококультурные хозяйства» передаются в собственность государства, что можно считать намеком на национализацию⁷⁰.

Как достаточно убедительно доказал Э. Кэрр, летом и осенью 1917 г. все органы регулирования земельных отношений, созданные как Временным правительством, так и большевистской властью, контролировались эсерами⁷¹. Уже упоминавшийся В. П. Милютин, в первые дни Советской власти активно выступавший за создание правительства с участием всех социалистических партий, вспоминая о своей деятельности в качестве наркома земледелия, писал: «Народного комиссариата земледелия, как центрального аппарата управления, поначалу не существовало...»⁷² «Настоящим аппаратом народного комиссариата земледелия», по его мнению, являлись сами крестьянские массы, которые и нужно было «регулировать»⁷³. Впрочем, Милютин руководил этим наркоматом недолго – 4 ноября он покинул свой пост в знак протеста против прекращения переговоров с Виккелем⁷⁴. После этого, по рекомендации Ленина, возглавить Народный комиссариат земледелия было предложено левым эсерам.

В это время шел процесс образования партии левых эсеров-интернационалистов, завершившийся на 1-м съезде 19–26 ноября 1917 г.⁷⁵ После длительных консультаций наркомом земледелия 25 ноября стал член вновь избранного левоэсеровского ЦК А. Л. Коллегаев, активно приступивший к разработке «Положения о земельных комитетах», которое появилось уже 13 декабря за подписями Ленина и Коллегаева⁷⁶. Деятельность Наркомата земледелия от этого назначения в первое время не улучшилась, поскольку служащие его предшественника – Министерства земледелия Временного правительства – отказывались от всякого сотрудничества, поддерживая правых эсеров⁷⁷. С теми же сложностями новое правительство столкнулось и в работе с земельными комитетами. Только огромная энергия и стремление к достижению соглашения со стороны Коллегаева помогли добиться их поддержки накануне

Третьего съезда Советов, объединившего рабочих и крестьянских депутатов и утвердившего в целом закон «О социализации земли»⁷⁸.

Меньшевики, покинувшие Второй съезд Советов, не участвовали в обсуждении «Декрета о земле». Оставшаяся на съезде небольшая группа объединенных социал-демократов-интернационалистов, участвуя в обсуждении вопроса о составе нового правительства, лишь вскользь коснулась аграрного вопроса. Выступавший от имени интернационалистов Б. В. Авилов заметил, что «разрешение земельного вопроса... – не предвещает для правительства успеха»⁷⁹. Впрочем, его выступление не получило поддержки делегатов.

Для большей части меньшевиков после Октябрьской революции все экономические вопросы оказались связанными с важнейшим политическим вопросом – о форме власти. 30 октября, когда стало очевидным, что переговоры о создании правительства с участием всех социалистических партий не имеют успеха, ЦК РСДРП(о) принял резолюцию «Об организации власти», где ставились три задачи: «1. Скорейший созыв Учредительного собрания. 2. Передача земельного фонда в ведение земельных комитетов. 3. Немедленный приступ вместе с союзниками к мирным переговорам»⁸⁰. Эти же требования повторил И. Г. Церетели на совещании земских и городских представителей 9–11 ноября 1917 г., проходившем в Николаевском зале Петроградской городской думы⁸¹.

12 ноября в газете «День» был опубликован отчет о гарнизонном совещании представителей 34 воинских частей в Петрограде, на котором обсуждался вопрос о том, каким должно быть новое правительство. Выступавший от ЦК РСДРП(о) А. Н. Потресов, характеризуя деятельность Совнаркома, говорил об «ужасных последствиях большевистских декретов», которые толкают страну к контрреволюции⁸². В этом же выступлении прямо указывалось на то, что «декрет о земле принесет только вред планомерному разрешению аграрного вопроса»⁸³. Центральный Комитет меньшевиков вновь и вновь выдвигал в качестве главной задачи партийных организаций «создание общенациональной власти для восстановления гражданских свобод», считая,

О. А. Игнатьева

что в экономической области по-прежнему следует добиваться «передачи земли в ведение земельных комитетов и организации государственного контроля и регулирования промышленности»⁸⁴. Меньшевики, казалось, не замечали, что «Декрет о земле» вызвал невиданный энтузиазм среди крестьянства, получившего бесплатно свыше 150 тыс. десятин земли⁸⁵.

В целом первые послеоктябрьские месяцы для меньшевиков проходили под знаком подготовки к Чрезвычайному съезду партии, который должен был выработать новый курс и тактику в условиях победы Октябрьской революции. На этом съезде, в отличие от Августовского, аграрный вопрос не стоял отдельно в повестке дня. Однако в докладах, выступлениях, резолюции по важнейшему вопросу «О текущем моменте» проблемы земельных отношений и роли крестьянства в русской революции затрагивали фактически все выступавшие. Так, М. И. Либер, считавший главной силой Октябрьского переворота солдатские массы, указывал, что «по своему составу наша армия главным образом – крестьянская»⁸⁶. Для социал-демократов, по его мнению, еще в 1905 г. было очевидно, «что на общенациональное движение крестьянство не способно, что оно способно лишь на бунт», каковым и стала Октябрьская революция. Либер убеждал делегатов съезда, что все черты крестьянства, «на которых основывало свою силу самодержавие», сохранились, что, как только оно удовлетворит свои «специальные интересы» (т. е. получит землю. – *О. И.*), то сразу перестанет быть «не только социалистическим, но и революционно-демократическим»⁸⁷.

Ю. О. Мартов в своем варианте доклада «О текущем моменте» рассматривал русскую буржуазию в качестве главного виновника произошедшего переворота. По его мнению, именно буржуазия виновна в том, что «решение проблем войны и мира, становления и развития демократической республики, демократизации армии, проведение земельной реформы затормозились»⁸⁸. В итоге, говорил Мартов, у власти оказался пролетариат «в союзе с солдатами»⁸⁹, и спасение завоеваний революции теперь зависит от того, сумеет ли РСДРП(о) обеспечить «координацию сил» пролетариата и мелкой буржуазии

(«деревенской демократии», по определению докладчика)⁹⁰.

В отличие от предыдущих ораторов, Ф. И. Дан более конкретно подошел к характеристике сложившегося положения. В предложенном им проекте резолюции «О текущем моменте», в частности, отмечалось, что «анархические методы вмешательства в экономическую жизнь страны», характерные для большевиков, приведут «в деревне – к беспорядочному расхищению земель и инвентаря более зажиточными группами крестьянства в ущерб его беднейшим слоям»⁹¹. Изменить положение может, по мнению Дана (в этом были едини все меньшевики), только Учредительное собрание, в котором социал-демократы-меньшевики должны бороться за власть, поддерживаемую «всеми слоями пролетарской, крестьянской и мещанской демократии»⁹².

Резолюция «О текущем моменте», принятая съездом 4 декабря 1917 г., включила в себя предложения по аграрному вопросу, внесенные именно Даном: «Немедленная передача земель в ведение земельных комитетов и скорейшее проведение демократической аграрной реформы»⁹³. Таким образом, если в вопросе о возможности союза с крестьянством на буржуазно-демократическом этапе революции съезд дал положительный ответ, то в отношении самого аграрного вопроса Чрезвычайный меньшевистский съезд фактически подтвердил свою приверженность идеи муниципализации земли и вновь перенес решение аграрного вопроса на Учредительное собрание, не желая признавать уже идущий раздел земли.

Общеизвестным является тот факт, что на выборах в Учредительное собрание меньшевики потерпели сокрушительное поражение, завоевав только 2,3% голосов избирателей⁹⁴. Однако накануне открытия Собрания, в конце декабря 1917 – начале января 1918 г. состоялись заседания специальных комиссий социал-демократической фракции Учредительного собрания – в т. ч. аграрной⁹⁵. В работе аграрной комиссии активно участвовали известные меньшевистские экономисты – Череванин и Рожков⁹⁶. Комиссия решила вынести на обсуждение Учредительного собрания вопрос о переходе в собственность государства всех

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

монастырских, государственных и частновладельческих, выше удвоенной трудовой нормы, земель, причем мелкие собственники сохраняли право продавать свои участки органам местного самоуправления⁹⁷.

«Формы и способы пользования землей предоставляются органам местного самоуправления», – говорил Череванин на заседании аграрной комиссии 2 января 1918 г.⁹⁸ Очевидно, что даже в начале 1918 г. меньшевики все еще пытались отстоять свои идеи о муниципальном распределении земли, правда, теперь уже национализированной.

В выступлении Церетели от имени социал-демократической фракции в день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. аграрному вопросу уделено довольно много внимания. Прежде всего, Церетели, обращаясь к делегатам Собрания, вынужден был признать: «Вы дали народу землю, вы исполнили обещание революции, вы это сделали, и Учредительному собранию ничего сделать не остается»⁹⁹. Однако вслед за этим утверждением меньшевистский докладчик поставил вопрос о том, существует ли уверенность, «что именно беднейшее крестьянство обзавелось землей, обзавелось инвентарем, что она так справедливо распределена, эта земля, чтобы ни кулаки, ни богатеи, ни те, которые и без того сильны, завладели бы тем, что завоевано революцией?»¹⁰⁰. Ответ самого Церетели был отрицательным: «Если бы оставалась земельная реформа и закрепилась в том виде, как сейчас она существует, это не было бы реформой великой российской революции, это было бы повторением ставки на сильных, на тех крепких мужиков, которые и без того держали в своих руках деревню»¹⁰¹. Меньшевики здесь попытались выступить в роли защитников беднейшего крестьянства, которое они часто называли сельским пролетариатом. Церетели подчеркнул, что «в области земельной реформы, если останется дело в том положении, в каком оно в настоящий момент, без всенародного демократического регулирования пользования землею, взятой у помещиков, так, чтобы она перешла действительно в общенародное достояние, то это не будет победой беднейших слоев крестьянства и достижением того, к чему стремилась революция»¹⁰².

В предложенной Учредительному собранию меньшевистской декларации вновь указывалось на «расхищение» земельного богатства страны «более состоятельными группами деревенского населения и кулаками» и провозглашалось «закрепление законом безвозмездного перехода церковных, монастырских и частновладельческих земель в руки крестьянства и регулирование распределения этой земли и пользования ею в интересах трудящихся масс и развития производительных сил страны»¹⁰³.

Любопытно, что «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенная Учредительному собранию большевиками, в принципе так же предлагала решить аграрный вопрос: «Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа»¹⁰⁴. Таким образом, и меньшевики, и большевики представили Учредительному собранию чисто декларативные проекты ликвидации частной собственности на землю и перехода ее в руки крестьянства. Однако меньшевики по-прежнему считали, что осуществить реформу может лишь Учредительное собрание, а большевики выступали за передачу всей власти Советам и признание правомочности уже осуществленных действий Совнаркома¹⁰⁵.

Вскоре после разгона Учредительного собрания, 10 января 1918 г. открылся Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который в ходе своей работы объединился со Съездом крестьянских депутатов, что было еще одним шагом к укреплению тактического союза большевиков и левых эсеров, о чем уже упоминалось выше.

Во главе крестьянской секции Третьего Всероссийского съезда Советов встала М. И. Спиридовова, лидер левых эсеров¹⁰⁶. Именно левые эсеры Коллегаев и Майоров разработали основные положения закона о социализации земли, утвержденные съездом¹⁰⁷. Представляется справедливым замечание Э. Карра о том, что «большевистский принцип коллективного ведения сельского хозяйства», зафиксированный в данном документе, был лишь «придатком» к главной идеи – уравнительного раздела земли¹⁰⁸. Ленин в докладе о

О. А. Игнатьева

деятельности Совета Народных Комиссаров Третьему съезду Советов назвал крестьян «вернейшими и ценнейшими союзниками» пролетариата, которые осуществляют социализацию земли в союзе с рабочими, национализирующими банки и проводящими рабочий контроль¹⁰⁹.

Меньшевистская фракция Третьего съезда Советов большую часть своих выступлений посвящала проблемам возобновления деятельности Учредительного собрания¹¹⁰, не выступая конкретно против «Декрета о социализации земли» (справедливости ради надо отметить, что Декрет был принят в конце работы съезда, без серьезного обсуждения, в целом¹¹¹). Однако в Декларации фракции РСДРП(о) по вопросу о Советской Федеративной Республике, внесенной М. М. Добраницким, говорилось, что «только на почве последовательного проявления принципов демократизма, т. е. господства большинства населения, сможет трудовое крестьянство осуществить полностью и в прочных формах свою аграрную революцию»¹¹².

В обращении социалистических фракций Учредительного собрания «К гражданам России», подписанном делегатами от шести социалистических партий и опубликованном меньшевистскими газетами «Новый луч» и «Вперед», говорилось: «Крестьяне! Лишь полновластное Учредительное собрание покончит с земельным вопросом, раз навсегда, навеки закрепит всю землю за народом и сделает невозможным возвращение к власти помещиков-дворян и расхищение уже добытой земли кулаками»¹¹³.

Представляется очевидным, что после разгона Учредительного собрания и, особенно, после опубликования 19 февраля 1918 г. Декрета СНК и ВЦИК «О социализации земли», аграрная программа меньшевиков перестала быть предметом для серьезного обсуждения, тем более, что конкретная историческая обстановка ставила перед Россией новые важные задачи, и, прежде всего, задачу подписания мира. Экономическая обстановка в стране была тяжелой. Крестьянский вопрос теперь оказался тесно связанным с вопросом об обеспечении города продовольствием.

Меньшевики предвидели, что сложности в продовольственном деле приведут

к обострению отношений между пролетариатом и крестьянством. В конце января 1918 г. «Партийные известия» опубликовали статью Ф. И. Дана «Задачи партийной работы», в которой многое говорилось о сущности «крестьянского социализма». Дан указывал, что «с непрекаемой очевидностью фигура массового крестьянина выявилась как фигура хозяинчика, мелкого буржуа, отстаивающего зубами и когтями свою собственность и свое право использовать до конца выгоды экономической конъюнктуры, делающей хлеб и другие продукты сельского хозяйства наиболее ценным предметом»¹¹⁴. Он писал о «хищническом социализме мелкого буржуа», который является лишь «оболочкой» для того, чтобы использовать «сочувствие и содействие отсталых слоев пролетариата для натиска на крупную земельную собственность и раздела ее методами беспорядочной свалки». В этих условиях, отмечал Дан, критикуя позиции левых эсеров, «идут насмарку все соображения об общих задачах народного хозяйства». Что касается большевиков, то их лозунгом, по мнению одного из вождей меньшевизма, был «грабеж награбленного» и «не организация общественного хозяйства, а расхищение и раздел крупных имуществ»¹¹⁵.

Как и рабочий контроль, деятельность большевиков в деревне оценивалась меньшевиками как проявление анархосиндикализма. В цитируемой выше статье Дан скептически оценивал и изменение названия большевистской партии, произошедшее на Седьмом съезде РКП(б), говоря, что «самое название социал-демократии стесняет» большевиков, портивших, по его мнению, с идеологией научного социализма.

Подобные обвинения часто звучали зимой-весной 1918 г. из уст различных меньшевистских деятелей. Так, они нашли подтверждение в выступлениях участников собрания меньшевиков-оборонцев Петрограда в конце января 1918 г., где говорилось об анархической природе действий Советского правительства¹¹⁶. Г. М. Эрлих отмечал на этом собрании: «Декрет о земле имеет роковое значение. Срывает возможность аграрных реформ». В качестве выхода из тупика он призывал меньшевиков к активной работе в Советах и ВЦИК для пропаганды своих взглядов, борьбы за влияние на рабочий класс,

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

но натолкнулся на несогласие других участников собрания¹¹⁷. Тем не менее, меньшевики участвовали и в работе ВЦИК, хотя их представительство там было крайне малочисленным¹¹⁸, и в деятельности местных Советов, где их представительство также постоянно сокращалось¹¹⁹.

Так, И. А. Исув, выступая на заседании исполкома Моссовета 6 марта 1918 г., говорил: «Большевики не вели массы к социализму, а освещали только то, что выдвигалось крестьянско-мещанской идеологией. Декрет о земле, о национализации банков, о рабочем контроле (особенно первый) есть дележ по-божески, но ничего больше»¹²⁰.

Тезис о мелкобуржуазной направленности развития российского общества весной 1918 г., которая может завершиться прямой контрреволюцией, выдвигал и Ю. О. Мартов в своих выступлениях на заседаниях ВЦИК IV созыва¹²¹. В то же время он считал необходимым продолжать работу в Советах из-за популярности этого учреждения в массах. Советы «в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс» представляли «примитивную идею господства местных рабочих и крестьян над данной территорией», как, впрочем, рабочий контроль – «идею захвата данной фабрики», а аграрная революция – «захват данной деревней данного поместья»¹²².

Принципиальное значение для характеристики экономической политики меньшевиков в целом и, в том числе, их отношения к состоянию сельского хозяйства, имеет статья А. С. Мартынова «Пути к экономическому возрождению», опубликованная 16 апреля 1918 г. в газете «Вперед». Главную угрозу экономическому развитию России Мартынов видел в «большевистском анархо-коммунизме», единственный путь спасения страны – во всестороннем государственном регулировании экономической жизни¹²³. Полемизируя с «социал-демократами правого крыла», он утверждал, что Россия не может вернуться к «полной свободе конкуренции», потому что в современных тому времени условиях свободы конкуренции будет тождественна «свободе спекуляции в хлебной торговле», в «мешочничестве» и может привести только к кровавой гражданской войне¹²⁴. Мартынов писал, что «интересы... крестьянской мелкой буржуазии все

чаще и все больше сталкиваются с интересами городского населения вообще и пролетариата в особенности: крестьянская мелкая буржуазия стоит за безграничное удлинение рабочего дня, не хочет платить подоходного государственного налога, сопротивляется установлению твердых цен на сельскохозяйственные продукты...»; это, в свою очередь, приведет к усилению антагонизма между городом и деревней¹²⁵. В связи с этим, задачей меньшевиков является сохранение классовых организаций пролетариата, призыв его к «классовому ограничению» и дисциплине во имя «экономического возрождения России»¹²⁶.

В мае 1918 г. продовольственный вопрос занял первое место в дискуссиях, разворачивающихся во ВЦИК, как, впрочем, и в жизни страны. Большевики подготовливали введение продовольственной диктатуры, которая осуществилась фактически после появления 13 мая 1918 г. Декрета «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»¹²⁷. Накануне подписания этого декрета, 9 мая 1918 г., продовольственная политика обсуждалась на заседании ВЦИК, где с докладом выступил народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа¹²⁸. Его оппонентом стал Ф. И. Дан, резко критиковавший продовольственную политику Советской власти, «заменившую централизованную, экономически и политически продуманную систему диктатурой», которая «ставит себе целью вооруженную борьбу с крестьянством, потому что в деревне, ведь, трудно отделить, где кончается хозяйственным мужичком и где начинается пролетарий и полу proletарий»¹²⁹. Дан заметил, что «в смысле получения хлеба это не даст ничего, так как усилит граждансскую войну, заставит многих отказаться от расширения посевов и в десятках миллионов русских крестьян создаст вполне определенное настроение, которое не пойдет на пользу революции»¹³⁰. Как уже отмечалось, продовольственная диктатура, несмотря на это предупреждение, была введена Декретом 13 мая.

20 мая 1918 г. ВЦИК обсуждал вопрос о задачах Советской власти в деревне, основной доклад был сделан председате-

О. А. Игнатьева

лем ВЦИК Я. М. Свердловым¹³¹. Этот доклад вызвал резкую критику со стороны меньшевиков. Н. Н. Суханов обвинил официального докладчика прежде всего в некомпетентности, а затем изложил свою точку зрения. Суханов говорил: «Задачи советской власти в деревне распадаются на две категории: экономические и политические. Что касается экономических задач в деревне, то они, по крайней мере, это касается черноземной полосы – сводятся к снабжению деревни орудиями и изысканию способов извлечения хлеба из рук крестьян-производителей. Что касается экономических задач в нечерноземной полосе, то нужно во что бы то ни стало накормить нечерноземные деревни, которые уже погибают от голодной смерти, в которых происходят бунты голодных людей...». Поскольку Советская власть не в состоянии обеспечить осуществление этих мер, она, по мнению Суханова, должна «самоуправдниться», то есть «немедленно передать все хозяйственные и культурные функции правильно организованным на основе всеобщего избирательного права демократическим учреждениям»¹³².

Выступивший вслед за Сухановым Мартов упрекал большевиков в противоречивости их политики в деревне, говоря, что «попытка Советов повернуть события революции таким образом, чтобы направить беднейшее крестьянство... против крестьянства, имеющего хлеб», не соответствует их же лозунгам¹³³. Мартов отмечал, что большевики, в частности, народный комиссар продовольствия Цюрупа, рассуждают «об идеальном беднейшем крестьянстве», забыв, что именно этот слой населения их поддержал, «приобретя при разделе имений кусок земли и получив возможность продать хлеб». Лидер меньшевиков справедливо указывал: «А что такое беднейшее крестьянство? Частью это крестьянство представляет зародыш будущего сельского пролетариата, частью же это те крестьяне, которые, благодаря аграрной революции перестают быть беднейшими. Последние не развиваются в сторону социализма»¹³⁴. Мартов предупредил большевиков, что, пытаясь противопоставить кулаков и беднейшее крестьянство друг другу, они будут бить и по среднему крестьянству, являющемуся их опорой в деревне. «Объективно вы будете толкать

среднее крестьянство именно к власти кулаков, которые во многих местах являются вожаками крестьянства именно потому, что они формируют движение деревни против городского потребителя, и которые, чтобы продать свой хлеб по выгодной цене, заинтересовывают в своих операциях и неимущую часть деревни...», – говорил он, пророчески предвидя в продовольственной диктатуре очередной, может быть, последний шаг большевиков к гражданской войне¹³⁵.

Проходившая в Москве 21–28 мая 1918 г. конференция меньшевиков среди других вопросов обсуждала и меры по борьбе с голодом. Докладчиками здесь выступили В. Г. Громуан и Ф. А. Череванин¹³⁶. В тезисах «Борьба с экономической разрухой и задачи рабочего класса», в частности, говорилось: «В области снабжения населения хлебом совещание считает необходимым при сохранении хлебной монополии наивозможно широкое привлечение кооперативного и частного торгового аппарата, работающего на комиссионных началах»¹³⁷. Меньшевики также выступили против твердых цен на хлеб.

Помимо продовольственных проблем, на совещании прозвучала вновь и традиционная оценка крестьянства как силы, тормозящей продвижение пролетариата по революционному пути. Ее дал один из лидеров меньшевизма Р. А. Абрамович. В выступлении по текущему моменту он, в частности, говорил: «Надежда на помочь со стороны беднейшего крестьянства оказалась ни на чем не основанной, и пролетариат, даже его верхи, даже те слои, которые принимают участие в политической жизни, приходя на местах в соприкосновение с этим беднейшим крестьянством, и с тем, как в деревне понимался социалистический переворот, убеждались, что это крестьянство представляет из себя аполитическую и антигражданственную среду (так в тексте. – О. И.), в которой не может быть и речи о восприятии социалистического строительства, но даже и обыкновенного гражданского строительства»¹³⁸. Называя крестьянство «нулем» в политическом отношении, Абрамович сделал знаменательное признание: «В партии у нас тоже нет соприкосновения с крестьянством, и поэтому иметь реальное представление о том, что делается в кре-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

стянистве, я не в состоянии»¹³⁹. Пытаясь оценить ситуацию в деревне по сведениям, публикуемым в печати, он сделал вывод о том, что крестьянство можно сбросить со счета вплоть до того момента, когда речь пойдет о возможности возврата земли прежним владельцам¹⁴⁰.

Майская конференция делала ставку на усиление пролетарских организаций и роли в них меньшевиков, традиционно отстраняясь от проблем деревни.

Логическим завершением продовольственной политики большевиков явился «Декрет о комитетах бедноты», принятый 11 июня 1918 г. Меньшевики правильно оценили изменение отношения большевиков к крестьянству. Так, Череванин, выступая 4 июня на совместном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС, представителей профсоюзов и фабзавкомов Москвы говорил, что дело не в «разжигании гражданской войны между городом и кулаками», подчеркивая, что «борьба будет против большинства крестьянства»¹⁴¹. Однако исключение меньшевиков и эсеров из советских организаций 14 июня 1918 г. заставило меньшевиков, как уже говорилось выше, на время приостановить критику экономической политики Советской власти в условиях, когда РСДРП была поставлена фактически в полулегальное положение.

Начавшаяся Гражданская война подтвердила правильность меньшевистских прогнозов о роковом значении классового раскола в российской деревне.

Примечания

¹ См. например: **Тютюкин С. В.** Меньшевизм: страницы истории. – М., 2002. – С. 54–55.

² **Kapp Э.** История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 гг. – М., 1994. – С. 416.

³ Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 235.

⁴ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 159.

⁵ Там же. – С. 160.

⁶ **Хэймсон Л.** Меньшевизм и большевизм (1903–1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г. – М., 1994. – Т. 1. – С. 30.

⁷ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

⁸ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 162.

⁹ **Плимак Е.** Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М., 2004. – С. 74.

¹⁰ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

¹¹ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. – М., 1996. – С. 166.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 166.

¹⁴ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 164.

¹⁵ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 169.

¹⁶ Там же.

¹⁷ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 165.

¹⁸ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 172.

¹⁹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 165–166.

²⁰ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 173.

²¹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 167.

²² Там же. – С. 167–168.

²³ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

²⁴ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 238.

²⁵ Организационный комитет был избран на Венской конференции меньшевиков 1912 г., являвшейся своеобразной альтернативой прошедшей в том же году Пражской конференции, которая еще больше углубила раскол в рядах РСДРП. (См.: Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. С. 493–494).

²⁶ Там же. – С. 342.

²⁷ Там же. – С. 344.

²⁸ Там же. – С. 345.

²⁹ Меньшевики в 1917 г. – М., 1991. – Т. 1. –

C. 273.

³⁰ Там же. – С. 282.

³¹ Там же. – С. 350.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. – С. 350–351.

³⁶ Там же. – С. 351.

³⁷ Там же. – С. 425.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энцикл. – М., 1996. – С. 675.

⁴² Меньшевики в 1917 г. – Т. 1. – С. 425.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. – С. 426.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. – С. 445.

⁴⁷ Там же. – С. 444.

⁴⁸ Там же. – С. 533.

⁴⁹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 389.

⁵⁰ Меньшевики в 1917 г. – М., 1995. – Т. 2. – С. 464–465.

⁵¹ Там же. – С. 466.

⁵² Там же. – С. 468.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. – С. 470.

⁵⁵ Там же. – С. 535.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 390.

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

- ⁵⁸ Меньшевики в 1917 г. – Т. 2. – С. 555.
- ⁵⁹ Там же. – С. 556.
- ⁶⁰ Меньшевики в 1917 г. – М., 1997. – Т. 3, ч. 2. – С. 207.
- ⁶¹ Там же. – С. 215.
- ⁶² Там же. – С. 234.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. – С. 230.
- ⁶⁵ Первое Советское правительство, Октябрь 1917–июль 1918. – М., 1991. – С. 81.
- ⁶⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 35. – С. 25-27.
- ⁶⁷ Там же. – С. 24.
- ⁶⁸ Там же. – С. 27.
- ⁶⁹ Там же. – С. 26-27.
- ⁷⁰ Там же. – С. 25.
- ⁷¹ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 428-438.
- ⁷² Первое Советское правительство, Октябрь 1917–июль 1918. – С. 83.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энцикл. – М., 1996. – С. 365.
- ⁷⁵ Там же. – С. 419.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 436-437.
- ⁷⁸ Там же. – С. 438.
- ⁷⁹ Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 248.
- ⁸⁰ Там же. – С. 271.
- ⁸¹ Там же. – С. 295-299.
- ⁸² Там же. – С. 307.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. – С. 314.
- ⁸⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл. – М., 1983. – С. 176.
- ⁸⁶ Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 379.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ **Галили З., Ненацков А.** Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общеноционального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября – конец декабря: док.-ист. очерк // Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 98.
- ⁸⁹ Там же. – С. 387.
- ⁹⁰ Там же. – С. 386-388.
- ⁹¹ Там же. – С. 451.
- ⁹² Там же. – С. 452.
- ⁹³ Там же. – С. 473.
- ⁹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 624.
- ⁹⁵ **Ненацков А., Павлов Д., Розенберг У.** В условиях официальной и полуофициальной легальности: док.-ист. очерк // Меньшевики в 1918 г. – М., 1999. – С. 25.
- ⁹⁶ Там же. – С. 62.
- ⁹⁷ Там же. – С. 25.
- ⁹⁸ Там же. – С. 62.
- ⁹⁹ Там же. – С. 76.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. – С. 76.
- ¹⁰³ Там же. – С. 84-85.
- ¹⁰⁴ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 221.
- ¹⁰⁵ Там же. – С. 223.
- ¹⁰⁶ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. – С. 420.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 439.
- ¹⁰⁹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 263.
- ¹¹⁰ См., например, проект резолюции фракции РСДРП(о) по вопросу о мирных переговорах (Меньшевики в 1918 г. С. 127).
- ¹¹¹ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 439.
- ¹¹² Меньшевики в 1918 г. – С. 129.
- ¹¹³ Там же. – С. 163.
- ¹¹⁴ Там же. – С. 195.
- ¹¹⁵ Там же. – С. 196.
- ¹¹⁶ Там же. – С. 203.
- ¹¹⁷ Там же. – С. 206-207.
- ¹¹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 593.
- ¹¹⁹ И. Х. Урилов приводит данные Л. М. Спириной: на губернских съездах Советов в январе–июне 1918 г. меньшевики имели 1,1% мандатов (См.: **Урилов И. Х.** Ю. О. Мартов: политик и историк. М., 1997. С. 330).
- ¹²⁰ Меньшевики в 1918 г. – С. 293.
- ¹²¹ **Урилов И. Х.** Указ. соч. – С. 331.
- ¹²² Там же. – С. 330.
- ¹²³ Там же. – С. 371.
- ¹²⁴ Меньшевики в 1918 г. – С. 371.
- ¹²⁵ Там же. – С. 372.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 475.
- ¹²⁸ Меньшевики в 1918 г. – С. 415.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. – С. 415.
- ¹³¹ Там же. – С. 439.
- ¹³² Меньшевики в 1918 г. – С. 439.
- ¹³³ Там же. – С. 442.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. – С. 444.
- ¹³⁶ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 483.
- ¹³⁷ Меньшевики в 1918 г. – С. 472.
- ¹³⁸ Там же. – С. 457.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. – С. 459.
- ¹⁴¹ Там же. – С. 520.

ФИЛОЛОГИЯ

А. К. Булыгин

Андрей Платонов и Карл-Густав Юнг

На первый взгляд, подобное соседство имен советского писателя и швейцарского психолога кажется парадоксальным. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что и создатель «Котлована», и основоположник аналитической психологии имеют немало общего в понимании одного из самых таинственных феноменов бытия – психологии художественного творчества.

Еще читатели первых опубликованных книг Андрея Платонова отмечали, что писатель обладает способностью проникать в самые сокровенные глубины подсознания, доходить до самого главного, потаенного, видеть сущность за разнообразием внешних форм. Юрий Нагибин вспоминает, как в конце 1930-х гг., прия впервые в гости к Генриху Густавовичу Нейгаузу, он очень быстро сошелся со знаменитым пианистом и педагогом, и выяснилось, что оба они обожают Платонова и знают многие его тексты наизусть. Нагибин пишет, что несколько часов (!) подряд они цитировали по памяти любими фрагменты платоновской прозы. Согласитесь, довольно сложно представить в то время другого прозаика, чье слово удостаивалось бы подобной чести и вызывало бы интерес у рафинированного интеллигента и у молодого писателя, у нобелевского лауреата Э. Хемингуэя и рядового труженика.

В литературе о творчестве Платонова есть один лейтмотив, который звучит так: автор «Котлована» сумел заглянуть в столь глубинные пласти бытия, которые приоткрывают свои тайны лишь самым выдающимся умам в истории человечества. Иначе говоря, как пишет исследователь, Платонову было дано «сверхвидение, когда предметы за внешним обликом не скрывали своего существа»¹.

Документы из архива писателя показывают, что эта особенность художественного видения воспринималась самим Платоновым как сознательная установка. Вот лишь одна из записей, которую писатель сопровождает словами «Очень важно! Существенно!!!»: «Сущно-

стью, сухою струею, прямым путем надо писать. В этом мой новый путь»². Подобное «сверхвидение» достигается за счет преодоления всех препятствий между душой писателя и его произведением, за счет устранения «литературности», «красивости», «сделанности». Лучшие произведения автора «Чевенгур» – это прямое проникновение в потаенные глубины души. Не потому ли так «затрагивает» Платонов, что ему удается выразить нечто бесконечно важное и родное, но зачастую просто не передаваемое «нормальным» языком? Многие знаменитые фразы писателя – это, говоря словами К.-Г. Юнга, «попытка выразить вещи, для которых еще не существует словесного эквивалента»³.

О внутренней связи платоновского творчества с концепциями глубинной психологии уже говорилось неоднократно. Так, по словам Валерия Коваленко, «особое место в ряду средств „художественного жизнеобеспечения“ платоновской фразы имеет поистине феноменальная игра писателя на элементах архетипического сознания читателя. По всей видимости, Платонов не был знаком с учением Карла Юнга об архетипах „коллективного бессознательного“. Но присутствие в значительной части его фраз таких слов и словосочетаний, которые выражают фундаментальные и одновременно универсальные образы и схемы духовной деятельности человека, является непреложным фактом. Речь поэтому может идти не о сознательно применяемом (как это имело место, скажем, у Г. Гессе или Г. Маркеса), а об интуитивно найденном Платоновым способе мастерской „игры“ на архетипичности читательского воображения»⁴.

Анализируя знаменитую платоновскую повесть, Михаил Золотоносов приходит к выводу: «Превращение человека в безжизненный автомат, полную куклу, управляемую „коллективным бессознательным“, – вот итог раздумий автора „Котлована“»⁵. Не соглашаясь с общим смыслом выскаживания (в частности, с тем, что итог раздумий Платонова можно выразить подоб-

ной фразой), отметим, что юнговский термин «коллективное бессознательное» действительно как нельзя лучше применим к произведениям писателя.

К терминам аналитической психологии прибегает и Е. Толстая-Сегал, когда пишет: «Творчество Платонова – это реконструкция восприятия идей ушедшей эпохи в новом, чуждом ей сознанию на базе генерализованного, архетипизированного языкового мышления»⁶.

Как понятие «архетип», так и понятие «коллективное бессознательное» являются не столько терминами, сколько элементами определенной концепции, знаками «картины мира», постулируемой аналитической психологией. Попытаемся вкратце ее обрисовать.

Основой, на которой базируется юнговская концепция, является специфический взгляд на психическое бытие как на «сложное единство разнородных, но взаимосвязанных систем»⁷. Таких систем, по Юнгу, семь.

1. «Я» – сознательная и контролируемая часть психики.

2. «Маска» – «сознательная кожа» личности, ее защита, «внешняя установка», существо, составляющее внешний характер человека. «Маска есть то, что человек, по сути дела, не есть, но за что он сам и другие люди принимают этого человека»⁸.

3. «Тень» – «все негативные черты индивида, воспринятые им через наследственность, но отторгнутые его сознанием и оттесненные в бессознательное», «темная и приземленная часть личности, ... „мое зло“, на котором „покоится“ Я, его нельзя просто изгнать или отбросить, но лишь раскрыть в себе»⁹.

4. «Анима» – «„образ души“, это „образ женщины вообще“, не интегрирующийся с „Я“, „омываемый чувством“, в котором сливаются представления матери, женщины и души»¹⁰.

5. Лично-бессознательное с комплексами – все то, что формируется в течение всей жизни на основе личного опыта.

6. Коллективное бессознательное с архетипами. Коллективное бессознательное – «глубинный слой психики, который передается по наследству и является вместилищем архетипов». Под этим Юнг понимает определенные мотивы и комбинации понятий, которые наделены свойством

«вездесущности» и которые выявляются «в мифах и верованиях различных народов, заведомо не имевших между собой никаких связей, в сновидениях, бредовых фантазиях современных индивидов, для которых абсолютно исключено знакомство с мифологией»¹¹. Архетипы – это «врожденные возможности представления, ставящие известные границы самой смелой фантазии, – так сказать, категории воображения, в каком-то смысле априорные идеи, существование которых, впрочем, не может быть установлено иначе, как через опыт их восприятия. Они проявляются лишь в творчески оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования, иначе говоря, мы способны реконструировать изначальную подоснову праобраза лишь путем обратного заключения от законченного произведения искусства к его истокам»¹².

«Праобраз, или архетип, есть фигура – будь то демона, человека или события, – повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия. Соответственно мы имеем здесь в первую очередь мифологическую фигуру. Подробнее исследовав эти образы, мы обнаружим, что в известном смысле они являются сформулированным итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков: это, так сказать, психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа»¹³.

Иначе говоря, архетипы – это формальные структуры, которые присутствуют в каждом человеке, соединяя нас с бесчисленными поколениями наших предков, с их переживаниями, поведением, творчеством. Согласно Юнгу, вся жизнь, вся деятельность людей пронизана ими, строится на их основе, меняя лишь содержание, но сохраняя свою формальную основу. Сфера, где наиболее четко можно «увидеть» архетип, – художественное творчество, социальная организация и связанная с ней символика. «Все наиболее действенные идеалы всегда чуть более или менее откровенные варианты архетипа, в чем легко можно убедиться по тому, как охотно люди аллегоризируют такие идеалы, – скажем, отчество в образе матери, где сама аллегория, разумеется, не располагает ни малейшей мотивирующей силой, которая вся целиком коренится в символической значимости

А. К. Булыгин

идеи отечества»¹⁴. Последний, седьмой элемент в юнговской структуре человеческой психики, это «самость» — «центральный архетип, первообраз упорядоченной целостности, на языке общечеловеческой символики выражаемый фигурами круга, квадрата, креста, символами возрождения (архетип младенца и т. п.)»¹⁵. «Самость, — отмечает Юнг, — есть величина, относящаяся к сознательному Я как целое к части. Она охватывает не только сознательную, но и бессознательную psyche и потому есть как бы личность, которая между прочим есть и мы»¹⁶. «„Самость“ есть единство, объемлющее сознание и бессознательное, но в то же время она есть центр и цель прогресса индивидуации, то есть становления личности»¹⁷. В связи с понятием «самость» С. С. Аверинцев вспоминает такие выражения, как «быть, а не казаться», знаменитые слова Пиндара «Стань тем, что ты есть!», «познай самого себя».

Многие из тех, кто писал о Платонове, отмечают особое эмоциональное воздействие его текстов. Теории Юнга помогают объяснить и это явление. Андрей Платонов, наделенный способностью проникать в глубины подсознания, в заповедную область коллективного бессознательного, постоянно репродуцирует мифологические структуры, что и объясняет особое эмоциональное воздействие его прозы. По словам Юнга, «момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особой эмоциональной интенсивностью: словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны, о существовании которых мы совершенно не подозреваем»¹⁸. Читая Платонова, постоянно ощущаешь, что за конкретными ситуациями, персонажами, образами стоит нечто более значительное, существенное, затрагивающее ключевые жизненные вопросы. Писателю в любой сцене удается увидеть такое, что касается каждого человека, всей системы его связей с миром. «Особенный смысл подлинного произведения искусства как раз в том, что ему удается вырваться на простор из теснин и тупиков личностной сферы, оставив далеко позади всю временность и недолговечность ограниченной индивидуальности»¹⁹.

В работах, посвященных психологии творчества, Юнг выделяет два рода художественных произведений. К первой групп-

пе он относит такие, которые рождаются в соответствии с намеченной программой, материал подвергается сознательной и целенаправленной обработке, творческий процесс предельно рационализирован, автор полностью « управляет» своим детищем, рассчитывая средства для достижения желаемого результата.

Произведения, относимые ко второй группе, «буквально навязывают себя автору, как бы водят его рукой. <...> Во всем этом через него прорывается голос его Самости, его сокровенная натура проявляет сама себя и громко заявляет о вещах, которые он никогда не рискнул бы выговорить. Ему осталось лишь повиноваться и следовать, казалось бы, чужому импульсу, чувствуя, что его произведения выше его и потому обладают над ним властью, которой он не в силах перечить»²⁰. Примеры этого типа слишком хорошо известны. Достаточно вспомнить «Кублахан» С. Т. Колриджа, «Прозрачных облаков свободное движение» А. К. Толстого и многое другое. О создании именно такого рода произведений говорится в стихотворении Анны Ахматовой «Творчество».

Нет сомнений, что к этому же типу относятся и лучшие произведения Андрея Платонова. Подтверждение этому мы находим в высказываниях писателя как о своем, так и о чужом творчестве. В одном из его писем к жене мы читаем: «Меня ждет работа о волгодонском канале Петра. Очень мало исторического материала, опять придется лечь на свою „музу“: она одна мне еще не изменяет»²¹. В другом письме высказывание не менее характерное: «Полтораста страниц насиливал я свою „музу“ в „Эфирном тракте“. Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — „муза“ мне не изменит. С ней мы действительно — одно. Она — это мой пол»²².

Эта платоновская «муза», этот «внутренний голос», исходящий из глубин души, и стал фактором, создавшим из мечтателя пролеткультовского толка, истового сторонника революционных преобразований, проницательнейшего писателя, показавшего в «Чевенгуре» и «Котловане» колоссальную опасность пути, по которому устремилось общество. Неслучайно отказ публиковать его произведения вызывал у автора буквально физические муки — ведь то, что выходи-

ло в конце 1920-х гг. у Платонова из-под пера, шло наперекор многим его прежним симпатиям и убеждениям; но его новая позиция была выстрадана, «вымучена», досталась ему в результате тяжелейшего кризиса, когда приходилось расставаться с вошедшими в кровь и плоть иллюзиями. Понятно поэтому, что открывшийся мир идей, предчувствий, прозрений обретал статус истинного и Платонов считал своим долгом эту истину до людей донести.

Однако ни «Чевенгур», ни «Котлован» не напечатали, а «Впрок» и «Усомнинившийся Макар» подверглись такой критике, что писатель надолго оказался отторгнутым от официальной литературы. «Не приняли роман – и руки и тело покрыли нарывы. Сломать человека легче, чем думают»²³. Горькое признание... Но здесь важен и другой аспект – ощущение Платоновым своего призыва и возможности повлиять на жизнь общества, предостеречь от опасности утратить «нечто любимое, потеря чего равносильна разрушению не только всего прошлого, но и будущего»²⁴. Что это, как ни хорошо известная нам формула: «поэт-пророк», поэт, видящий глубже остальных как саму жизнь, так и перспективы этой жизни? Но откуда же берется тогда это видение?

Вспомним уже цитированные строки, где Платонов определяет своеобразие своего пути в том, что писать надо «сущностью», «прямым путем». Слова эти неоднократно повторяются в различных вариантах, образуют синонимические ряды: «Сущность» – «человечность», «прямой путь» – «прямое чувство жизни»: «Писать надо не талантом, а „человечностью“ – прямым чувством жизни»²⁵. Интересно, что спустя несколько лет Платонов напишет почти дословно то же самое, изменив всего одно слово, которое еще в большей степени выявляет близость авторской позиции концепции творчества Юнга: «Писать не талантом, а человечеством, сущностью свою»²⁶. Если в первой записи «человечность» – это категория скорее этическая, помимо всего прочего характеризующая и нравственную позицию писателя, то «человечество» – категория онтологического порядка, сущность которой будет более понятна, если мы вспомним определение коллективного бессознательного и архетипов. «Писать

человечеством» – то есть выявлять те структуры, которые скрыты в самих глубинах бессознательного, единого для всех людей, открывать «сущность жизни».

Один из героев повести-притчи «Котлован», Вощев, в разговоре с представителем завкома говорит: «Я мог бы выдумывать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность»²⁷. Знаменательно, что эту же мысль автор повести спустя несколько лет повторит, но уже от своего имени. В годы Великой Отечественной войны Платонов запишет: «Я не могу сам воевать, не могу выдумать мину или самолет, но я могу обнадежить все души людей и дать им силу правильного понимания жизни»²⁸. Истина вносит гармонию в жизнь людей, говорит сам Платонов, дарит им счастье единства духовного и материального, делает осмысленным и радостным даже самый тяжелый труд.

Никто лучше гениального писателя не может справиться с этой задачей – приоткрыть людям истину, ту самую «силу правильного понимания жизни». Эта функция приравнивает художника к ветхозаветному Богу, который, согласно Писанию, «вдунул в лицо его (человека. – А. Б.) дыхание жизни, и стал человек душою жизью» (Быт. 2, 7.). Ни чувствовал ли это Платонов, когда писал: «Все возможно – и удается все, но главное – сеять души в людях»²⁹?

Мы видим, что писатель выступает в роли своеобразного «целителя», помогает человеку узнать причину своей болезни и тем самым сделать шаг к ее преодолению. Но ведь именно так и понимает функцию художника К.-Г. Юнг! «Любое отношение к архетипу, переживаемое или просто именуемое, „задевает“ нас; оно действительно потому, что пробуждает в нас голос более громкий, чем наш собственный. Говорящий праобразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временнености в сферу вечносущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас те самые спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь»³⁰.

Чтобы получить эту возможность «говорить праобразами», писателю как раз и

A. K. Булыгин

необходимо «ощутить сущность», т. е. то, что неустанно повторяет Андрей Платонов. Его записи содержат фразу, как бы в «голом» виде представляющую итог всех его высказываний о творчестве. Предельно лаконичная «чистая» сущность: «Главное, самое главное...»³¹

Механизм проникновения в это «главное» прекрасно описан Юнгом: «Художественное развертывание праобраза есть в определенном смысле его перевод на язык современности, после чего каждый получает возможность, так сказать, снова обрести доступ к глубочайшим источникам жизни, которые иначе остались бы для него за семью замками. Здесь кроется социальная значимость искусства: оно неустанно работает над воспитанием духа времени, потому что дает жизнь тем фигурам и образам, которых духу времени как раз все больше недоставало. От неудовлетворенности современностью творческая тоска уводит художника вглубь, пока он не нащупает в своем бессознательном того праобраза, который способен наиболее действенно компенсировать ущербность и однобокость современного духа»³². По словам Юрия Пастушенко, «архетипическое видение – это видение обобщающих процессов бытия, и по своей сути не может являться лишь частной творческого метода художника. Именно оно выводит у Платонова основную проблематику с уровня социального на уровень культурный. Писатель улавливает смену парадигм мировой цивилизации, когда на смену христианскому миропониманию, казалось, уже полностью вытеснившему языческое, приходит ситуация напряженного диалога с вновь активизирующими архаичными формами мышления, выступающими теперь уже в виде новейших идей времени. Он заставляет их стать эмоционально переживаемыми моментами личного существования. Но над личной судьбой героев просматривается след судьбы всего человеческого рода. И вот уже разбуженное подсознание начинает доносить знаки наиболее общего и единого начала мира»³³.

В свете вышесказанного становится понятным и тот факт, что с начала 1920-х гг. буквально за несколько лет принципиальным образом изменился и сам язык Платонова, сформировавшийся в феномен, равного по оригинальности ко-

торому, вероятно, не найти во всей русской литературе. Не забудем при этом, что ранние произведения автора «Котлована» глубоко концептуальны. Они питаются идеями К. Маркса, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, деятелей Пролеткульта Н. Ф. Федорова, В. Освальда, А. Богданова, А. В. Луначарского и проч. Мы не хотим сказать, что влияние этих авторов на Платонова позднее ослабевает, – нет, но оно вступает во взаимодействие с тем внутренним голосом, который начинает ощущать в себе писатель и который Юнг называет «автономным комплексом». Это взаимодействие и создает тот особый «стиль Платонова», над загадкой которого бьются исследователи. Приблизиться к пониманию истоков этого абсолютно ни на кого не похожего стиля помогает опять-таки Юнг.

Исследуя феномен автономного комплекса, швейцарский психолог отмечает, что в произведениях такого рода «естественно было бы ожидать странных образов и форм, ускользающей мысли, многозначности языка, выражения которого приобретают весомость подлинных символов, поскольку наилучшим возможным образом обозначают еще неведомые вещи и служат мостами, переброшенными к неведомым берегам»³⁴.

Все эти признаки в полной мере можно отнести к зрелым платоновским произведениям, в первую очередь, конечно, к «Чевенгур» и «Котловану», а если говорить о цельности, гармоничности, уравновешенности всех вышеперечисленных структур, то предпочтение, безусловно, следует отдать последнему из них – «Чевенгур» все же является нам *процесс становления* как метода, так и идейной концепции писателя, окончательно сформировавшихся лишь к концу работы над романом.

Изучая юнговскую теорию художественного творчества и читая заметки на эту же тему Андрея Платонова, иногда кажется, несмотря на абсурдность такого предположения, что выдающийся русский писатель и маститый швейцарский ученый знали произведения друг друга – так много у них общего в понимании и процесса творчества, и структуры личности, и направления ее движения. Так, например, в записной книжке Платонова начала 1930-х гг. мы читаем: «Каждый

человек с детства вырабатывает себе социальную маску, чтобы гарантировать себе наибольший успех. Уже с детства человек впадает в уродство: все люди на самом деле замаскированы. Что если бы человек был без маски! Как хорошо!»³⁵

Здесь помимо очевидного сходства с Юнгом в понимании природы «маски», можно заметить еще одно удивительное совпадение. Речь идет об общем направлении развития человеческой личности, которое, согласно теории основоположника аналитической психологии, заключается в индивидуализации, предполагающей перенос психической энергии из бессознательной сферы в сознательную. «Гармонизация человеческой личности, процесс дифференцирования всех психических функций и установление живых связей между сознанием и подсознанием при максимальном расширении сферы сознательного обозначается Юнгом как „индивидуация“, поскольку таким путем достигается ценностная консолидация личности, переход от персоны (маски) к высшей „самости“, предполагающей окончательный синтез сознательного и бессознательного, личного и коллективного, внешнего и внутреннего»³⁶.

Для Платонова высвобождение от «маски» — мечта, реализуемая лишь в художественном мире, хотя стремление писателя сохранить и в жизни человеческий облик общеизвестно: этим можно объяснить и его сознательное самоустраниние от участия в насквозь задемонизированной «общественной жизни» эпохи. Для Юнга же аналогичный процесс — телеологическая установка, определяющая практическое применение его философской и психологической концепции.

Тема «Платонов и Юнг» таит в себе еще немало возможностей для исследования. Материалом при этом могут служить не только художественные произведения Платонова, но, что еще более важно в данном случае, его письма, заметки, наброски неосуществленных замыслов. Вот, например, одна из записей: «Рассказ о матери, которая любила одного сына и не любила другого. Но тот, которого она не любила, любил ее и отдал жизнь свою за нее, а тот, которого она любила, предал мать»³⁷. Здесь представлена классическая мифологема, увидеть которую можно во множестве как фольклорных, так и

авторских произведений (вспомнить хотя бы «Короля Лира»). Конечно, реализуй Платонов этот замысел, несомненно получилось бы произведение, насыщенное и другими идеями, осложненное, может быть, иными сюжетными линиями. Но уже сам факт, что в основе платоновского замысла лежит классическая архетипическая схема, говорит о принципиальных особенностях художественного мышления писателя, разобраться в которых нам помогает аналитическая психология.

Примечания

¹ Гаврилова Е. Н. Андрей Платонов и Павел Филинов. О поэтике повести «Котлован» // Лит. учеба. — 1990. — Кн. 1. — С. 169.

² Платонов А. П. Записные книжки: материалы к биографии / публ. М. А. Платоновой; сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. — М., 2000. — С. 100.

³ Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэтическому творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: трактаты, ст., эссе. — М., 1987. — С. 219.

⁴ Коваленко В. Язык свободы у Достоевского и Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — М., 2000. — Вып. 4, Юбилейный. — С. 205-206.

⁵ Золотоносов М. Усомнившийся Платонов («Чевенгур», «Котлован») // Нева. — 1990. — № 4. — С. 190.

⁶ Андрей Платонов. Мир творчества. — М., 1994. — С. 82-83.

⁷ Филос. энцикл.: в 5 т. — 1960. — Т. 5. — С. 600.

⁸ Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике: сб. ст. — М., 1972. — Вып. 3. — С. 125.

⁹ Там же. — С. 126.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Юнг К. Г. Указ. соч. — С. 229.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. — С. 230.

¹⁵ Аверинцев С. С. Указ. соч. — С. 149.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. — С. 150.

¹⁸ Юнг К. Г. Указ. соч. — С. 229.

¹⁹ Там же. — С. 220.

²⁰ Там же. — С. 221-222.

²¹ Вся разгадка — в человеке: из ст. и писем Андрея Платонова // Платонов А. П. Котлован: избр. проза. — М., 1988. — С. 308.

²² Там же. — С. 309.

²³ Платонов А. П. Записные книжки. — С. 176.

A. K. Булыгин

- ²⁴ Он же. Котлован: Материалы творческой истории. – СПб., 2000. – С. 116.
- ²⁵ Он же. Записные книжки. – С. 97.
- ²⁶ Там же. – С. 81.
- ²⁷ Он же. Котлован. – С. 23.
- ²⁸ Там же. – С. 218.
- ²⁹ Там же. – С. 44.
- ³⁰ Юнг К. Г. Указ соч. – С. 230.
- ³¹ Платонов А. П. Записные книжки. – С. 240.
- ³² Юнг К. Г. Указ соч. – С. 230.
- ³³ Пастушенко Ю. О мифологической природе образа у Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М., 2000. – Вып. 4. – С. 344.
- ³⁴ Юнг К. Г. Указ соч. – С. 230.
- ³⁵ Платонов А. П. Записные книжки. – С. 100.
- ³⁶ Аверинцев С. С. Указ соч. – С. 150.
- ³⁷ Платонов А. П. Записные книжки. – С. 237.

Л. Н. Кен

Привязанность сердца

«Дружная, сплоченная крепкой любовью», — так называет семью большого русского писателя Леонида Николаевича Андреева его невестка Анна Ивановна Андреева. «Глубокая привязанность сердца, — пишет она в другом случае, — родовая черта андреевской семьи».

Анастасия Николаевна Андреева и шестеро ее детей, перебравшиеся из Орла в Москву, а позже в Петербург, представляли собой тип русской семьи, привыкшей в трудностях жизни искать поддержки друг у друга. Несомненно, центральной фигурой в доме был Леонид Николаевич — старший из братьев и сестер, в ком и они, и мать всегда видели «источник разума, справедливости и совета».

«Вот он сидит за большим самоваром рядом со своими братьями Андреем и Павлом, — вспоминал К. И. Чуковский, — и его сестра, голубоглазая Римма, подает ему шестую чашку чаю, а тут же, невдалеке от него, кутаясь в темную старушечью шаль, сидит его мать Настасья Николаевна и смотрит на него с обожанием. Он до конца своих дней любил ее горячо и порывисто, что не мешало ему в семейном кругу без устали потешаться над нею и сочинять про нее небылицы. <...> На все эти шутки она отвечала улыбкой, так как чувствовала в них сыновнюю ласку и была счастлива, что ее возлюбленный Коточка — после долгого периода тоски и уныния — наконец-то развеселился вовсю, стал шаловлив и дурашлив. И вся семья вместе с ним веселела, и в доме на две-три недели водворялся какой-то наивный, очень искренний, простосердечный, провинциальный уют. <...> Но замечательно: при всей провинциальности, в нем не было и тени мещанства; обывательская мелочность, скаредность, обывательское “себе на уме” были чужды ему совершенно; он был искренен, доверчив и щедр»¹.

Автору публикуемой рукописи² дано было видеть Леонида Андреева в течение ряда лет и с очень близкого расстояния. Начало общения — 1902 г., Москва. Анна Ивановна вошла в семью, став женой од-

ного из братьев Андреевых — Павла Николаевича. Позднее были Петербург, Ваммельсуу, переписка... Последнее письмо Л. Андреева, адресованное А. И. Андреевой, датировано 15 (28) марта 1918 г. В нем писатель обращается к невестке как «к человеку разумному» с деликатным поучением: «спокойно и тихонько, не раздражая», убедить тяжело заболевшую мать повременить с возвращением из Петрограда в Ваммельсуу. «Поговори с ней ласково, — писал Л. Андреев, — убеди и уверь, что я от любви хочу ее оставить в городе, а не от ненависти»³.

В своих воспоминаниях А. И. Андреева подробно рассказывает об огромной, почти жертвенной любви и преданности, которая связывала всех Андреевых и особенно двух братьев — Леонида и Павла. О себе, своей роли в семье говорит скромно, в третьем лице, почти всегда оставаясь в тени. И при этом сама тональность повествования, подчеркивание положительных качеств Павла Николаевича и других Андреевых убеждают в том, что их автор — человек глубоко чувствующий, любвеобильный, искренний и остро болеющий за близких.

И еще одна важная особенность публикуемого текста. На титульном листе рукописи стоят две даты. Первая — 2 июня 1923 г. — день смерти Павла Николаевича. Возможно, это знак того, что горестное известие стало толчком для написания воспоминаний — своего рода надгробного плача по безвременно ушедшему первому мужу. Вторая дата — 1924 г. — завершение работы. В эти же годы готовятся к изданию воспоминания о Леониде Андрееве его братьев Павла и Андрея, а сестра Римма в 1925 г. публикует очерк «Мать Леонида Андреева». У каждого из авторов свое видение семьи, знаменитого брата, своя правда, не вступающая в противоречие с правдой других. Эти воспоминания естественно дополняют друг друга и также естественно подтверждают заветную мысль Анны Ивановны Андреевой о сплоченной крепкой любовью андреевской семьи.

Л. Н. Кен

Анна Ивановна Андреева

Память о Павле Николаевиче Андрееве*

«Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем»

Екклезиаст⁴.

«Что сделала ты для меня, мертвого?»

(Слова Павла Николаевича ко мне во сне).

Четверо братьев было в семье Андреевых: Леонид, Всеволод, Павел и Андрей.

Андрей последним был. Вырастал в то время, когда ушли уже самые черные дни Леонида: попытки к самоубийству, пьянство, — и они не отразились на душе Андрея. Вырастал он на воле и неудержимо любил волю. Летом целыми днями пропадал в лесах и полях. Юношей уходил пешком бродить по России. Ушел пешком из Москвы к Черному морю и пешком же вернулся обратно худой и загоревший, пыльный, как бродяга.

И от вольных лугов, от солнечных дней и закатов на душу его легли солнечные пятна. Всю жизнь звала его к себе земля — лес и поле.

Выбитый из обычной колеивойной, он жалел, что «мало побродил по свету, когда имел к тому возможность».

Семья, мать, Леонид давали ему любовь самую нежную, и как баловень, как должное принимал эту любовь Андрей⁵.

Всеволод⁶ был чужаком в семье, не похожий ни внешним, ни внутренним обликом на других братьев. Был добрый, любил семью, поклонялся Леониду, благоговел перед ним, робел, стеснялся своей отчужденности, но жил жизнью простой и реальной — маленькой жизнью чиновника — судебного пристава. Ничего «андреевского» в нем не было.

Павел⁷ был брат Леонида не только по крови, но и по духу, самым близким, самым родственным ему.

Вырастал сам и складывался характер Павла под непосредственным влиянием жизни Леонида — его переживаний и настроений. И все самое тяжелое, тревожное, кошмарное, что было в жизни Леонида, легло темным рефлексом на душу Павла.

Был он цельным носителем «андреевского», что пронес в своей жизни и писательстве Леонид.

Чуткий и нежный, привязчивый, он в семью входил всей душой: выбаливал все ее неприятности, неудачи, неустройства. Он не только жил в семье — он болел семьей.

Родился Пав[ел] Ник[олаевич] в Орле. Детство — солнечное, осталось ярким пятном в его жизни. Мягкая характером мать; отец больше серьезный, чем строгий. А под пьяную руку озорной и особенно близкий кипевшим озорством сердцам Леонида и Павла.

Озорство любил Пав[ел] Н[иколаевич]. И уже взрослый любил поозорничать. Подвыпивший слегка, он любил изображать из себя на улице курящегося мастера-вого, приводя в беспокойство городового на посту. Упрямился и не шел, бросая в землю с сердцем картуз, и только, когда в городовом вырастало решительное желание отвести пьяного в участок, прекращал шутку. Любил останавливать проходящих сссорой с кем-нибудь из идущих с ним. Затевал сссору настолько правдоподобную, что партнер из нее никак не мог выпутаться. Не раз ставил дочь⁸ в положение очень неловкое, отчитывая ее перед собравшимися зеваками за вину несуществующую и угрожая репрессиями.

И чем правдоподобнее выходило, чем одураченнее были те, кого хотел одурачить, тем он более был доволен.

Свою старую тетку он пугал и сбивал с толку тем, что во время ужина при громадном количестве гостей, прятал ложки в карман. Ничем нельзя было объяснить пропажу ложек, и тетка сбивалась с ног, разыскивая пропажу. Любил Пав[ел] Ник[олаевич] и озорные шутки Леонида. Л[еонид] Н[иколаевич], живя уже в своей даче в Финляндии, хотел пробудить в матери⁹ давно забытый страх перед нищетой. Обед в домашнем кругу. На столе перед Леонидом Н[иколаевичем] тарелка. Он, ни слова не говоря, берет ее двумя руками и тихонько, но твердо ударяет о край сто-

* Публикация, вступительная заметка и примечания Л. Н. Кен.

Привязанность сердца

ла. Тарелка раскалывается пополам. В глазах матери на секунду вспыхивает давно позабытый страх. Тарелка разбита, она последняя, и в доме нет ничего лишнего, кругом нищета. Но этот страх на одно мгновение из прошлого. И разом уходит. И улыбаясь, мать велит подать другую тарелку. То же Л[еонид] Н[иколаевич] делает и с другой тарелкой, и с третьей и осторожно опускает осколки на пол у своего кресла. Это озорство Л[еонида] Николаевича] и Павлу нравилось.

Веселый и живой рос Пав[ел] Ник[олаевич]. А тихие улицы провинциального города, ширина и простор не ставили препятствий расходившейся мальчишеской воле.

Его окружал достаток – в собственном саду деревья гнулись от обилия и тяжести яблок, но вкусны были только те яблоки, которые можно было выкрасть из чужого сада.

Радуясь жизни, шаля и озорничая, жил Павел до 12-летнего возраста, пока жив был отец¹⁰. Но со смертью его все изменилось. Незаметно ушло богатство, достаток, постепенно в семью вошла нищета.

И говоря дальше о Пав[ле] Н[иколаевиче], нужно говорить уже не о его жизни, а о жизни семьи и Леонида. На всякую другую душу, менее чуткую и впечатительную, обстановка жизни и семьи не произвела бы такого решающего значения, какое произвела она на душу Павла.

Нищета и вместе скорбь матери, ее неотвязная забота о том, чем накормить шесть человек детей, безнадежное искашение выхода; положение сестер¹¹, почти просиявших милостью, было для Павла тяжестью уже непомерной.

А в эту пору пришли еще черные дни Леонида¹².

Душа гиганта искала путей – еще не определено было писательство. Точно скованный в клетке, Леонид метался, терзаясь и мучаясь. Искал свое «я», пил, стремился к самоубийству. И в его терзаниях, без возможности помочь, терзался с ним и за него Павел.

Пьянство Леонида было кошмарно, жестоко и дико.

Не жалея себя, ища физической боли, стремясь к смерти, Леонид сплошным кошмаром сделал пьяные дни своей юности. Кошмарные для Леонида, они вдвое не были кошмарными для Павла за Леонида и за мать. И не день, и не два, а

целая полоса жизни Леонида тянулась в черной ночи, и постепенно в душе Павла гасли краски.

Он перестал жить нормальными настроениями юности.

То, что было за порогом его дома, где светило солнце, смеялась молодость – казалось обманом. Жизнь обманывает, настоящее только то, что есть вокруг него, в его семье – нищета, слезы, кошмары и пьянство. И если где-нибудь мелькнет радость, он боялся, что придет боль и убьет радость. Он стал бояться жизни – душа жила постоянной тревогой: страшное скрыто где-то недалеко от нас, мы не видим, но оно видит нас и подстерегает.

Он полюбил боль больше радости, душа его тяготела к боли. Он полюбил Достоевского – в нем он чувствовал настоящее – отражение своего быта.

Таким он стал к 18 годам – к тому времени, когда поступил в Строгановское училище¹³. Громадное здание этого училища приотилось на Рождественке. Оно было прекрасно оборудовано художественными пособиями, имело богатый, известный всей Москве музей; роскошную художественную библиотеку. К преподаванию привлекались лучшие силы: там одно время преподавал Врубель, преподавателями были А. Иванов, Виноградов и др.

В громадных залах училища находили себе приют выставки художников русских и иностранных.

Учащиеся делили время между классами, библиотекой и выставками. Молодежь увлекалась искусством, жила радостно и радостно работала. П[авел] Н[иколаевич] нашел там отвлечение от условий своей семейной жизни, но душа его была уже надломлена. И тем резче выступало несоответствие между бодрой и задорной юностью и тем, что окружало его дома и что нес он теперь постоянно в себе сам.

И часто в молодых кружках он срывал смех резкой фразой, полной отрицания и тоски.

Но товарищи любили его, хотя и называли «похоронной процессией».

К этому времени он стал пить. Жизнь же дома, наоборот налаживалась: подрабатывал Всеволод, начал работать в газете Леонид.

А П[авел] Н[иколаевич] пил все больше и больше, точно освобожденный от

Л. Н. Кен

тоски за семью, он всю тоску, которая стала теперь нераздельна с его душой, перенес на себя.

И чем больше было несоответствие между светлой обстановкой художественной работы в училище и угаром его пьяных дней, чем больше светлых тонов падало на семейную обстановку Леонида, тем более уходил в ночь Павел.

К 24 годам, когда он должен был кончить училище, он пил, почти не переставая.

Леонид женился. В маленький домик на Пресне, где жил Леонид с матерью и братом Андреем, Шурой¹⁴, первая жена Леонида, внесла много тепла и милой юности.

Точно светлый ангел вошел в дом, так светло-тихо было в чистых маленьких комнатах деревянного дома.

И так печально, непонятно и жестоко было то, что не было там Павла; заслуженный отдых от тревоги и боли за Леонида и семью не коснулся его.

Сливаясь все больше, он ушел от семьи.

Жил он здесь же во дворе, в отдельном флигеле в одну комнату.

Плохо протоптанная дорожка по снегу вела к его флигелю. Нужно было подняться на скользкую ступеньку и, согнув голову, чтобы не удариться о притолоку, войти в дверь.

Грязная, темноватая комната, круглый стол без скатерти, протертый диван. Темная занавеска до полу скрывает неубранную кровать.

Запах перегорелой водки сжимает горло.

После пьяной ночи он шел в училище. Чтобы перебить запах водки, пил в большом количестве валерьянку. Кое-как работал там и, возвращаясь домой, — один в свою комнату, пил опять.

Тосковал о светлой, разумной жизни, об искусстве, которое любил и был способен, задыхался в грязи и угаре своей обстановки, но не чувствовал себя в силах разорвать пьяный угар, вырваться, перестать пить. И пил все больше, беспарно борясь, чувствуя, что погибает, и, погибая, спивался все больше.

Когда приходил кто-нибудь из товарищей, вносил молодое и бодрое в комнату, Павел жестоко убивал свет реальным, что было в нем ночью.

В Строгановском было у него два товарища: темнокудрый, румяный, полный надежд Алеша и глухой, примиряющий всех и со всем примиряющийся Миша. И второй был ему ближе, чем первый, как ближе ему была боль, чем радость.

И вместе их троих в первый раз увидала в дверях класса та, которая потом стала женой Павла.

Маленькая, она не могла носить тяжелую рисовальную доску и тащила ее по полу.

А в дверях класса за ней следили три пары разных глаз.

И строго-осуждающими были темные глаза Павла, казавшиеся особенно большими от черной оправы очков.

Бледное, зеленоватое худое лицо, длинные космы черных волос.

Мистически строгое лицо Павла было не похоже на румяное, жизнерадостное лицо Алеши и вечно улыбающееся лицо М[иши].

Чем-то жутким веяло от всей его фигуры. Это чувство жути не рассеялось и от более близкого знакомства, когда насмешкой и резкими словами он отрицал мечты, веру в жизнь и добро.

Теперь к компании трех прибавилось четвертое лицо — ученица Строгановского. Павел стал отходить от пьянства.

Часто вечерами собирались вместе, писали и читали рефераты, спорили о том, что волновало, — в искусстве и жизни.

Часто уходили за город. Шалил и острил Алеша, длинные мудрствования о жизни, о примиренности, о непротивлении злу разводил М[иша], пристально всматриваясь в лицо собеседника, чтобы по лицу прочесть то, что он недосышал. И бледная, как улыбка выздоравливающего, была улыбка замученного жизнью Павла.

Перед глазами всех одинаковой лежала подернутая весенним таянием широкая снежная дорога парка; по-весеннему каркали вороны, суетясь в оголенных, темнеющих в сумерках неба деревьях; весенний воздух новой верой входил в душу.

И весеннее все воспринимали по-разному. Самым больным, исстрадавшимся уже много, заслужившим покой и отдых более, чем кто-либо, был Павел. Его улыбка радowała, как последний свет угасавшего дня. Этот отблеск света вечернего лежал на всем облике Павла и был замечен тому, кто знал его близко, кому не

Привязанность сердца

бросалось в глаза только внешнее – грязь его пьяной жизни.

Такой отсвет ложится на тех, кто в ранней юности обречен страданию или смерти.

И Павел был обречен – обречен жизни. Есть люди только живущие, идущие с закрытыми глазами по проторенной колее избитой дорожки и есть обреченные жизни. Душа их приобщается простому страданию, проходит Голгофу.

Обреченный был и Павел. И обречение лежало на нем, оставляя отблеск вечернего света – печального света угасавшего дня.

Но юность брала свое – Павел полюбил и женился.

И вышел из грязной комнаты на свежий воздух.

Он стал искать самого себя – рисовал, стал писать. Но в писаниях отражалось только больное – тяжелые сны, кошмары, больные переживания. И псевдоним он взял из Достоевского – Рогожин. Но, написав несколько рассказов, он не особенно стремился их печатать – его увлекал самый процесс писательства. Тогда писали все три брата: Леонид, Павел и Андрей. И, кажется, никому творчество писателя не доставляло столько наслаждения, как Павлу.

Думаю, что самыми счастливыми днями его жизни были, когда, прийдя домой из школы¹⁵, где он преподавал, и, выпавши после обеда (у него, как и у Леонида, была привычка спать после обеда даже в молодые годы), он садился писать, и когда работа шла настолько, что удовлетворяла его.

Женившись, он перестал пить в той мере, как раньше, но совсем бросить пить он не мог. Он пил иначе, чем пил Леонид. Леонид предавался хмелю периодами: пьет несколько дней, затем на некоторый промежуток бросит, затем запьет опять. Павел пил ежедневно. Слабогрудый, он поддерживал в себе постоянное отправление алкоголем – и никакие уговоры, никакие убеждения на него не действовали. Его не могла удержать от алкоголя тревога и тоска жены, тем более не могли его остановить разговоры о его здоровье. Здоровье он никогда не берег – никогда не остерегался простуды, даже в сильном жару не ложился в постель, перенося все болезни на ногах и уже в последний год

жизни зимой он на урок к старшей дочери Лариссе, которая жила в этом же дворе, из здания в здание переходил без пальто и шляпы.

При его образе жизни – громадном количестве выпитого алкоголя, перегруженности работой (так как он всегда работал сверх меры), при его нежелании остерегаться простуды, можно было думать, что он обладает железным здоровьем. Но это не так. Вернее – единственным, что держало его, самым действительным, были нервы. Весь организм, надорванный и слабый, держался только нервами. И потому менее всего он сам боялся туберкулеза. Врачу, который свидетельствовал его для отправки в санаторию, он с детской верой в силу врачей говорил: «туберкулез – черт с ним – я его не боюсь. Избавьте меня только от боли».

Жил он только нервами, и когда сработалась нервная система – он перестал жить.

Материальная жизнь Пав[ла] Ник[олаевича], когда он женился, не особенно налаживалась.

Окончив Строгановское и пробыв некоторое время без работы, он взял то, что ему предложили, – место учителя в школе глухонемых. Жизнь не баловала его – и в этом была ее гримаса.

Без специальной подготовки работа среди глухонемых первое время была очень тяжела. Но он не требовал много-го. Сравнительно с тем, как был любим в семье матерью Леонид и Андрей, – Павел был любим очень мало. Конечно, не потому, что он был худший сын или дурной человек, а потому что мелодия похоронной процессии в нем глубоко звучала всегда. Мать уставала болеть за него – сначала за его пьянство, потом за его здоровье, затем за всю его тяжело и неудачно сложившуюся жизнь.

Сам же он отдавал родным всего себя.

Обстановка его собственной семьи была более чем скучна.

От родных и случайная, с базара по дешевой цене, мебель; большая ограниченность в костюме. Но терпеливо переносил бедность Пав[ел] Н[иколаевич], и, продавая старьевщику в день особой нужды почти последние брюки, – он деловито вел разговор с татарином, выколачивающим лишний полтинник.

Л. Н. Кен

В это время у него уже родилась дочь Ларисса, которую он в силу своей психики любил с тревогой и нежностью почти болезненной.

Был он очень нежен и физически и духовно. Носил обыкновенное белье и всегда страдал оттого, что оно «шерстит», кожа его могла выносить только самую мягкую ткань. Не любил грубостей, резкостей, ссор, всегда был деликатен. И никто с такой чуткостью не подходил к Леониду в моменты самых острых переживаний Леонида, как делал это Павел. Очень тяжелыми днями для Л[еонида] был его выход к общему столу после 3–4 дней хмеля. За столом царило тяжелое молчание – все слова о постороннем были грубы и не нужны. И только один Павел поднимал разговор и постепенно и осторожно подходил к душе Леонида, разрывая мучительное молчание.

Когда в семью Леонида вошла вторая жена Анна Ильинищна и были нелады с семьей¹⁶, самую примирительную позицию всегда и во всем держал Павел. И делал это так осторожно, что его примиряющая миссия и не чувствовалась даже. Он в жизнь Леонида смотрел его глазами, устраняя субъективное. За особенную чуткость, за несоответствие суровой жизни и мягкого облика Павла, Леонид называл его «Пашетта-князь».

Уходя из пьяной комнаты на Пресне, Павел опять ушел в жизнь Леонида и уже никогда не оставлял его. Много тяжелых настроений Л[еонида] Павел принял на себя сам, многое переложил на него и Леонид. Л[еонид] чувствовал в нем родную душу, зная, что одно сердце одним биением пульса билось и в нем, и в Павле. Глубокой, всегда неспокойной душе Леонида была нужна мягкая, но твердая крепкой любовью душа Павла.

Любимой шуткой Павла был спор с Леонидом о том, у кого из них более орлиный нос. Есть даже фотография, снятая на террасе в Куоккалла, где Леонид и Павел снялись в профиль для беспристрастного сравнения их носов. И только самой настоящей фотографии, которая установила бы их духовную близость, – нет и не могло быть.

Умирала первая жена Леонида Шура. Было это в Берлине. Надежда на выздоровление приходила и уходила вновь. Когда совсем слабой стала надежда, Л[еонид]

вызвал Павла. Павел был учителем в школе. Не задумываясь, он оставил школу и уехал. Там он пробыл с Л[еонидом] последние дни жизни Шуры и дни после ее смерти. Спокойный сравнительно днем, Леонид предавался отчаянию только ночью, когда оставался один с Павлом. Он открывал дверь в пустую комнату жены и звал: «Шура! Шура!». Проведя с Л[еонидом] самые тяжелые дни, проводив его в Италию, Павел вернулся в Россию совершенно разбитый¹⁷.

И всегда, когда к Леониду приходили беды, Павел был с ним. Он был с Леонидом все время, пока Л[еонид] пил, сам в эти дни не прикасаясь к вину.

И только один раз, когда Леонид пил в Москве в гостинице больше недели, когда пьяны были все, даже приходящие в гости мужчины и женщины, – выпил и Павел.

Обычно же он с такой болью относился к пьянству Леонида, что не мог пить.

Провести с Леонидом все дни его пьяного бодрствования было очень трудно. Он пил 3–4 дня подряд, не отдыхая, не ложась спать, всегда готовый к каким-либо эксцессам. От того, кто был с ним, требовалось не только уменье очень осторожно предотвратить эксцессы (очень осторожно, п[отому] ч[то] Л[еонид] становился особенно подозрительным и хитрым, и неосторожный подход к делу мог привести к действиям обратным) – требовалось уменье быть хорошим собеседником и еще более внимательным слушателем. И надо было быть неутомимым, чтобы все 3–4 дня провести в движении, потому что Л[еонид] не оставался долго в спокойствии, – он ходил, говорил, выходил гулять, снова возвращался.

Наконец наступал самый тяжелый момент для Леонида – после отрезвления выходить к столу – и тут самым нужным и близким был Павел.

И если вспомнить крупную фигуру Леонида, когда он, гуляя или шагая по кабинету, развивал новые темы своей работы, говорил о том, что сейчас читает, или о том, как в его мозгу преломляется настоящее-будущее России, всегда рядом с ним рисуется хрупкая, точно болезненная фигура Павла.

А самые условия жизни Павла – разрыв с женой, одиночество – поставили его в возможность большую часть жизни отдать Леониду.

Привязанность сердца

Разрыв с женой Пав[ел] переживал очень тяжело со всем мучительством андреевской психики. Он углублял боль, делал ее извечной. Чувство потери он переносил из этой жизни в другую: «и в той жизни ты не будешь со мною». Памятником над прошлым он сделал художественную библиотеку, которую собирал для дочери, мечтая, что она пойдет по его же дороге искусства, и фундамент библиотеки, лучшие три книги, отдал жене и дочери с надписью «на вечную память от Павла». А он был тогда молод. (Но библиотека эта после его смерти не попала к дочери.)

Эта личная драма положила глубокий отпечаток на весь его внутренний облик. Душа его пережила Голгофу. Но Голгофу он перенес так, как могло перенести только самое чистое сердце, – без отрицания жизни, без проклятия ее.

В той незлобивости, в той изжитости прошлого так, что злое даже легкой тенью не затмняло его, сказывалась глубочайшая, не сравнимая ни с чем чистота его сердца. Ни к кому из тех, кого слепая жестокость судьбы поставила в необходимость творить ему злое, не сохранил он зла.

Пережив так много, он стал спокойнее. Ушла та тревожимость, что с отроческих лет жила в нем, то ожидание страшного, что всегда скрыто от человека, та постоянная обеспокоенность, постоянная внутренняя настороженность – это настроение андреевской психики.

У Павла это настроение жило словами: Диавол ходит по земле, путая и мешая карты. И не злые люди делают злое, а в результате, в самом конечном итоге, они только орудие в руках Слепого и творят его злую волю.

Но это конечно не уменьшало и не могло уменьшить боли.

Были у него особые состояния – реальный страх нереального. Этого страха он ничем победить не мог – он боялся пустых комнат, не мог один на ночь оставаться в квартире. И как много ночей, когда белые сумерки Петербурга сбивали в комнатах определенные образы видимого, он бродил по городу; падал от усталости, присаживался на скамейки и бродил снова до утра, боясь возвратиться в комнаты, пугающие его невидимым, но чувствуемым им миром нереального.

Не выражая особенно внешне, Леонид осуждал в Павле пассивное переживание боли, как бы без борьбы, без искания выхода, отвлечения помимо хмеля. Жалея Павла, будучи очень внимателен и ласков с ним, оберегая его, Леонид переживал за Павла чувство протesta за его долгую невозможность уйти сердцем от привязанности к жене. Протестуя, Леонид забывал, как долго и упорно он ликвидировал в своем сердце юную любовь, от которой решился отказаться, как долгая и мучительна была в нем сама борьба.

Глубокая привязанность сердца – родовая черта андреевской семьи.

Спустя некоторое время после разрыва с женой, Павел Ник[олаевич] женился снова на Н[аталье] Н[иколаевне] Мих[айловой]¹⁸, и от этого брака у него родилась дочь Марина.

Трудно представить себе более случайное сочетание, чем этот брак.

Бессребреник, романтик-мистик – муж и прозаическая, практическая до мельчайших деталей – жена. Это и еще другие причины привели скоро к разрыву. Супруги разошлись, когда Марине было 9 месяцев. И разрыв был настолько полный, что Пав[ел] Ник[олаевич], с особенной нежностью относившийся всегда даже к чужим детям, – совершенно отстранился от дочери Марине, так как между ним и ребенком всегда стояла жена со всеми невыносимыми особенностями своего характера.

Сейчас же после брака П[авел] Н[иколаевич] ездил с женой за границу, проехав по Италии и югу Франции, и из этой поездки вынес только усугубленное очарование Италией, которую полюбил уже в первую поездку к Л[еониду] Н[иколаевичу]. Очарованность Италией жила в нем настолько, что он таил в себе мечту побывать там вновь и даже в последний год своей жизни давал обещание дочери Лариссе не умирать до тех пор, пока не побывает с ней в Италии.

Помимо первой и второй женитьбы были у него и другие привязанности, более или менее длительные.

Но все неустройство личной жизни не уводило П[авла] Н[иколаевича] от Леонида. Бывая с Леонид[ом], Павел всегда относился к нему ласково, внимательно и бережно.

Л. Н. Кен

То, что Павел всегда подходил к Леониду отдать ему именно то, что Л[еонид] искал в нем в эту минуту, – создавалось у некоторых впечатления, что Леонид подавлял, обезличивал (как писалось об этом в воспоминаниях о Леониде Николаевиче] в Москве). Но этого нельзя сказать о Павле – он не обезличивался, он всегда оставался самим собою, только в мягкости своей и большой любви к Л[еониду] он не выявлялся эгоистично сам и подходил к Л[еониду] своим «я» настолько, насколько в данную минуту это было только необходимо.

Очень большим отвлечением от личных неудач и очень большую роль, как увлечение работой, сыграла в жизни Павла Н[иколаевича] гимназия Лентовской, в которую он поступил в [пропущено]¹⁹ году преподавателем.

Работа в ней отвлекала его от его мучительных переживаний; тесный круг учителей, которых он нашел там и с которыми почти сроднился, в особенно одинокие дни заменяли ему свою семью. Гимназия стала ему домом не менее близким, но более живым, чем его одноковая комната. И все силы он отдал гимназии – он не оставался дома даже в дни болезни, и, кажется, не прошло без него ни одного педагогического собрания.

И этой работе в гимназии он отдавался не по долгу и не из чувства чиновного формализма, а из любви к делу и к детям, с которыми всю жизнь пришлось ему иметь дело, оставаясь до конца жизни педагогом.

Детей он любил необыкновенной, большой и серьезной любовью. Он подходил к ним обычно, как к равным себе, не подлаживаясь ни к их языку, ни к их понятиям, но они понимали его. Он даже никогда не упускал случая подшутить над ними, чего так не любят дети, особенно маленькие, но к его шуткам дети относились по-иному, без нетерпения и слез. И в семье дядя Павел был самым любимым дядей.

Внимание его к детям было настолько велико, что не было ни одной просьбы, которую он, пообещав ребенку, не исполнил бы. Для него каждый отдельный ребенок был целый законченный мир, полный глубокого содержания и интереса.

Вглядываясь в их жизнь, замечая особенности каждого, П[авел] Н[иколаевич]

говорил о детях с чувством радования, точно дивясь разнообразию и красивой глубине детского мира; и ставил этот мир не менее важным, чем жизнь и быт взрослых людей. Часто с Л[еонидом] они вели длинные разговоры о детях, и эти «детские» разговоры, в которых фигурировали маленькие знакомые человечки, были не менее увлекательны, чем интересные романы о взрослых.

Но П[авел] не только любил, он жалел детей. Уже больной своей смертельной болезнью, он переписывался со своей десятилетней племянницей Ириной²⁰, которая в это время также лежала больная. И последнее его письмо перед самой поездкой в санаторию было длиннейшим шуточным конспектом по географии и истории. Терзаемый болями, он в минуты замищения болей находил возможность шутить, чтобы развеселить больного ребенка.

В 1919 г. П[авел] Н[иколаевич] женился снова – на Ан[не] И[осифовне] Вансович²¹ – и жил с ней в маленькой квартирке на Петроградской стор[оне]. Жизнь сильно осложнялась безденежьем, так как на жалованье учителя он не мог существовать вдвоем с женой. Мучило постоянное беспокойство о добавочном заработке – он все время давал частные уроки и взял даже очень тяжелую и вредную для его легких работу: в гимназии шел капитальный ремонт, перепланировка комнат, рушили стены, отбивали штукатурку, и П[авел] Н[иколаевич] весь вечер после урока до сумерек возился в известковой пыли, вытаскивая из здания кирпич и известью. Там в известковой пыли и мусоре были поломанные дранки, сорванные со штукатуркой, и он предложил мне их собрать на топливо, чтобы не выносить их на улицу в сор. Я два часа провозилась в пыли и от жжения в груди и горле начала мучительно кашлять – а он работал там по несколько часов и много дней подряд.

В 21 году возвратилась из Саратова старшая дочь П[авла] Н[иколаевича] Ларисса и, поступив в Академию Художеств, пошла по пути искусства, которое отец ее так любил.

Весной и летом он уходил с ней на этюды, отдаваясь рисованию с увлечением, как в лучшие дни своей жизни.

Он указывал ей путь в работе, предотвращал от тех неправильных методов, которые осуждал в своей собственной ра-

Привязанность сердца

боте, направляя ее по тому пути, которого не достиг сам и всегда грустил об этом.

Любя искусство, отдавая ему времени меньше, чем хотел бы, мечтая все время вернуться еще к художественной работе, он в дочери видел возможность исполненной мечты.

В жизни перемучившись уже много и за себя и за других, Павел Николаевич подошел к успокоенному, казалось, концу своей жизни.

Все грозы жизни уже прошли над ним.

Из всей большой когда-то семьи осталась в живых одна только сестра Римма Николаевна, и круг тревоги за семью, которой всегда полна его душа, сузился до минимума.

С Леонидом Павел Николаевич расстался в 1918 г. и после ни разу не встречался с ним²².

Известие о смерти Леонида было ослаблено условиями всей окружающей жизни: притупленностью благодаря голодным годам, обычностью и обилием смертей и потерь вокруг. При той любви к брату, которая была у Павла Николаевича, при той душевной спаянности с ним, когда душевное состояние Леонида барометрически отражалось в душе Павла, смерть Леонида — смерть половины души должна была отразиться на Павле катастрофически. Павел, принявший как будто смерть Леонида, фактически ее не пережил. Сознание говорило о смерти, но душа бредила еще Леонидом живым.

Смерть Леонида еще надо было пережить, и события помогли ему в этом.

Когда пришли из Финляндии фотографии Леонида и матери, подробности о его последних днях и смерти — только тогда эта смерть стала ощущаться Павлом и переживаться им.

Павел Николаевич показал мне фотографию Леонида Николаевича, снятую после смерти. Одетый в обычный костюм, рубашку, Леонид лежит на террасе дачи Фальковского не в гробу, а на кровати. Словами, в которых сквозила бесконечная нежность, точно боязнь разбудить всегда так оберегаемого, бесконечно любимого брата, Павел Николаевич сказал мне: «точно спит». И по тому, как он сказал эти слова, и по тому, какое у него было лицо, я почувствовала, что смерти Леонида Павел еще не принял. Для него

Леонид Николаевич еще не умер, еще только спал. Здесь, над фотографией «уснувшего» Леонида, стоял Павел таким, каким он был там с живым Леонидом, в его жизни. После слов Павла Николаевича стало страшно и жутко — переживет ли он смерть Леонида? Подробности последних дней, смерть Леонида Николаевича усилили неугасшую любовь к брату, осветили прежней силой жизнь Леонида, которая всегда была близка Павлу Николаевичу как собственная.

Состояние последнего времени Леонида Николаевича было невыносимо — чувство одиночества и ночи над его душой доходило до остроты смертельной тоски.

Он сам говорил:

«Как телеграфист на гибнущем пароходе, что сквозь и ночь и тьму шлет последний призыв: „скорей на помощь. Мы гибнем. Спасите наши души“, — так я, движимый верой в человеческую благость, бросаю в темное пространство мою мольбу о гибнущих людях. Если бы вы знали, как темна ночь над нами, слов нет, чтобы рассказать об этой тьме.

Кого я зову? Я не знаю. Но разве телеграфист знает, кого он зовет. Быть может, на тысячи миль пустое море, и нет живой души, что услышала бы его молитву. Ночь темна. Ночь темна, и море страшно. Но он верит и зовет настойчиво, зовет до последней минуты, пока не погаснет последний свет и не умолкнет навсегда бессильное радио...»²³.

На этот призыв гибнущего во тьме последним чувством мучительной боли за брата отозвался Павел.

Больной уже сам — он решил писать воспоминания о брате. И теперь памятью он снова вернулся на пути пережитого, уходя далеко, в самое детство, будя и поднимая в своей душе живого, любимого и близкого до чувства тождественности Леонида. При его исключительной нервности это оживление Леонида Николаевича с тем, чтобы все-таки пережить его смерть, не могло пройти для Павла Николаевича бесследно. Когда он писал воспоминания, он страдал нервными припадками.

В связи с этим его болезнь — сначала простуда, затем ухудшившееся состояние легких — стала принимать форму все более острого нервного заболевания.

Л. Н. Кен

Физические страдания, которые мутили его болями в руке, груди и спине, постепенно разрастались до невыносимых страданий, и он оставался по целым дням, не меняя положения тела.

Было невыносимо видеть, когда измученный целыми неделями не отпускающей, не затихающей ни на минуту боли, он лежал ничком, едва поднимая голову для еды.

Измученный, обессиленный, он проклинал боль, плакал, как ребенок, звал, хотел найти Бога.

Забытье от боли он видел в морфии и отправлялся им. Длительное действие морфия, истощение, ослабляли в нем память, давая забытье и пробелы в сознании, но в общем он не терял сознания.

Незадолго до смерти, всего за неделю с лишним, он передавал мне содержание разговора его знакомого о Леон[иде] Н[иколаевиче]. Медленно, чувствовалось, с большим трудом, напрягая уже не подчиняющуюся ему память, он строил фразу, подбирая одно слово за другим. Каждая фраза была осмысlena, построена правильно, закончена, но только 4 фразы мог он так построить, чтобы передать содержание разговора, а затем мысль перескочила на другое, что так мучило его и чего он так искал, — освобождение от боли, от которой никто не мог избавить его.

На слова утешения: «ты поправишься, опять будешь работать» (его же слова — «я хотел бы только не потерять возможности работать») — вдруг коротко и резко прозвучало в ответ: «а потом?». И в этом слове, коротком и ясном, вся причина его смерти — изжита была воля к жизни и непобедимой подошла смерть. Жена П[авла] Н[иколаевича] — Ан[на] Иос[ифовна] дежурила у постели больного мужа, чередуясь с кем-нибудь из родных. Но несмотря на это, умер он один на руках чужих — племянницы Ан[ны] Иос[ифовны] и прислуги.

Судьба не хотела отступиться от него даже в последний час. Так ушел из жизни преданный друг детей, учитель-идеалист, незаметный герой труда, человек, чутко, до болезненности принимавший все явления жизни, с душой, открытой миру, как ночному бушующему морю, рвущим, злым стихиям. С идеалом тихой семейной жизни, утех сельскими

красотами природы и искусством. Судьбой он был отдан жизни: двинут в самую глубину личных трагических сопоставлений, крайних, мрачных переживаний, был приобщен к жуткой глубине исканий Леонида. В этом была его скорбная судьба — его обречение.

Примечания

¹ Чуковский К. Леонид Андреев // Чуковский К. Люди и книги. — М., 1960. — С. 499–500.

² Андреева А. И. Память о Павле Николаевиче Андрееве: автогр. (Лич. арх. А. Вагина и Л. Кен).

³ Андреев Л. Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым / публ. Л. Н. Ивановой и Л. Н. Кен // Рус. лит. — 2003. — № 1. — С. 181.

⁴ Книга Екклезиаста или Проповедника. 9, 5–6.

⁵ Андрей Николаевич Андреев (1885–1920?). Планировал написать «интересную свободную книгу» о старшем брате. Сохранился ее фрагмент — дневниковые записи 1913–1914 гг. См.: Андреев А. Из воспоминаний о Л. Андрееве // Крас. новь. — 1926. — № 9. — С. 209–223; Полный текст: автогр. (Лич. арх. А. Вагина и Л. Кен).

⁶ Всеволод Николаевич Андреев (1877–1915). По свидетельству сестры Риммы Николаевны Андреевой, был человеком «необычайной честности и порядочности»; «к семье относился безразлично, за исключением Леонида, которого любил молчаливой, замкнутой, ничем не проявляемой любовью». (Андреева Р. Н. Воспоминания. Тетрадь № 7: автогр. (Лич. арх. А. Вагина и Л. Кен).

⁷ Павел Николаевич Андреев (1878–1923). См.: Андреев П. Н. Воспоминания о Леониде Андрееве // Лит. мысль. — Л., 1925. — Вып. 3. — С. 140–207.

⁸ Ларисса Павловна Андреева (1904–1951). Дочь Павла Николаевича и Анны Ивановны Андреевых. В 1929 г. окончила архитектурный факультет Ленинградского высшего художественно-технического института, работала архитектором.

⁹ О взаимоотношениях Л. Андреева с матерью Анастасией Николаевной (1851–1920) см.: «Верная, неизменная, единственная...»: Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (янв. — май 1914) / публ. Л. Н. Кен и А. С. Вагина // Леонид Андреев: Материалы и исследования. — М., 2000. — С. 92–142.

¹⁰ А. И. Андреева допускает неточность. В год смерти Николая Ивановича Андреева (1847–1889) Павлу Николаевичу исполнилось 11 лет.

Привязанность сердца

¹¹ Сестры Андреевы: Римма Николаевна (1881–1941) и Зинаида Николаевна (1884–1905). Р. Н. Андреева оставила воспоминания о Л. Андрееве. Они хранятся в ОГЛМТ (Ф. 12, оп. 1, № 211-214) (Варианты воспоминаний – в личном архиве А. Вагина и Л. Кен). В журнале «Россия» (1925. № 4. С. 238-241) был опубликован ее очерк «Мать Леонида Андреева».

¹² О «черных днях» Л. Андреева А. И. Андреева могла знать со слов Павла Николаевича.

¹³ Московское Строгановское центральное училище технического рисования.

¹⁴ Александра Михайловна Андреева (урожд. Велигорская) (1881–1906). О гармонии недолгого счастливого брака Александры Михайловны и Леонида Николаевича свидетельствует их переписка (см., например: Письма к невесте: Из неизд. переписки Леонида Андреева / публ. Л. А. Иезуитовой; предисл. Вадима Андреева // Звезда. – 1968. – № 1. – С. 179-207; Письма из Таганской тюрьмы / публ. Л. Н. Афонина // Там же. – 1971. – № 8. – С. 168-183) и многочисленные воспоминания современников.

¹⁵ В 1903–1909 гг. П. Н. Андреев был учителем рисования в Московском городском Арнольдо-Третьяковском училище для глухонемых.

¹⁶ Анна (Матильда) Ильинична Андреева (урожд. Денисевич) (1885–1948). Венчание Леонида Николаевича и Анны Ильиничны состоялось в апреле 1908 г. Для большой андреевской семьи этот брак стал непростым испытанием. (Об этом см., например: **Андреев В.** Детство. – М., 1966; **Андреева В.** Эхо прошедшего. – М., 1986; **Чуковский К.** Дневник (1901–1929). – М., 1991). Кроме того, сохранилось письмо ноября 1911 г., в котором Л. Андреев, обращаясь к матери, объясняет поступки жены и делает попытку оградить ее от упреков со стороны близких: «Дурной характер А., ее плохое обращение с людьми вызывает к ней недоверие; не верят даже тому, что она меня любит. <...> Я вижу все ее страения сделаться лучше, изменить свое отно-

шение к людям. Правда, ей очень трудно – она вышла из плохой семьи (не у всякого такая семья, как наша), но уже во многом она изменилась к лучшему, стала больше понимать, чувствовать свою вину перед людьми». (РО ИРЛИ. Ф. 9, оп. 2, № 38. Л. 75-76).

¹⁷ См.: **Андреев Л.** Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым. – С. 168.

¹⁸ Вторая жена Павла Николаевича – Наталья Николаевна Михайлова. Ее брат, Николай Николаевич Михайлов – руководитель петербургского издательства «Прометей».

¹⁹ П. Н. Андреев преподавал рисование в гимназии Л. Д. Лентовской с 1910 г. и до конца жизни.

²⁰ Ирина Андреевна Андреева (1912–1980). Дочь Анны Ивановны и Андрея Николаевича Андреевых. О втором браке А. И. Андреевой и отношении к нему в семье см.: **Андреев Л.** Письма к Павлу Николаевичу и Анне Ивановне Андреевым. – С. 152.

²¹ Анна Иосифовна Вансович (1888–1952). Третья жена П. Н. Андреева.

²² По словам П. Н. Андреева, последний раз он виделся со старшим братом «за 4-е дня до закрытия финляндской границы. О смерти его узнал, как и все, из газет» (**Андреев П. Н.** Воспоминания о Леониде Андрееве. С. 206).

²³ Почти дословно воспроизводится фрагмент статьи Л. Андреева 1919 г. «S. O. S.», в том же году опубликованной на русском языке в Гельсингфорсе, Париже, Выборге, Нью-Йорке. Впервые в России напечатана в 1994 г. См.: **Андреев Л.** S. O. S. // Леонид Андреев. S. O. S.: Дневник. Письма. Статьи и интервью. Воспоминания современников / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. – М.; СПб., 1994. – С. 337-348. Можно предположить, что автор воспоминаний цитирует слова Л. Андреева по авторской машинописи или ее копии. В любом случае, введение в текст воспоминаний 1924 года цитаты из антибольшевистской статьи писателя – поступок мужественный.

М. К. Лопачева

Иннокентий Анненский в художественном сознании поэтов русской эмиграции

Поэты пишут не для зеркал и не для стоячих вод.

И. Анненский

На литературном «иконостасе», десятилетиями составлявшемся эмиграцией, особое место принадлежало Иннокентию Анненскому. И отбор имен для «канонизации», и сам факт ее очевидно были связаны с процессом формирования самосознания «русской литературы в изгнании», особенно важным для младших ее представителей. Уже в 1930-е гг. повышенную актуальность обретает проблема литературного воспитания, составляющим которой было уяснение молодыми авторами собственной литературной генеалогии. Для старшего поколения поэтов и писателей, напоминавшего «последние ветви классического древа российской словесности»¹, также важно было ощущение связи со стволовой частью национальной культуры. В то же время тяготение к тем или иным «учителям» говорило немало и о личном экзистенциальном опыте литераторов-эмигрантов.

Почему, при очевидной верности Пушкину, едва ли не выше его ставился Лермонтов с его «тревожностью», выдвигаемый, по словам Г. Струве, «как некое знамя» в противопоставление «пушкинскому совершенству и гармонии»²? Почему Блок и Анненский, а не Брюсов и Гумилев? О вечном споре «между Пушкиным и Лермонтовым» и экзистенциальных корнях культа младшего гения в эмигрантских кругах размышлял в 1942 г. Г. П. Федотов: «Пушкин слишком ясный и земной, слишком утверждает жизнь и слишком закончен в своей форме. Парижане ощущают землю скорее как ад и хотят разбивать всякие найденные формы, становящиеся оковами. Лермонтов им ближе, злой и нежный, не устоявшийся, в страстиах земли тоскующий о небе»³. Не вступали в противоречие с этим предпочтением и два других имени из числа «канонизированных» – Блок и Анненский. Именно через них воспринималось и осмысливалось поэтами-эмигрантами наследие «сереб-

ряного века». И тот, и другой в их сознании были слиты с лермонтовской линией развития поэзии. «Несомненно, – писал Г. Адамович, – в самых существенных чертах своей поэзии Блок продолжает Лермонтова»⁴. И за Анненским «в дальней перспективе русской традиции»⁵ для парижан также стоял Лермонтов.

Однако «черная музыка Блока» (Г. Иванов) далеко не всем и не сразу стала слышна. Эмигрантское восприятие блоковских ритмов для многих, даже в старшем поколении, было затруднено признаком «баррикад», «гражданственностью» и представлением о некоей «вине» Блока перед прежней Россией, о чем говорится в известном парадоксе З. Гиппиус: «Я не прощу. Душа твоя невинна. / Я не прошу ее никогда».

В этом смысле Анненский и драматизмом литературной судьбы, и обособленностью художественной системы, соотносимой то с символизмом, то с акмеизмом, а главное, – самим содержанием творчества оказался ближе для многих поэтов-эмигрантов. Особенно заметным был интерес к Анненскому в парижской среде, о чем говорит, например, в цитированной выше статье Георгий Федотов: «Немногие в России знали этого поэта, немногие любили. Он был очень одинок в Петербурге декадентов и символистов. Но в Париже оценили его строгую честность, его умную ясность и безнадежную грусть. Это наш Чехов в стихах»⁶.

Мучительная хроника состояний тоскующей по идеалу одинокой души, щемящее чувство безнадежности и попытки преодолеть ужас перед «Тайной бытия», поразительная «будничность» этих переживаний – все это представляло в стихах Анненского и нашло отзвук в художественном сознании поэтов, чей нелегкий опыт глобального «пограничья» невольно актуализировал лирику «последнего из царкосельских лебедей».

Иннокентий Анненский в художественном сознании поэтов русской эмиграции

Анненского активно цитируют поэты и критики. Лично знавшими его написаны воспоминания⁷. Он вошел в плоть многих стихов аллюзиями и реминисценциями, а иногда – парадигмами, как в стихотворении Г. Иванова, часто приводимом в связи с уяснением дореволюционных корней эмигрантской поэзии:

Я люблю безнадежный покой,
В октябре – хризантемы в цвету,
Огоньки за туманной рекой,
Догоревшей зари нищеты...⁸

(Ср. со стихотворением И. Анненского «Я люблю...»).

Не раз цитировала и упоминала имя Анненского М. Цветаева. Так, полемизируя с Пастернаком о проблеме первенства в искусстве, дважды (в статье о Брюсове и письме к Пастернаку) приводит она в пример «уединенное творчество» Анненского, повторяя фразу: «Единственный не бывает первым»⁹.

В эмигрантской критике 1920–1950-х гг. «диагностировалось» влияние Анненского как на поэтов старшего поколения (Г. Адамович, Г. Иванов, Н. Оцуп), так и на сформировавшихся уже за границей Б. Поплавского, А. Штейгера, И. Чиннова, П. Ставрова, Л. Червинскую, Б. Заковица, Ю. Терапиано... И это было не литературной модой, но скорее знаком некоей тенденции, состояния сознания. Об этом размышляет Петр Бицилли в рецензии на «Антологию зарубежной поэзии», составленную Г. Адамовичем и М. Кантором (Париж, 1936). Голоса литературных кумиров, явственно слышимые в стихах, по мнению критика, говорят не о подражательности и однообразии, а о времени и судьбе, актуализировавших для этих поэтов не дневное пушкинское мироощущение, а «ночное сознание Рембо, Блока, Анненского, А. Белого, выводящее в „четвертое измерение“». Это была их реакция на „прогресс Разума“...»¹⁰.

Наконец, сложилось так, что именно Анненский, как писал в своем очерке С. Маковский, «принадлежал к двум поколениям, к старшему возрасту и бытовыми навыками, к младшему – духовной изощренностью», в глазах эмигрантов «симвещал в себе итоги русской культуры, пропитавшейся в начале двадцатого века тревогой противоречивых дерзаний и неутолимой мечтательности»¹¹. Это имя, выхваченное из полумрака забвения, в ко-

торое оно постепенно погружалось в Советской России, несмотря на экзальтированное преклонение ряда избранных (Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам), в эмиграции становится культовым.

Вместе с тем нельзя сказать, что отношение к поэту в эмигрантской литературной среде было однозначным. Так, не принимала Анненского З. Гиппиус и, по воспоминаниям Ю. Терапиано, «удивлялась искренне», воскликая: «Что вы в нем находите?»¹² Наряду с тем, что Г. Иванов в одном из писем к Р. Гулю говорит о «Книгах отражения» как об «уровне, никем, кроме Анненского, не достигавшемся»¹³, В. Марков в известной статье «О свободе в поэзии», рассуждая о восприятии эмигрантами творчества А. Фета и комментируя один из пассажей в книге Адамовича «Одиночество и свобода» с упоминанием Анненского, раздраженно замечает: «Характерна эта ссылка на верховный авторитет Анненского, хотя, положа руку на сердце, ведь Анненский, при всех своих достоинствах, поэт просто меньше Фета, не говоря уже о том, что его критической проницательностью... только с трудом можно восхищаться: так невыносимо маурно написаны эти статьи»¹⁴.

Отзываются в оценках Анненского и знаменитая вражда двух «партий» парижской литературной эмиграции: «партий» В. Ходасевича – В. Набокова и Г. Адамовича – Г. Иванова. «Случай» В. Ходасевича, думается, был наиболее сложным. Создается впечатление, что иные экзальтированные высказывания поклонников Анненского о своем кумире родились в пылу полемики с известной статьей Ходасевича «Об Анненском». В основе ее лежал доклад, прочитанный на вечере памяти поэта 14 декабря 1921 г. в Доме искусств. В общей сложности статья опубликовалась автором трижды, подвергаясь каждый раз некоторой доработке. Уже сам по себе факт переиздания говорит об особой роли, отводимой ей Ходасевичем. Вторая и третья редакции ее (в 1922 и в 1935 г.) вышли за границей и были хорошо известны в эмигрантских кругах. Несмотря на редактуру, принципиальная суть концепции не менялась. Отношение к Анненскому было частью более широкого спора Ходасевича с Гумилевым, начатого еще при жизни последнего и продолжавшегося с постакмеистами, вывезшими

М. К. Лопачева

культ Анненского за границу. Это был спор об идейности и о значении формы в поэзии. Гумилев, высоко оценивая завоевания Анненского в технике стиха и поэтического синтаксиса, писал также и о новизне его идей, их блеске и парадоксальности, о глубине трагизма, отражавшего кризисное сознание современности: «Для него в нашей эпохе характерна не наша вера, а наше безверье, и он борется за свое право не верить с ожесточенностью пророка. <...> „Кипарисовый ларец“ – это катехизис современной чувствительности»¹⁵.

Однако В. Ходасевич в статье «Об Анненском», отдавая должное мастерству Анненского-поэта, выносит суровый приговор Анненскому-человеку, чье «индивидуалистичное, замкнутое в себе сознание» воплощено в этой лирике. Критик подчеркивает при этом, что речь идет о «мучительной, страшной человеческой драме», которой не слышат в стихах Анненского «благополучные» поклонники его эстетизма. Суть ее, по мнению Ходасевича, в том, что перед лицом смерти поэт не сумел осмыслить свою жизнь, «найти для нее высшее мерило и высший подвиг», предложив читателю вместо этого «эстетическое любование» своими мыслями и чувствами. По Ходасевичу, страх смерти не дал Анненскому разорвать свое малое «Я» и «сжечь, чтобы из пепла встало иное, очищенное и расширенное», – «любовь к человеку или Богу». Но этого, пишет критик, не случилось, поэтому «пышное растение» лирики Анненского «зачахло, не принеся плода»¹⁶.

В запоздалой отповеди Ходасевичу (почти через 20 лет после его смерти), назвав эту статью клеветой, С. Маковский возражает против объяснения поэзии Анненского испугом перед смертью: «Тут высокомерно острый Ходасевич грешит грубоватой предвзятостью. Донельзя упростил он „пессимизм“ поэта, не захотел вдуматься в его „испуг“, свел этот испуг к почти животному страху уничтожения в связи с сердечной болезнью. Нет, люди такого духовного склада, как Анненский, не боятся физиологической смерти. Испуг, даже ужас Анненского, разумеется, совсем другого, метафизического порядка, и звучит он, скорее, как страх жизни, а не страх смерти»¹⁷. Во многом именно этими метафизическими, экзистенциаль-

ными свойствами поэзии Анненского объяснялась востребованность ее в среде эмигрантских литераторов.

Можно предположить, что в предвзятом отношении Ходасевича к Анненскому какую-то роль играли причины личного порядка. Об одной из них – тяжелом душевном кризисе 1915–1916 гг. – говорят стихи самого Ходасевича, тяжело заболевшего и много думавшего в ту пору о смерти¹⁸. Другой причиной могла быть затаенная обида на некоторую небрежность, с какою Анненский в известной статье «О современном лиризме» (1909) бегло упоминает имя Ходасевича в ряду молодых поэтов: «Наконец останавливаюсь в некотором недоумении. Вот сборник Владислава Ходасевича „Молодость“. Стихи еще 1907 г., а я до сих пор не пойму: Андрей ли это Белый, только без очарования его зацепок, или наш, из „комнаты“». Верлен, во всяком случае, проработан хорошо. Славные стихи и степью не пахнут»¹⁹.

Тем любопытнее выглядит эта «предвзятость» в свете «отражений» лирики нравственно «бесплодного» Анненского в стихах самого Ходасевича. На реминисценции из Анненского в лирике Ходасевича не раз указывали исследователи²⁰.

Как уже сказано выше, своим возникновением парижский культ Анненского во многом был обязан бывшим акмеистам Г. Адамовичу, Г. Иванову, Н. Оцупу. Первый из названных, будучи лидером поэтического объединения «парижская нота», передал примкнувшей к нему молодежи свое представление о нем как о «единственно возможном, вместе с Блоком, претенденте на русский поэтический трон со смерти Тютчева и Некрасова...»²¹. Сами программные принципы поэтики «ноты» Адамович выводит из Анненского: простота и «будничность» слова («У Анненского слово значит то, что значит...»), аскетизм в средствах выразительности («Анненский, несомненно, „вышел“ из „Шинели“, – он и стилистически остался несколько прозаичен, вопреки веяниям времени...»), конкретность предметного ряда («Анненский неизмеримо „гуще“ Блока, вещественнее его...»)²², открытый трагизм мотивов, среди которых – отмеченный В. Крейдом мотив «безнадежности»²³. О ней у Анненского сказано не пафосным «пятым актом человеческой драмы», а «ра-

Иннокентий Анненский в художественном сознании поэтов русской эмиграции

стерянным шепотом перед спущившимся занавесом, когда остается только идти домой, а дома, в сущности, никакого нет»²⁴. Несомненно, в этом эмоциональном пассаже звучит не столько Анненский, сколько тяжкий эмигрантский опыт самого автора строк.

Непосредственно в стихах Адамовича влияние Анненского было отмечено еще Гумилевым в отзыве на «Облака» – ранний сборник молодого поэта. Гумилев говорит там, в частности, о совпадении об разного строя одного из стихотворений Адамовича («Так тихо поезд подошел...») с «Балладой» Анненского, из которой поэту «пришлось даже взять эпиграф»²⁵. Со временем характер поэтического общения «со сродными душами» у Адамовича изменится, усложнится, предстанет в зрелой лирике таким ее качеством, как от меченная П. Биццли «диалогичность» в духе петрарковских философских диалогов²⁶. Подобная «голосов перекличка» слышна в целом ряде «анненских» по настроению стихотворений: «Летит паровоз, клубится дым...» (ср. с «Прерывистыми строками...» Анненского), «Ни срезанных цветов, ни дыма панихиды...», «Ночью он плакал...» и др. Такого рода диалогом в форме пародии звучит стихотворение из книги «Единство»:

Есть, несомненно, странные слова,
Не измышленья это и не бредни.
Мне делается холодно, едва
Услыху слово «последний»...²⁷

(Ср. у Анненского:

Есть слова – их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможн...²⁸.

Восхищение поэзии Анненского Адамович пронес через всю жизнь. Юрий Иваск, описывая свою последнюю встречу с Георгием Викторовичем, вспоминает, как тот, легко процитировав несколько стихотворений Анненского, потрясенно комментирует строки из «Кулачишки»: «Какая вонзающая в самое сердце иголка: дочь – горбатая, да еще с зонтиком. Верно, мочил петербургский дождик. Как вообще можно писать после Анненского?»²⁹

«След» Анненского трудно не заметить в поэзии Анатолия Штейгера, чья приверженность традиции подчеркнута эпиграфами из стихов «учителя», реминисцен-

циями, перекличкой образов. Так строчка Анненского «Только утро любви не забудь...» («В марте») троекратно отзываеться в эпиграфе и первых строках двух стихотворений из сборника «Дважды два четыре». Однако яркая чувственность миниатюры Анненского («Только раз мы ходовые руки сплели / И, дрожа, поскорее из сада ушли...») тонет в траурности контамированных строф Штейгера, звучит горьким перифразом:

Только утро любви не забудь,
Только утро – как нищая в храме,
Мы, внезапно схватившись за грудь,
Ничего не увидим за нами.

Будет серая тьма жестока,
И никто нам уже не поможет,
Лишь прохожий, что два медяка
На глаза, а не в чашку положит³⁰.

Возможно, к Анненскому восходит у Штейгера инвариантный мотив болезни, которая становится предметом его пристальной лирической интраспекции. Мало кто прежде Анненского, страдавшего покром сердца, осмеливался дойти до такого рода «вещественности», как «с рожком для синих губ подушка кислорода» («У гроба»). Штейгер, которого в фатальном для поэтов 37-летнем возрасте свел в могилу туберкулез, не менее натуралистичен в своей «истории болезни». Здесь и навязчивое видение кладбищенских крестов, и тяжелейшая усталость (как физическая, так и душевная), мрачный пессимизм, на веянный «туберкулезными снами». Но за всем этим – не страх смерти, а щемящая тоска расставания с жизнью, предвещающего этими снами:

Особый мир беспомощных фантазий
И глазомера ясного до жути,
Всей этой грусти, нежности и грязи,
Что отмечает в трубке столбик ртути³¹.

Мотивами маятника, бессонницы, по осеннему прозрачных садов, туманно-сумеречными красками «отражается» Анненский в стихах Игоря Чиннова. Это ощущается во многих стихотворениях, пронизанных предчувствием смерти, причем, как и у других эмигрантов, тема эта звучит в текстах Чиннова намного мрачнее, чем у Анненского, гипнотически неотвязным представлением об окончательности всего проникая почти в любой лирический сюжет. Подобным образом перефразируется, например, у Чиннова «Снег» Анненского («Полюбил бы я

М. К. Лопачева

зиму...»): «Это радостный признак, / Это – счастье, поверьте: / Равнодушие к жизни / И предчувствие смерти...»³²

Особое место занимал Анненский в художественном сознании Г. Иванова и Б. К. Поплавского – поэтов, не принадлежавших к «парижской ноте», но стоявших близко к ней. В их творчестве традиция Анненского получает наиболее интересную разработку. И та, и другая версии этой поэтической линии требуют специального разбора. Остановимся здесь лишь на некоторых аспектах преломления мотивов, образного строя Анненского в лирике Поплавского. Принадлежа к молодому эмигрантскому поколению литераторов, поэт формировался не только под влиянием русской традиции, но получил также и «мощную западную прививку» (С. Степанова). Разные голоса и темы угадываются в его стихах, но все это становится у Поплавского средством формирования собственного мира, и его поэзия отнюдь не выглядит эпигонской. Эстетические взгляды поэта довольно часто менялись. Но были и доминанты. Так, исследовательница творчества Поплавского С. К. Иванова отмечает, что среди знаменательных влияний – «Блок и Рембо, боготворимые поэтом», Аполлинер, Эдгар По, а также Андре Бретон с его школой «автоматического письма» и сюрреалисты³³.

И имени Анненского в этом ряду нет, но современные Поплавскому критики не раз отмечали его ориентацию на эту поэтическую линию. Присутствие Анненского в текстах Поплавского не столь открыто декларировано, как у поэтов «ноты», но оно определенно чувствуется, отзываясь рядом инвариантных мотивов. Его можно услышать в перекличке образного строя³⁴, например, в осенне-парковых зарисовках, оконных отражениях осени, в печали расветов и закатов, в пристрастии к зимнему, снежному пейзажу (циклы «Флаги» и «Снежный час»). В передаче стихии «снежного», наряду с блоковским синим тоном, часто используется любимый Анненским фиолетово-сиреневый: «И пролив в переулок сиреневый локон, / Спит зима и во сне уступает весне» («Смерть детей»); «Фиолетовый отблеск все медлил над снежною степью...» («Морелла II»)³⁵. (См. у Анненского: «Сиреневая мгла», «Зимний роман» и др.). Цветовая гамма Поплавского и в целом весьмаозвучна палитре

Анненского. Кроме названных синего и сиреневого, оба часто прибегали к черному, желтому, сизому, дымному и их сочетаниям. Знаменитая синестетическая метафора Анненского с использованием любимейшего цвета – «Что звуков пролито, взлелеянных в тиши, / Сиреневых, и ласковых, и звездных!» («После концерта») – эхом отзывается синестезией же у Поплавского: «Синий звук рассекает эфир...» («Лунный дирижабль»).

Параллели можно приводить довольно долго, но, главное, нельзя не увидеть, что перекликающиеся мотивы и образы имеют у поэтов один «знаменатель» – эсхатологический подтекст, тоску и боль существования, ощущение конечности всего. В поэзии Анненского, помещенной в новый социально-исторический контекст, эмигранты увидели род дневника лирического героя экзистенциального типа – носителя несчастного разорванного сознания, которому открылась абсурдная и горестная суть существования как «бытия-к-смерти», жизни как сплошной пограничной ситуации. Возможно, именно это определяет созвучия с Анненским в стихах Поплавского, в чьем творчестве едва ли не в чистом виде выражено экзистенциальное сознание человека 1920–1930-х гг.

Привкусом гибельности, обреченности отмечена вся поэзия Поплавского, проникая даже в кажущиеся далекими от этого мотивы: детство, рассвет, весна, музыка и т. п. Трудно не заметить и здесь «отражение» Анненского. Так, в «Черной мадонне» у Поплавского «на бедной выбитой поляне» начинают «умирать» кларнет и скрипка, чем поэт явно отсылает нас к стихотворению Анненского «Смычок и струны»: «И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось...» В подтексте инфернального «Дождя» Поплавского отчетливо ощущается «Трактир жизни» Анненского. Трагический мотив «черной весны» из «Трилистника весеннего», в котором с мрачной парадоксальностью соединены не оживление природы и пробуждение надежд, а гибель и тлен, «встреча двух смертей», становится инвариантным в стихах Поплавского («Успение», «Весна в аду», «Вечерняя прогулка», «Снежный час», «Роза смерти»). Мотив этот наваждением проникает в самые, казалось бы, мажорные обстоятельства

Иннокентий Анненский в художественном сознании поэтов русской эмиграции

жизни, приобретая болезненно-эстетизированное звучание, как в «Розе смерти» (посвященной Г. Иванову):

И весна, бездонно розовея,
Улыбаясь, отступая в твердь,
Раскрывает темно-синий веер
С надписью отчетливо: смерть.

Как известно, поэзия Анненского изобилует мотивами и образами, связанными с категориями обыденного сознания, переходящими однако в экзистенциальном контексте в ранг философских концептов: страх, тревога, тоска и др. Среди подобных образов и мотивов – свеча, бесконница, «стальная цикада» (часы), вокзал, поезд и другие. Над популярностью последнего у поэтов-эмигрантов иронизировал П. Бицилли в цитированной выше рецензии на «Антологию...»: «В скольких стихах ... встречаем мы „снег“ Блока, „паровозы“ Анненского, „корабли“ Рембо!»³⁶ Не был исключением и Поплавский. Все три названных критиком образа-мотива инвариантны в его поэзии, все три поэта – из числа его кумиров. Остановимся на мотиве «поезда».

С фатальным подтекстом железная дорога была соотнесена еще у Толстого в «Анне Карениной». Этот опорный образ в романе «имеет два значения: символ железа, как чего-то враждебного жизни, и символ движения по рельсам, то есть по одному, предначертанному пути»³⁷. У Анненского в ряде стихов также можно увидеть атрибуты путешествия на поезде («Трилистник вагонный», «Прерывистые строки», «Струя резеды в темном вагоне», «В дороге», «Ель моя елинка» и др.). Мотив движения на поезде в его поэзии многогрантен, но особо обращает на себя внимание стихотворение «Зимний поезд» из «Трилистника вагонного». В нем отчетливо пропустил экзистенциальный смысл образа: поезд (вагон) – это «пограничье», зависание где-то между станциями отправления и прибытия, между жизнью и смертью. От бессонной Полуночи, крадущейся по вагону, веет гибельным вечным покойем. Но «хаос полууществований» особенно «мерзок тем, кто не заснул...». Сюжет отъезда, движения на поезде «гамлетизируется» у Анненского³⁸. Как и для любимого им героя, отъезд у него подобен шагу в неизвестность, в вечность, отсюда и тревожность мотива: страшит «страна, откуда ни один не возвращался».

Соотнесенный с «поездом» мотив вокзала также содержит у Анненского гибельный подтекст – это канун «отъезда»: «О канун вечных будней, / Скуки липкое жало... / В пыльном зное полудней / Гул и краска вокзала...» («Тоска вокзала»).

Возможно, именно от Анненского Б. Поплавский унаследовал это вечное предчувствие конца, отъезда в никуда, персонифицированное в образе-мотиве поезда. Повышенная тревожность, вызванная представлением о рассыпающемся, тонущем в тумане небытия мире, сигнализирует во многих его стихах проносящимся поездом (В «Розе смерти»: «И сверкая через темный воздух, / Паровоз поет на виадуке...»). Вагоном этого поезда, кажется, ограничено самое существование человека. Выйти из него – значит ситься с неким астральным вневременным пространством:

Вот земля провалилась в чернильную лузу,
Застегните, механик, воздушную блузу.
Вот Венера, и мы покидаем вагон.

(«Астральный мир»)

Но если у Анненского символический смысл вырастает из прямого предметного ряда путем придания ему пластического рисунка аллегории («Проходит Полночь по вагонам...»), то у Поплавского образы выглядят уже откровенно сюрреалистическими. Приближение или отправление поезда постоянно напоминает в стихах последнего о пути человека как о «бытии-к-смерти». Атмосфера кануна отъезда, прощания, расставания разлита в самом известном цикле Поплавского «Флаги». Образом поезда, при помощи которого реализуется это щемящее чувство, с мрачным постоянством вынуждает поэт любое мгновение бытия соотносить с глобальным эсхатологическим контекстом.

Синевели дни, сиреневели,
Темные, прекрасные, пустые.
На трамваях люди соловели.
Наклоняли головы святые,
Головой счастливо качали.
Спал асфальт, где полдень наследил.
И казалось, в воздухе, в печали,
Поминутно поезд отходил.

(«Черная мадонна»)

В лучших своих стихах Поплавский, как и Анненский, особой пронзительности достигает благодаря использованию «будничного» слова, а также интригующим сплавом астральности и бытовой пред-

М. К. Лопачева

метности, из которой порой вырастают глобальные символы: «Мы живем на громадном вокзале...» («О большевиках», ср. с «Прерывистыми строками» Анненского). Символ вокзала, коррелянтный с мотивом поезда, у Поплавского, как и у Анненского, имеет эсхатологическую коннотацию. Это имманентное ожидание, сублимация хронического «пограничья», а, по К. Ясперсу, жизнь и есть не что иное, как цепь пограничных ситуаций. Суггестивности образа в стихах Поплавского не мог не способствовать и тот факт, что именно вокзал стал последней точкой земного пребывания Анненского. В дискурсе «отъезда» у Поплавского есть вариативный по отношению к мотиву поезда-вокзала сквозной мотив отплытия некоего «корабля» («Уход из Ялты», «Флаги», «Лунный дирижабль», «Дирижабль»), где еще отчетливее звучит экзистенциальная доминанта — смерть.

В этот же контекст попадает у Поплавского тема Гамлета, постоянный интерес к которой также дает повод для параллели с Анненским и, конечно, с Блоком. Устойчивая коллизия отъезда-отплытия проникает и сюда: «Гамлет, Ты уезжаешь, останься со мной, / Мы прикоснемся к земле и, рыдая, заснем от печали...». И далее: «Но растворяясь в сиреневом небе Валгаллы, / Гамлет пропал до наступления дня». («Гамлет»)

Таким образом, можно заключить, что при всей свободе обращения эмигрантов с дореволюционной литературной традицией, пример «отражений» в их творчестве Анненского подтверждает справедливость суждения В. Вейдле о зарубежной поэзии как о «хранительнице этой традиции, этой поэтики, тех представлений о стихотворном искусстве, которые выработались и воспреобладали у нас в золотую пору нашего так называемого серебряного века»³⁹.

Примечания

¹ Ульянов Н. И. Внуки Лескова // Критика русского зарубежья: в 2 кн. — М., 2002. — Кн. 2. — С. 280.

² Струве Г. Русская литература в изгнании. — Париж; М., 1996. — С. 214.

³ Федотов Г. П. О парижской поэзии // Критика русского зарубежья: в 2 кн. — М., 2002. — Кн. 1. — С. 362.

⁴ Адамович Г. В. Одиночество и свобода. — М., 1996. — С. 223.

⁵ Федотов Г. П. Указ. соч. — С. 361.

⁶ Там же.

⁷ См.: Маковский С. Портреты современников. — Нью-Йорк, 1955; Кленовский Д. Пoэты царскосельской гимназии // Новый журн. — 1952. — № 29; Адамович Г. (Запись бесед с Г. Адамовичем, сделанная Н. Богомоловым в Париже в 1960 г.) // Новое лит. обозрение (НЛО). — 2002. — № 58; и др.

⁸ Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. — М., 1994. — Т. 1. — С. 419.

⁹ Цветаева М. Об искусстве. — М., 1991. — С. 129, 392.

¹⁰ Критика русского зарубежья. — Кн. 1. — С. 162.

¹¹ Маковский С. Иннокентий Анненский // Серебряный век: мемуары. — М., 1990. — С. 115.

¹² Терапиано Ю. Встречи: 1926–1971. — М., 2002. — С. 40.

¹³ Иванов Г. Девять писем к Роману Гулю // Знамя. — 1999. — № 3. — С. 148.

¹⁴ Марков В. О свободе в поэзии: ст., эссе, разное. — СПб., 1994. — С. 33.

¹⁵ Гумилев Н. Собр. соч.: в 3 т. — М., 1991. — Т. 3. — С. 58.

¹⁶ Ходасевич В. Собр. соч.: в 4 т. — М., 1996. — Т. 2. — С. 106.

¹⁷ Маковский С. Указ. соч. — С. 123.

¹⁸ Ходасевич В. Указ. соч. — С. 483.

¹⁹ Анненский И. Книги отражений. — М., 1979. — С. 380.

²⁰ См., например, комментарии И. Андреевой к статье «Об Анненском» во 2-м томе собр. соч. Ходасевича, а также: Черкасов В. «Виноград созревал...» (И. Анненский в оценке В. Ходасевича) // Рус. лит. — 2004. — № 3. — С. 188–191.

²¹ Адамович Г. В. Указ. соч. — С. 220.

²² Там же.

²³ Крейд В. «В линиях нотной страницы...» // Поэты «парижской ноты». — М., 2003. — С. 7.

²⁴ Адамович Г. В. Указ. соч. — С. 229.

²⁵ Гумилев Н. Указ. соч. — Т. 3. — С. 154.

²⁶ Соврем. зап. — 1939. — № 6. — С. 383.

²⁷ Поэты «парижской ноты». — С. 90.

²⁸ Здесь и далее стихи Анненского цитируются по изд.: Анненский И. Избр. произведения. — Л., 1988.

²⁹ Иваск Ю. Разговоры с Адамовичем // Адамович Г. В. Указ. соч. — С. 420.

³⁰ Штейгер А. Дважды два четыре: стихи (1926–1939). — Париж, 1950. — С. 10.

³¹ Там же. — С. 30.

³² Поэты «парижской ноты». — С. 253.

³³ Иванова С. Время Поплавского // Поплавский Б. Соч. — СПб., 1999. — С. 16.

³⁴ Черкасов В. «Виноград созревал...». — С. 192–195.

**Иннокентий Анненский в художественном сознании
поэтов русской эмиграции**

³⁵ Здесь и далее стихи Поплавского цитируются по изд.: **Поплавский Б.** Соч. – СПб., 1999.

³⁶ Критика русского зарубежья. – Кн. 1. – С. 161.

³⁷ **Сливицкая О.** Об эффекте жизнеподобия «Анны Карениной». – СПб., 2004. – С. 49.

³⁸ **Анненский И.** Книги отражений. – С. 172.

³⁹ **Вейдле В.** О поэтах и поэзии. – Paris, 1973. – С. 126.

Е. Р. Пономарев

Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина

В «Темных аллеях», несмотря на то, что действие некоторых рассказов происходит в колониальной Индии («Сто рупий»), в Испании («Ночлег») или «Весной, в Иудее», с очевидностью преобладают российские сюжеты. В первой и второй частях трехчастных «Темных аллей» действие почти всегда происходит в России, за исключением рассказа «В Париже», где повествуется о русских эмигрантах. Эмигрантский Париж упомянут также в «Позднем часе» и «Гале Ганской». В третьей части – российских сюжетов около половины. В целом, Россия заполняет собой практически всю книгу.

Первый же рассказ, дающий заглавие всему сборнику, вводит нас в атмосферу давно погибшей российской жизни – с давними проблемами любовных отношений, характеризующими не только быт, но и литературу XIX столетия: «Эта самая Надежда не содержательница постоянной гостиницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»¹ Неслучайно заглавие – цитата из стихотворения Н. П. Огарева.

Давно ушедшую Россию воплощает герой первого рассказа. Он будто бы сошел со страниц «Окянных дней» – «последний могикан» России, похожий на Александра Третьего². В «Темных аллеях» тоже дан благообразный портрет, сходство, правда, отмечено с Александром Вторым: «...стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели с бобровым стоячим воротником, ...вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования...» (т. 7, с. 7). Время действия, таким образом, отодвинуто в плюсквамперфект: герои воспоминают о былом, но их настояще – давно прошедшее для читателя. Элегическая тональность, всякий раз звучащая в разговорах о бывшей, ушедшей, упущененной любви органично наложена на элегическое восприятие России: она так же свежа в памяти и так же недосягаема, как и первая любовь.

Эта элегическая оркестровка во многое создается упоминаниями привычных российских географических названий, упомянутых читателем навсегда. Музыка родных названий начинает звучать со второго рассказа «Кавказ»: с одной стороны – Москва, Арбат; с другой – Геленджик, Гагры, Сочи. Особенно ярко используется такая оркестровка в рассказе «Руся», открывающем вторую часть. Поезд, остановившийся на маленькой станции за Подольском, движется по маршруту «Москва – Севастополь». Об этом мы узнаем в самом начале. Далее следует история любви. В финале же возникает еще одно географическое название: «За Курском, в вагоне-ресторане, когда после завтрака он пил кофе с коньяком, жена сказала ему...» (т. 7, с. 53). Упоминание Курска в сочетании с маршрутом поезда заставляет читателя задуматься, далеко ли проехали герои – и представить себе всю дорогу в Крым, по которой уже никогда не проедешь. Точно так же, как не вернешь время первой любви, тихую усадьбу и юную Русю.

Российская топонимика – довольно частый зacin, создающий определенную тональность для всего рассказа. Например, в «Визитных карточках»: «Было начало осени, бежал по опустевшей Волге пароход «Гончаров» (т. 7, с. 72). Здесь роль российского «ярлычка» играет и название судна – фамилия писателя. Или в «Зойке и Валерии»: «Зимой Левицкий проводил все свое свободное время в московской квартире Данилевских, летом стал приезжать к ним на дачу в сосновых лесах по Казанской дороге» (т. 7, с. 78).

Ту же функцию выполняют и зачины московские, где место действия определяется рядом московских названий: «В сказочный морозный вечер с сиреневым инеем в садах лихач Касаткин мчал Глебова на высоких, узких санках вниз по Тверской в Лоскутную гостиницу – заезжали к Елисееву за фруктами и вином. Над Москвой было еще светло...» («Генрих») (т. 7, с. 129). Знаменательно, что Петербурга в «Темных аллеях» почти нет (там

Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина

живет герой первого рассказа, туда отправляется служить выгнанный из дома сын в рассказе «Ворон»). Два основных сюжета в сборнике – московский и провинциальный, который можно, в свою очередь, поделить на усадебный и городской. Есть еще «южный сюжет», который, как правило, ограничивается лишь называнием южных курортов (Кисловодск – «Степа», «Кума»; Крым – «Натали», «Кума»; Геленджик, Гагры, Сочи – «Кавказ») и выполняет особую функцию – иллюстрирует побег от себя, от «темных аллей» своей души.

Московский сюжет демонстрирует основную функцию топонимики – создание хорошо узнаваемого российского фона. Действие, как правило, происходит в центре столицы – на Арбате («Кавказ», «Муз», «Речной трактир»), в Лоскутной гостинице («Генрих»), на Тверском бульваре («Мадрид»), на Знаменке («Второй кофейник»). Упоминаются знаменитые московские рестораны – «Прага» («Муз», «Речной трактир»), «Стрельна» («Генрих», «Второй кофейник»), «Эрмитаж», «Метрополь», «Яр» (полный набор ресторанов – в «Чистом понедельнике»). Несколько вокзалов: Брестский («Генрих»), Курский («В одной знакомой улице»), Брянский («Мадрид»). Однажды упомянут Катковский лицей («Ворон»). И так далее. Это – Москва памятных открыток, та Москва, которую знает всякий. Провинциальный сюжет добавляет к этим, широко известным названиям, названия случайные, но чрезвычайно распространенные, колоритные, маркированно российские: Благодатное («Натали»), Петровское («Дубки»). Рядом – известные провинциальные города: Погорельск («Руся»), Воронеж, Тула («Натали»), Серпухов («В одной знакомой улице», «Мадрид»). Или просто: Ярославская губерния («Ворон»).

Слово «губерния» влечет за собой в топонимическо-звуковой ряд потерянной России нарицательные «утерянные слова»: «рубль», «ваше сиятельство» («Начало»), «денщик», «извозчик» («Пароход „Саратов“»). За ними идут древние, народные имена – Лавр, Анфиса («Дубки»); названия былых всероссийских праздников – Покров («Начало»), Святки («Дубки», «Ворон»). В этот же ряд попадают знаменные имена, характеризующие эпоху и, вместе с тем, душу России, ее искусст-

во: новая книга Аверченко («Антигона»), Брюсов («Речной трактир»), Шаляпин, Коровин, сестра Чехова, Маяевин («Второй кофейник»), Деникин, Врангель («Месть»), Андреев («Качели»)³.

Прием обнажен в рассказе «Речной трактир»: «...вспоминаешь все эти разбойничьи и татарские слова – Балахна, Варильсурск, Чебоксары, Жигули, Батраки, Хвалынск – и страшные орды грузчиков на пристанях, потом всю несравненную красоту старых волжских церквей – и только головой качаешь: до чего в самом деле ни с чем не сравнима эта самая наша Русь!» (т. 7, с. 180). Все эти названия – звуковые жесты, призванные напомнить, восстановить картины утерянной родины⁴. Свойство бунинской Памяти, напоминающей память в религиях древнего мира, – восстановление образа при произнесении названия. Пока живо имя, жив и его носитель. Древность имен подчеркнута полуевразийскими «ордами», святость – прекрасными церквами. Как в «Окаянных днях»⁵, отмечены две стороны русской души – дикость и праведность, красота. Традиционным символом русской души становится вечно изменчивая Волга, название которой предваряет «татарский» пассаж: «Русская провинция везде довольно одинакова. Одно только там ни на что не похоже – сама Волга» (т. 7, с. 179). Значение усилено традиционным бунинским мотивом водных пространств иочной таинственности: «...смотришь прямо в темноту, в черноту ночи, и как-то особенно чувствуешь все это дикое величие водных пространств за ними...» (т. 7, с. 179).

Темнота и таинственность ночи соотнесена с «темными аллеями» человеческой души. Тайна девушки, о которой рассказывает военный доктор, внешне напоминающий героя «Темных аллей» – «последнего могикана», «ожившую Россию»⁶ (рассказывает в ресторане «Прага» – так же, как в волжском поплавке, окно распахнуто в ночь, на Арбат), – это неразгаданная тайна России. События рассказа опять отнесены в плюскумперфект: доктор в дореволюционной Москве рассказывает о том, что случилось лет за двадцать до этого.

Кульминация российской загадки совпадает с кульминацией загадки женской души – в рассказе «Чистый понедельник».

Е. Р. Пономарев

Этот рассказ наиболее насыщен московской топонимикой и совпадающими с ней по функции эпохальными именами. В первом абзаце упоминаются Красные ворота и храм Христа Спасителя – оба памятника на момент написания рассказа уже уничтожены. Далее следует полный перечень (пять!) знаменитых московских ресторанов. В качестве знаков эпохи упомянуты женские курсы, книги модных авторов (Гофмансталь, Шницлер, Тетмайер, Пшибышевский), рядом с которыми – портрет босого Толстого. Далее в той же функции появляются Художественный кружок с лекцией Андрея Белого, «Огненный ангел» Брюсова, Шаляпин, новый рассказ Андреева, могилы Эртеля и Чехова, капустик Художественного театра, Качалов, Супержицкий.

Тайна России будет загадана происхождением героя и героини (она – купеческого рода, индийской красоты, из Твери, но ее бабушка – из Астрахани; «Шамаханской царицей» назовет ее Качалов; герой – из Пензенской губернии, «сцилианец какой-то», по выражению некоего «знаменитого актера» (т. 7, с. 240) – уж не того же Качалова ли⁷?).

Тема тайны продолжится видами Москвы – все тем же перечислением знаменитых достопримечательностей: «Странный город! – говорил я себе, думая об Охотном ряде, об Иверской, о Василии Блаженном. – Василий Блаженный – и Спас-на-Бору, итальянские соборы – и что-то киргизское в острьях башен на кремлевских стенах...» (т. 7, с. 24). И соотнесенной с пейзажем темой любви к «Шамаханской царице»: «“Странная любовь!” – думал я и, пока закипала вода, стоял, смотрел в окна» (т. 7, с. 241). Москва предстает городом всемирным, соединяющим множество культурных традиций. Это город с иконы, Небесный Град, с уклоном, правда, в восточное, мистическое, чуть-чуть евразийское христианство. Фраза Платона Карапаева названа повествователем восточной мудростью, восточную доминанту «Шамаханской» темы завершает череда географических названий, все более уводящая на Восток: «Москва, Астрахань, Персия, Индия!» (т. 7, с. 243). Столъ же настойчиво движется на Восток Новая Россия в романе П. Н. Краснова «Зачертополохом», а монархи в пореволюционной России женятся на индийских прин-

цессах. У Бунина «восточная параллель» тоньше: индийская красота русской девушки, как и вся Москва, олицетворяет человеческое всеединство в Небесном Граде.

Далее, со слов «чистый понедельник» начинается тема «допетровской» (в значении «вечной», поэтому в «допетровский» ряд легко включаются некоторые послепетровские реалии) Руси, воплощенная иным топонимическим рядом: Новодевичий монастырь, Рогожское кладбище, Ордынка (дом Грибоедова), Марфо-Мариинская обитель. Подключаются собственные имена – Пересвет и Ослябя, древнее «Гюрги» (Юрий Долгорукий), поддержанное цитатой из летописи. Вновь список монастырей и одноименных городам губерний – сначала кремлевский Чудов, затем «Ох, уйду я куда-нибудь в монастырь, в какой-нибудь самый глухой, вологодский, вятский!» (т. 7, с. 246). Вслед за цитатой из русского сказания: Муром, муромский князь Павел, летучий змей. По дороге домой – Кремль, часы Спасской башни, опять сравнение с Флоренцией. Финал: она едет в Тверь, он молится у Иверской. Последнее видение ее – повторение маршрута-загадки: Кремль, Архангельский собор, Ордынка, Грибоедовский переулок и, наконец, Марфо-Мариинская обитель, в которую тогда не заехали. В монастыре «знаками эпохи» названные на простонародный манер «...великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Митрий Палыч...» (т. 7, с. 251). И она, монахиня.

Потеря любви в момент максимального ее напряжения (часто смерть) соотнесена, таким образом, с потерей России – в момент максимального напряжения чувства народности. «Темные аллеи» – своеобразный риторический ответ на повторяющийся риторический вопрос из «Жизни Арсеньева»: «И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебно краткий срок?» (т. 6, с. 41); «Куда она (национальная гордость. – Е. П.) девалась позже, когда Россия гибла? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» (т. 6, с. 62). И вопрос, и ответ теперь скрыты в подтексте. Ибо ответить по-прежнему нечего: судьба. Как любовь в ее наивысшей точке переходит в сферу смер-

Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина

ти-вечности («В Париже», «Натали» и др., особенно ярко – «Холодная осень»), так родина в кульминационный момент ее созерцания превращается в Новый Иерусалим, застывший в смерти-вечности. Памяти. Как недосыгаема единственная, истинная, давняя любовь, так недосыгаема потеряянная родина.

Эта тонкая подспудная ткань бунинской мысли выходит наружу в рассказе «Поздний час», замыкающем первую часть сборника. В нем происходит возвращение в Россию в Памяти, как всегда у Бунина – осязаемое, почти реальное. Иными словами, сознание повествователя попадает в плюскумперфект и в нем растворяется. Перемещение из настоящего в далекое прошлое происходит в пределах одной фразы: «Надо пользоваться единственным и последним случаем, благо час поздний и никто не встретит меня» (т. 7, с. 37). Запятая делит предложение на настоящее и будущее. В символическом, заколдованном инверсией «час поздний» реальность и Память соприкасаются, совершается временной переход. Дальше – «...никто не встретит меня» – начинается царство вечности-Памяти. Повествователь попадает в вымерший город: то ли это призрак города, то ли сам повествователь вернулся в город призраком.

Переход через мост в кратком втором абзаце – традиционный символ попадания в иной мир. Да и сам мост как бы перетекает в вечность: «...грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший **от времени до вечной несокрушимости***» (т. 7, с. 37). Как и в «За чертополохом» Краснова, родина в вечности та же, но не та – это родина улучшенная: «Одно было странно, одно указывало, что все-таки кое-что изменилось на свете с тех пор, когда я был мальчиком, юношой: прежде река была не судоходная, а теперь ее, верно, углубили, расчистили...» (т. 7, с. 37). Пароход, будто застывший на реке, полный света и одновременно безлюдный, существует вне времени и пространства: «Это было и в Ярославле, и в Суэцком канале, и на Ниле» (т. 7, с. 38). В сферу вечности попадает и Сена, и окружающий ее Париж. Он тоже вне пространства, под его мостами отражаются русские национальные флаги – игра одновременно световая (раз-

ноцветные фонари) и цветовая (французский флаг имеет те же цвета, что и русский). В одном развернутом предложении произошло возвращение в Париж, и вновь – вслед за национальными флагами – родной город, Россия: «Тут на мосту фонарей нет...» (т. 7, с. 38). А далее внезапно – воспоминание о «тебе», которым наполнено воспоминание о городе.

«Ты» и «город» тесно сплетены, перетекают друг в друга, накладываются складками набоковского ковра времени: «...а я шел в тени, ступал по пятнистому тротуару, – он сквозисто устлан был черными шелковыми кружевами. У нее было такое же вечернее платье...» (т. 7, с. 39). Так же накладываются «тогда» и «сейчас», довольно смутное, вневременное: «...и тут все осталось таким, как полвека назад...» (т. 7, с. 39). «Старая улица показалась мне только немного уже, чем казалась прежде. Все прочее было неизменно» (т. 7, с. 39). Это рассечение времени надвое создает ситуацию его течения и одновременной неподвижности (пароход на реке плывет и одновременно стоит на месте), как в «Жизни Арсеньева» или рассказе «Именины»: все так же, как было, но все прежние жители умерли, умерла и возлюбленная повествователя, молодой, как Лика, – умерла и то и дело воскресает в воспоминании, только она и живет в этом ночном городе. Городе вечного спокойствия, «без печали и вздохания»: «Бродит по ночному веселому городу старик с колотушкой, но только для собственного удовольствия: ...спите спокойно, добрые люди, вас стережет божье благоволение...» (т. 7, с. 40). Этот таинственный сторож – тоже мертвец, побалладному греющийся в «месячном свете» (т. 7, с. 40).

Временной рамкой, хранящей разные снимки былого, становятся ворота гимназии: «...да, входил в эти ворота сперва стриженный под гребенку первоклассник в новеньком синем картузе с серебряными пальмочками под козырьком и в новой шинельке с серебряными пуговицами, потом худой юноша в серой куртке и в щегольских панталонах со штрипками; но разве это я?» (т. 7, с. 39). «Я» из прошлого и «я» нынешний разделены, и в этом источник элегической грусти, сквозящей по страницам. С другой стороны, давнее «тогда» и нынешнее «сейчас» со-

* Здесь и далее выделено мною. – Е. П.

Е. Р. Пономарев

единяет зеленая звезда вечности (почти со страниц Георгия Иванова). Она освещает героев, сидящих в темноте воспоминания (рифмуется с глазами умершей героини: «...одно было в мире: легкий сумрак и лучистое сияние твоих глаз в сумраке» – т. 7, с. 41), и одновременно, в финале, ее могильный камень: «...глядела невысокая зеленая звезда, лучистая, как та, прежняя, но немая, неподвижная» (т. 7, с. 43). Застывание, статичность звезды – это уже оформленвшаяся вечность. Повествователь знает, что его посещение России, родины – последнее: «Но вот уже нельзя больше откладывать: или теперь, или никогда. Надо пользоваться единственным и последним слушаем...» (т. 7, с. 37). «Нет, у меня была, кроме Старой улицы, и другая цель, в которой мне было страшно признаться себе, но исполнение которой, я знал, было **неминуемо**. И я пошел – взглянуть и **уйти уже навсегда**» (т. 7, с. 41). Возвращение на родину рядом черт совпадает с уходом из жизни. Картина похорон создает систему топонимических переключений «Россия – Европа – Россия»: Монастырская улица русского города – дом в Париже в траурном убранстве – вновь Монастырская улица – монастырь времен Алексея Михайловича – кладбище.

Посещение города-воспоминания оказывается постепенным погружением в смерть. Балладные тона городских картин подчеркивают перевернутый сюжет Леноры-Светланы: герой приходит к умершой возлюбленной, чтобы разделить с ней могильное ложе. Взгляд на могильный камень окажется смертоносным. Время теряет свою раздвоенность, застывает, исчезает: «...голова у меня сразу оледенила и стянулась, сердце рванулось и замерло... Что это было? Пронеслось и скрылось. Но сердце в груди так и осталось стоять. И так, с остановившимся сердцем, неся его в себе, как тяжкую чашу, я двинулся дальше. <...> я шел все прямо по проспекту – и в самом конце его... остановился...» (т. 7, с. 43). Это последний глагол движения в рассказе. Последние два сказуемых затормозят течение текста: «лежал» (камень), «глядела» (звезда). Окончательную остановку создаст инверсия и поставленные в конец два «мертвых» эпитета: «...немая, неподвижная» (т. 7, с. 43).

Переключение топонимик (эмиграция – Россия, Россия – Европа) будет широко использовано в рассказах второй и третьей частей. Так, рассказ «В Париже» представляет эмигрантскую столицу так же, как «Чистый понедельник» Москву – рассыпь всем известных названий: метро Etoile, Монпарнасс, Пасси, «Coupole», «Лионский кредит». Такие же узнаваемые ярлычки в рассказе о прошлом – Великая и Гражданская войны, Белое движение, Югославия. Движение по географической карте и движение по карте Парижа совпадает с движением жизни.

В следующем рассказе «Галя Ганская» прием усложняется: плюсквамперфект, как и в «Позднем часе», подчеркнут топонимическим переключением: весенний Париж напоминает обоим собеседникам весеннюю Одессу. Далее следует серия топонимических ярлычков: Дерибасовская, Преображенская, кофейня Либмана. «В одной знакомой улице» переключению способствует не восприятие весны, а пришедшие на ум стихи: «Весенней парижской ночью шел по бульвару в сумраке от густой, свежей зелени (пейзаж провинциального русского города из рассказа «Поздний час». – Е. П.) ...и думал... Чудесные стихи! И как удивительно, что все это было когда-то и у меня! Москва, Пресня, глухие снежные улицы...» (т. 7, с. 173). Почти так же в «Даре» Набокова Россия рождалась в стихе на берлинской улице.

В рассказе «Генрих» переключение топонимики происходит непосредственно при переезде в Европу: «В Варшаве, под вечер, когда переезжали на Венский вокзал...» (т. 7, с. 136). До этого были: Тверская улица, Лоскутная гостиница, магазин Елисеева, Брестский вокзал, ресторан «Стрельна». После пойдут рассыпью возможные маршруты: Ницца, Италия, Флоренция, Тироль, Швейцария. Потом поездка героя в Италию: Ломбардская равнина, вокзал Ниццы, Антибский мыс, Монте-Карло. Обратный маршрут в Москву: Венеция и «...прямым путем, без остановок, домой, в Лоскутную...» (т. 7, с. 141).

Особое значение имеет этот «прямой путь». Такое же, как и название газеты, из которой герой узнает о смерти Генриха, – это «Новое время», полученное из рук газетчика в Ницце. Навеки утраченное единство России и Европы, свобода передвижений, когда на три дня можно

Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина

было приехать из Москвы в Ниццу и тут же отправиться назад — реалии бунинской молодости, навсегда ушедшие вместе с ней.

Далее мотив проскользнет в «Натали»: «И, сидя на вокзале в Туле в ожидании пересадки, вдруг послал телеграмму <...>

— Вы из Москвы? Почему? Что ж там делать летом?

— Возвращаюсь из Парижа» (т. 7, с. 168-169).

Мотив звучит и в зачине «Позднего часа»: «Жил когда-то в России, чувствовал ее своей, имел свободу разъезжать куда угодно, и не велик был труд проехать каких-нибудь триста верст» (т. 7, с. 37).

Функция цепочек европейских названий близка функции цепочек названий русских. Это тоже города, куда поехать можно только в воспоминании. Это города прошлого, молодости, юности. В «Холодной осени» Ницца так же рассечена надвое, как провинциальный русский город из «Позднего часа»: «...а я жила и все еще живу в Ницце чем бог пошлет... Была я в Ницце в первый раз в девятьсот двенадцатом году (полностью, не цифрой! — Е. П.) — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня!» (т. 7, с. 210). Мысль движется из настоящего в прошлое и тут же возвращается в будущее-настоящее. О «другом Париже» говорят в весеннем парижском кафе и собеседники в «Гале Ганской»:

«— А в мои золотые времена Париж весной был, **конечно**, еще прекраснее.... И не потому только, что я был молод, — **сам Париж** был совсем другой. Подумай: ни одного автомобиля. И разве так, как теперь, жил Париж!» (т. 7, с. 121).

Прежнее, окунаясь в настоящее, создает ситуацию творимой легенды. Париж оживает, меняется вместе с героями рассказа. При этом прошлое, как в воспоминании молодости, всегда чище, ярче, лучше настоящего. Это, как всегда в бунинской Памяти, не возвращение в прошлое; это преображение прошлого в зас্তывшей вечности. В рамках легенды случайность неизменно становится роковой, течение времени замедляется, создавая слом повествования — выход за его пределы, в безвременье вечности.

Например, в «усадебном» рассказе «Волки» повествование движется в насто-

ящем (настоящее время глагольных форм), постепенно увеличивая темп. В кульминационный момент происходит слом — начиная с «Где-то над оврагом лошади еще раз взметнулись...» (т. 7, с. 70), глаголы получают форму прошедшего времени. Благодаря этому приему совершенно незаметен переход из перфекта в плюсквамперфект: «Тут она с размаху полетела в козлы и рассекла щеку об что-то железное. **Так и остался на всю жизнь** легкий шрам в уголке ее губ, и когда у ней спрашивали <...>, она с удовольствием улыбалась.

— Дела давно минувших дней! — говорила она, вспоминая...» (т. 7, с. 70). Глаголы «спрашивали», «улыбалась», «говорила» получают значение Perfect Continuous, олицетворяя бунинскую Память, — действие осталось в прошлом, но все так же продолжается. Цитата из Пушкина символически поддерживает плюсквамперфект легенды: это строка из великого поэта великой некогда страны, восходящая к «Песням Оssиана» — символу европейского романтизма, уходящему корнями в древний, полузабытый эпос великого некогда народа. Цитата, к тому же, придает цельность балладному колориту, создаваемому пейзажем.

Последний абзац останавливает время: «Те, кого она еще **не раз** любила в жизни, говорили (глаголы в том же значении Perfect Continuous; временное указание крайне неопределенно. — Е. П.), что нет ничего милее этого шрама, похожего на тонкую постоянную улыбку» (т. 7, с. 71). Улыбка застыла на (мертвом⁸?) лице вечным напоминанием о той далекой ночи.

Еще более подчеркнут временной слом в рассказе «Таня». Последний абзац отbrasывает все сообщенное до него в плюсквамперфект — прошлую вечность: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни» (т. 7, с. 109). Ставит жирную точку под рассказом, останавливает текст в момент разбега, на середине. Сюжет, за которым мы с интересом следили, одним движением запирается в шкатулку легенды; его жизненность, реальность тем самым отменены. Единственной реальностью остается эмигрант, размышающий над текстом и единой для всех эмигрантов судьбой.

Е. Р. Пономарев

Чуть иначе поставлен акцент в «Холодной осени». Как в «Тане», рок любви и рок истории там совпадают. Несколько приведенных дат столь же «страшны», как и февраль семнадцатого. Это июнь – июль – сентябрь 1914-го (неназванного, рокового до очевидности) года⁹. Точно так же есть сюжет, вынесенный в «жизнь до», давний и нереальный. Однако лишь только в сферу текста попадает эмигрантское «сегодня», как «жизнь до» превращается в единственную реальность, отменяя тем самым реальность эмиграции. В эмигрантском «после» наиболее ценится возвращение к «до», к забытой истине, которая триединна: Россия, молодость, любовь. Ключевая фраза героя, «Если убьют, я буду ждать тебя там. Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне» (т. 7, с. 208), – соотнесена с единственной прямой речью из программного «Позднего часа»:

« – Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле» (т. 7, с. 41).

Мотив параллельного бытия в вечности-Памяти стабилен. Вечность оказывается продолжением земной жизни, ее остановкой в момент кульминационного напряжения. Именно в такой момент обретения полноты любви, счастья умирают многие герои «Темных аллей», чтобы навеки возродиться в «жизни после». Герои окаменевают в обретенном счастье «до нерушимости», как мост в рассказе «Поздний час». Но и здесь движение происходит в обе стороны: мысль героев, текущая отсюда–туда, едва попав в вечность, возвращается к земному. Вечность обретается на Земле во время вспышек счастья, которых крайне мало. Остальная жизнь – ненужный сон.

Эта тема – стержень «Темных аллей». В рассказе «Холодная осень»: «Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашивала себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон» (т. 7, с. 210). В «Русе»: «Amata nobis quantum amabitur nulla!» (т. 7, с. 52). В «Визитных карточках»: «Он поцеловал ее ручку с той любовью, что остается где-то в сердце на всю жизнь...» (т. 7, с. 76). У Тани (рассказ «Таня»), как и

у героини «Холодной осени», был в жизни только один счастливый вечер и небольшая череда счастливых дней: «Был ли **когда-нибудь** в жизни у нее столь счастливый вечер!» (т. 7, с. 97). Рассказ «В Париже» подчеркивает единственность встречи и ее роковую обреченность: «Да, из году в год, изо дня в день, втайне ждешь только одного, – счастливой любовной встречи, живешь, в сущности, только надеждой на эту встречу – и все напрасно...» (т. 7, с. 113).

Так же, из года в год, ждет эмигрант встречи с Россией. В «Темных аллеях» трудно определить, что является основным сюжетом, а что – фоном. То ли российский (московский, провинциальный, русско-заграничный) сюжет растворен в сюжете любовно-вечном, то ли наоборот. Показателен рассказ «Чистый понедельник». Героиня растворяется, исчезает в своей безграничной любви к герою – и одновременно исчезает под темными сводами Марфо-Мариинской обители, в простой красоте русского монастыря, в его древности и святости, в московской загадочности.

Примечания

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. – М., 1966. – Т. 7. – С. 11. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

² «А среди всех прочих, сидящих и стоящих, возвышаясь надо всеми почти на целую голову, стоит великан военный в великолепной серой шинели, туго перетянутой хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие» (Бунин И. А. Окаянные дни // Свободы вечное преддверье / М. Горький, В. Короленко, И. Бунин. Л., 1990. С. 255).

³ Функцию «знака эпохи» имеет и название Добровольного флота («Пароход „Саратов“»), и некоторых книг – «Полярные путешествия» Богданова («Ворон»).

⁴ Прием, часто используемый в литературе русской эмиграции начиная с 1920-х гг. См., например, описание Петербурга в романе П. Н. Краснова «За чертополохом».

⁵ «Народ сам сказал про себя: „Из нас, как из дерева, – и дубина, и икона“, – в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Радонежский

Русский фон «Темных аллей» И. А. Бунина

или Емелька Пугачев» (**Бунин И. А.** Окайные дни. С. 281).

⁶ Ср.: «...стройный старики-военный..., еще чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами...» (т. 7, с. 7); «...краснея сквозь седину...» (т. 7, с. 9) – и «...крепкий и сильный сложением, к которому очень шла военная форма, жестко рыжий, с серебром на висках...» (т. 7, с. 176).

⁷ Тот же герой – в «Визитных карточках»: «...брюнет того русско-восточного типа, что встречается в Москве среди ее старинного торгового люда...» (т. 7, с. 72-73). В словесной игре героев «Визитных карточек» появится еще одна восточная национальность: «– Вот чеченца-то я и жду!» (т. 7, с. 73).

⁸ Метафорическое умерщвление героини в finale рассказа – прием, часто используе-

мый в «Темных аллеях» в качестве торможения для разогнавшегося текста. Например, отчасти толстовский (*«Анна Каренина»*) абзац в finale «Визитных карточек»: «Потом он ее, как мертвую, положил на койку. Сжал зубы, она лежала с закрытыми глазами и уже со скорбным успокоением на побледневшем и совсем молодом лице» (т. 7, с. 77).

⁹ Ср. у Г. В. Иванова (сб. «Розы», 1931):

В тринадцатом году, еще не понимая,
Что будет с нами, что нас ждет, –
Шампанского бокалы подымая,
Мы весело встречали – Новый Год.

Как мы состарились! Проходят годы,
Проходят годы – их не замечаем мы...

(**Иванов Г.** Собр. соч.: в 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 277).

**В 2005 году исполняется 100 лет со дня рождения
выдающегося литературоведа, текстолога и библиографа,
профессора ЛГИК им. Н. К. Крупской Соломона Абрамовича Рейсера.
В этом выпуске мы публикуем его комментарий к «Прологу» поэмы А. С. Пушкина
«Руслан и Людмила». После статьи Соломона Абрамовича Рейсера публикуются статьи
молодых ученых, также связанные с этим текстом.**

С. А. Рейсер

«БУРЫЙ ВОЛК»*

В прологе поэмы «Руслан и Людмила», который Пушкин впервые ввел во втором издании 1828 г., содержатся, как известно, строки:

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...
(IV, 5)**

За четыре года до того, в 1824 г., поэт набросал три строки с тем же эпитетом:

Иван Царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся
(II, 473, 995)

Простое житейское наблюдение, обращение к сказке, к басне, к былине, «Слову о полку Игореве» свидетельствуют о том, что волк всегда серый. «Бурый» же неизменно разъясняется словарями как «темно-коричневый с сероватым или красноватым оттенком»¹ или как «темно-красноватый»², что для волка, казалось бы, совершенно неестественно.

С точки зрения обычного словоупотребления, перед нами ошибка или описка, едва ли не нуждающаяся в редакторском исправлении. Но двукратное, хронологически близкое употребление слова «бурый» в том же контексте исключает ошибку и, подтверждая устойчивость этого эпитета, заставляет искать ему объяснение³.

В качестве источника естественно напрашивается фольклор и прежде всего, что Пушкин мог услышать от Арины Родионовны.

* Впервые опубликовано: Временник Пушкинской комиссии АН СССР 1979 г. Л., 1982. Вып. 17. С. 157-159.

** Римскими цифрами у С. А. Рейсера отмечены ссылки на номер тома «Полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (3-е изд. Л., 1977), арабские цифры соответствуют страницам (прим. ред.).

Со времени публикации П. В. Анненкова (Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 438) известны пушкинские записи в прозе рассказанных Ариною Родионовной сказок⁴. В одной из них, между прочим, читаем: «Что за чудо, говорит мачиха, вот что чудо: у моря лукоморья, стоит дуб, а на том дубу золотые цепи и по тем цепям ходит кот: вверх идет сказки сказывает, вниз идет – песни поет»⁵.

Эта запись могла быть сделана от 9 августа 1824 г. и до 4 сентября 1826 г., т. е. в период вынужденного пребывания поэта в Михайловском.

Набросок относится к «Сказке о царе Салтане», написанной в 1831 г. Но приведенный отрывок был изъят из этого поэтического произведения для «Руслана и Людмилы». Запись эта была у Пушкина в Петербурге, о чем свидетельствует жандармская помета красными чернилами на рукописи.

В сохранившемся отрывке «бурого волка» нет, он, хотя и предположительно, однако с достаточной степенью вероятности, может быть отнесен к тому же рассказу няни.

Но тогда сразу же возникает другой вопрос: откуда пришло к ней это словоупотребление?

Мы имеем возможность документировать наш ответ.

Арина Родионовна Яковлева (1758–1828), уроженка с. Суйда Копорского уезда Петербургской губернии, большую часть жизни провела на Псковщине, в Михайловском, у своих бывших владельцев (она получила вольную в 1799 г., но на всегда осталась в семье Пушкиных).

Обращение к диалектному словарю Псковской области (по счастью, такой имеется) дает неожиданные результаты. «Бурый» в значении «серый», «темный»

«Бурый волк»

зарегистрировано в селе Мигиново Островского района⁶.

«У меня хазяин был, вроди кулака, работал у ниво, как бурый волк» – подобный оборот зафиксирован шесть (!) раз в следующих местах: Крутцы Новоржевского района, Болотница Бежаницкого района, Чертёны Дновского района, Копылок Пустышкинского района, Пахомово Великолуцкого района и, что нам особенно существенно, – Камено Опочецкого района, т. е. в непосредственной близости от Михайловского!

Как видим, Пушкин мог усвоить это словоупотребление не только от няни, но и в живом общении с крестьянской средой Псковской губернии.

Мы не знаем, как возник этот оборот. Дело в том, что в том же псковском словаре есть весьма близкое: «Как бурый вол работать», что кажется более «осмысленным». Не превратился ли «вол» в «волка»? Это предположение (для наших целей вообще не существенное), однако, опровергается. Дело в том, что в польском языке есть слово «bury», которое в исторических языковых словарях разъясняется как «ciemno-szaro-brunatni» или «koloru ciemnoszarego z plamami»⁷. Необходимо указать, что во втором случае в качестве примера приведен именно «bury wilk»⁸. Нельзя, наконец, не упомянуть о том, что в авторитетнейшем словаре М. Фасмера польское «bury» переводится тоже как «темно-серый»⁹.

Таким образом, становится очевидным, что, введя в свои стихи выражение «бурый волк», Пушкин очередной раз имел «непосредственную встречу с живой народной речью»¹⁰. Никакой ошибки он не совершил; вероятно, его привлекло разрушение привычного постоянного эпитета.

В русской журналистике 1825 г. неожиданно возникла полемика о существовании волков непривычного (не серого) цвета. Журналист А. Ф. Войков в статье «Прогулка в селе Кускове» упомянул, между прочим, что в этом поместье гр. П. Б. Шереметева «прежде жили <...> пегие и черные волки»¹¹.

В журнале «Сын Отечества» автор, скрывшийся под криптонимами Д. Р. К., – т. е. Греч¹² или, по разысканиям С. А. Фомичева, Ф. В. Булгарин, – полемически заметил, что в статье этой названы «чер-

ные волки, о которых мы доселе не слышали и не видывали»¹³.

Войков немедленно ответил на этот выпад в «Русском инвалиде» статьей «Доказательство того, что есть на свете черные и пегие волки и что они водились в селе Кускове»¹⁴. Статья была без подписи, но авторство редактора газеты Войкова бесспорно. В статье он ссылался даже на Бюффона.

В следующем же номере «Сына Отечества» полемика была продолжена. Теперь уже Войков уличался в том, что его статья в «Русском инвалиде» и, в частности, утверждение о черных и пегих волках представляет собою «парафраз» из изданной в Москве в 1787 г. анонимной брошюры <В. Г. Вороблевского> «Краткое описание села Спасского Кусково тож»¹⁵. Дело в том, писал оппонент Войкова, что в этой брошюре сказано, будто в зверинце жили редкие волки черного и пегого цвета (с. 18), но это совсем не значит, что они «водились», т. е. обитали на свободе, как выходит из заглавия заметки Войкова. Впрочем, Д. Р. К. признавал, что «на Дону иногда, хотя весьма редко, попадаются темношерстые волки с проседью (курсив журнала. – С. Р.)»¹⁶.

Нет никакого сомнения, что Пушкин, внимательнейше следивший за современной ему журналистикой, знал все эти статьи. Не исключено, что они сыграли свою роль в употреблении им оборота «бурый волк». Привычный эпитет «серый» оказался, таким образом, расшатанным¹⁷.

Примечания

¹ Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1948. – Т. 1. – Стб. 702.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – М., 1958. – Т. 1. – С. 194.

³ Впрочем, в поэме «Монах» (1813) дьявол предстает «как серый волк, щетиной весь покрытый» (I, 18).

⁴ М. К. Азадовский убедительно обосновал связь всех семи записей именно с устными рассказами няни. См. статью «Сказки Арины Родионовны» в его книге: Литература и фольклор. Очерки и этюды (Л., 1938. С. 278). Ср. его же книгу: История русской фольклористики. (М., 1958. [Т. 1]. С. 250). См. также соображения М. Я. Цявловского в кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. (М.; Л., 1935. С. 413).

⁵ Рукою Пушкина. – С. 413.

C. A. Рейсер

⁶ Псковский областной словарь. — Л., 1973. — Вып. 2. — С. 109, 110, 221; 1979. — Т. 4. — С. 110—111.

⁷ Słownik staropolski. — Warszawa, 1954. — Т. 1, sz. 3. — S. 178.

⁸ Słownik języka polskiego (= Słownik Lindego). — Lwow, 1854. — Т. 1. — S. 201. Этот словарь в издании 1807 г. был в библиотеке Пушкина.

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1964. — Т. 1. — С. 249.

¹⁰ Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исследования чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева. — М.; Л., 1950. — С. 267 («От редакции»). Мне не пришлось встречать сочетание «бурый волк» нигде, кроме как у Пушкина; возможно, что включение его в «Словарь эпитетов русского литературного языка» К. С. Горбачевича и

Е. П. Хабло (Л., 1979. С. 61) основано именно и только на двух примерах из Пушкина.

¹¹ Северные цветы на 1825 год. — С. 106. Перепечатано: Новости лит. — 1826. — Кн. 17, № 9/10. — С. 97—113.

¹² По Масанову (т. 2. С. 318).

¹³ Сын Отечества. — 1825. — Ч. 99, № 2. — С. 213.

¹⁴ Рус. инвалид. — 1825. — 17 янв. (№ 14). — С. 55—56.

¹⁵ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725—1800. — М., 1962. — Т. 1. — С. 187 (№ 1162). Заглавие сокращено.

¹⁶ Сын Отечества. — 1825. — Ч. 99, № 3. — С. 387.

¹⁷ Весь материал по «Сыну Отечества» любезно указан мне С. А. Фомичевым, которого искренне благодарю за помощь.

Т. А. Круглякова

«Там царь Кащей с деньгами вянет...» О восприятии стихотворного текста

(на материале вступления к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»)

В 1929 г. вышло в свет исследование Н. А. Рубакина «Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию», положившее начало новому подходу к изучению литературного текста: автор утверждал, что «мы знаем не книги, и не чужие речи, и не их содержания, — мы знаем наши собственные проекции их и только то содержание, которое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил в них автор или оратор» [10, с. 83]. Представление о том, что понимание литературного текста всецело обусловлено читательскими проекциями, привело, во-первых, к призывам, высказанным как писателями, так и филологами, воспитать «новые кадры и читателей, и писателей» [13, с. 97], сформировать «талантливого читателя», который «должен и может работать» [7, с. 87]. Во-вторых, психологи, литературоведы, лингвисты предприняли многочисленные исследования читательских проекций различных литературных произведений. Так, Е. Г. Эткинд сравнил индивидуальные прочтения стихотворения Ф. И. Тютчева «Гроза» [16, с. 10], Д. Б. Эльконин проанализировал особенности передачи детьми басен и сказок [15, с. 279-285], Л. В. Сахарный рассмотрел специфику восприятия некоторых строк из пушкинского «Евгения Онегина» [12, с. 155], В. А. Пищальникова исследовала, как понимают метафоры в стихотворениях А. А. Ахматовой, И. А. Бунина, Н. С. Гумилева читатели разных возрастных и социальных категорий [9, с. 53-60].

Индивидуальные особенности восприятия художественного текста исследуются с разных позиций: стилистики получателя речи, интерпретационной лингвистики, психологии восприятия, теории речевой деятельности. Материалом для анализа могут служить толкования слов, отрывков, целых произведений, рисунки, игровые действия после прочтения произведения и т. д. Один из возможных путей изучения читательских проекций — анализ искажений, которые возникли в тексте

при воспроизведении. Исследование ошибок и их причин позволяет рассмотреть особенности процесса слушания речевого сообщения, его хранения в памяти и последующего отсроченного воспроизведения, а также вопросы, связанные со спецификой восприятия художественного текста вообще и детьми в частности.

Поэма А. С. Пушкина много раз становилась объектом лингвистического и литературоведческого анализа, но результаты этого анализа имеют мало общего с тем, что вычитывают в ней многие наши современники. Фрагменты из вступления к поэме известны всем с раннего детства, они регулярно воспроизводятся в хрестоматиях для детского чтения и рекомендуются для заучивания. Однако многое в этом тексте остается неясным читающему или слушающему его ребенку. Не вызывает также сомнения и то, что кажущееся понятным не всегда оказывается понятым адекватно. Так, многие дети, прочитав наизусть отрывок, делали подобные комментарии: «**Пленяет** — это ругает» (Вера Л., 5 л.), «**Кот-ученый** — это он диссертацию пишет, как мама» (Нина Л., 4 г.), «**Злато** — это масло подсолнечное» (Дания П., 6 л.), «**А златой** такого слова просто нет» (Вера Л., 6 л.). Огромное количество ошибок, которые допускают дети, толкуя или читая наизусть «Лукоморье», вызвано разницей как в языковом, так и в неязыковом опыте современного дошкольника и взрослого поэта девятнадцатого столетия.

Но далеко не все искажения пушкинских строк можно объяснить отсутствием необходимых навыков или недостаточным лексическим и грамматическим инвентарем чтеца. Как ни странно, учителя-словесники, читая вступление, часто допускают «детские» ошибки: «**Там, в небесах** (ср. в **облаках**) перед народом» (Т. К., 32 г., Даша К., 3 г.), «**И серый** (ср. **бурый**) волк ей верно служит» (М. Е., 42 г., Вера Л., 5-6 л.), «**И я там** (ср. **и там я**) был» (М. Л., 34 г., Соня Д., 6 л.). Это мо-

Т. А. Круглякова

жет быть вызвано, во-первых, действием механизмов семантического торможения: стихотворение, воспринятое и понятое в детстве, воспроизводится по памяти, отчасти механически даже в тех случаях, когда перед читателем – открытая книга. Во-вторых, тождественность ошибок позволяет предположить, что много сходного имеют взрослые и детские стратегии запоминания и воспроизведения стихотворений.

Были проанализированы 10 вариантов вступления к «Руслану и Людмиле», записанных от воспитанников петербургского частного детского сада «Чудоград» (3–6 лет), а также 10 текстов, которые рассказывали две мои дочери в возрасте от 2 до 6 лет. Данные о том, как читают Пушкина дети, были взяты за основу исследования не только потому, что дошкольники в ходе восприятия неизбежно допускают ошибок больше, чем взрослые, но также и потому, что, в отличие от взрослого, ребенок не стесняется читать стихи, которые плохо расслышал или забыл, предоставляя исследователю бесценный материал, позволяющий проследить действие механизмов осмыслиения и запоминания художественного текста.

Вступление к поэме построено как развертывание отдельных эпизодов-зарисовок, поэтому легко поддается сокращению в детских книгах и редко полностью воспроизводится детьми. Для трехлетних детей оказывается важным обозначить место действия и перечислить сказочных персонажей: «Там леший, русалка на ветвях, избушка на куриных стоит без окон, без дверей» (Даша К., 3 г.). Дети постарше обозначают место, объект действия и само действие, опуская описания: «Там тридцать витязей там едет. Царевич Елисей летит» (Нина Л., 4 г.).

Единственным обязательным для всех детских текстов фрагментом является начало вступления. Л. А. Щербина, сравнив результаты исследования воспроизведения по памяти «Курочки-рябы» детьми и взрослыми, также пришла к выводу, что экспозиция в обязательном порядке воспроизводится детьми и довольно редко искается ими [14, с. 100]. Отсутствие формальных модификаций текста не обязательно является следствием его адекватного понимания. Так, Вера Л. (5 л.) комментирует: «**Лукоморье** – просто у

моря растет много лука». Нина Л. (3 г.) объясняет: «**Лукоморье** дуб так зовут» (Нина Л., 3 г.). Существительное «лукоморье» не только дети, но и взрослые в большинстве случаев трактуют неверно. Согласно данным словарей, лукоморье – «морской залив, бухта», но современный читатель, привыкший к переносному употреблению слова, воспринимает его скорее как «сказочный лес» или, с легкой руки С. С. Гейченко, «пушкинские места средней полосы России». Такому восприятию способствует и написание этого слова с большой буквы в некоторых детских книгах (см., например: Сказки Лукоморья. СПб.: Аркаим, 2003).

Любопытно отметить, что, несмотря на размытость семантики слова «лукоморье», оно никогда не опускается и очень редко искается детьми. В родительских дневниках, правда, встречаются упоминания о трансформациях слова по типу народной этимологии, аналогичные тем, какие совершают приземленные соседи чудака в стихотворении Л. Мартынова:

- Лукоморье?
- Мукомолье?
- Какое еще Мухоморье?
- Да о чем вы толкуете? Что за исторья?
- Рукомойня? В исправности [6, с. 137].

Сохранность существительного «лукоморье» можно объяснить его начальной позицией в тексте, широкой употребительностью в «сказочном» значении и, как следствие, той ролью, которую это слово играет в организации индивидуальных проектов текста.

В миниатюре, разыгранной в одном из выпусков «Ералаша» Г. Хазановым, учащийся техникума оказывается в состоянии вспомнить только первый эпизод текста и останавливается на строках: «Идет направо – песнь заводит, идет налево и уходит». Подобные изменения действительно встречаются часто. Так, пятеро детей, рассказывая стихотворение без опоры на иллюстрации, останавливались на фрагменте о избушке на куриных ножках, а Соня С. (4 г.) воспроизвела только начало и конец поэмы. Даже рассматривая картинки, дети часто пропускали эпизоды про королевича и тридцать витязей, что, вероятно, связано с синтаксической сложностью строения отрывков, обилием непонятной

«Там царь Кащей с деньгами вянет...»

лексики в них и усложненной схемой рифмовки *aabccbdedee*. Искажения, которым подвергались воспроизведенные эпизоды, обусловлены механизмами, действующими на разных этапах репродукции. Одни из них допускаются большинством рассказчиков, другие, индивидуальные, все равно укладываются в рамки определенных закономерностей и позволяют судить о процессе восприятия не только пушкинского стихотворения, но и поэтического языка вообще.

Чтение стихов наизусть представляется собой сложный многоуровневый процесс: на этапе слухового восприятия ребенок должен проанализировать входящий акустический сигнал и приписать ему соответствующие лингвистические характеристики (фонологические, морфологические, синтаксические и семантические), затем синтезировать полученную информацию и прийти к созданию собственного концепта текста – его пониманию; на следующем этапе происходит запоминание полученной информации, ее перевод с речевого на универсальный предметно-логический код; и наконец, в момент воспроизведения текста происходит обратный перевод сообщения на речедвигательный код, его оформление в соответствии с языковыми правилами.

Некоторые модификации пушкинского текста являются следствием ослышки. В процессе слушания ребенок должен, во-первых, сегментировать речь на отдельные элементы – слова или морфемы, а затем идентифицировать полученные звуковые цепочки, сличая их с единицами своего ментального лексикона. Чем меньше единиц содержит внутренний лексикон человека, тем меньше требований предъявляет он к точному совпадению воспринятого слова и слова-эталона. Слова заменяются на близкозвучащие («На берег **печальный** (ср. **песчаный**) и пустой» (Соня Д., 6 л.), «А **мудрый** волк ей верно служит» (Паша С., 6 л.), «**Средой** из вод выходят ясных» (Даня М., 3 г.)), или пере-конструируются по типу детской этимологии («Там царь **Тощей** (ср. **Кащей**) над златом чахнет» (Вера Л., 6 л.). При заменах в большинстве случаев сохраняется количество слогов и ударная гласная, а согласные звуки претерпевают наибольшие изменения.

Причиной ослышки могут послужить особенности стихотворного языка. Так, при несовпадении словесного ритма и стихотворного метра ориентацией для сегментации на слова является более сильный стихотворный метр. Например, изменение «Все ходят, **поцепит** (ср. **по цепи**) кругом» (Настя И., 4 г.) связано с тем, что предлог приобретает метрическое ударение, а существительное его утрачивает.

Наличие выраженной паузы в конце стиха приводит к неправильной сегментации на синтагмы в тех случаях, когда границы строки и предложения не совпадают. Так, только одна шестилетняя девочка успешно справилась с сегментацией строфы «У моря видел дуб зеленый/, Под ним сидел, и кот ученый/ Свои мне сказки говорил», в остальных случаях дети неверно делали паузы или производили различные замены: «У моря видел дуб зеленый,/ Под ним сидел и кот ученый» (Вера Л., 5–6 л., Маня О., 6 л., Даня М., 3 г., Настя И., 4 г. и др.), «И под зеленым дубом кот тот был» (Нина Л., 4 г.), «У моря видел дуб зеленый, а на цепи был кот ученый» (Паша С., 6 л.).

В нормальной ситуации общения любое восприятие фраз и текстов является смысловым, так как «будучи осознанием предмета, восприятие человека нормально включает акт понимания, осмыслиния» [11, с. 276]. Ослышка может объясняться не только акустической близостью перепутанных слов, но и действием механизмов семантического прогнозирования. Воспринимая звучащую речь, человек опирается на предыдущий опыт и прогнозирует высказывание как на уровне развития основных смысловых связей текста, так и на уровне их конкретной реализации.

Одной из основных опор семантического прогнозирования служит субъективная частотность – чаще всего искажаются устаревшие, редкие, неизвестные ребенку слова и грамматические конструкции. В поисках необходимых эталонов для опознания слова дошкольник может приходить как к правильным, так и к ошибочным выводам. Так, большинству современных дошкольников неизвестен вариант «златая» (**златая** цепь на дубе том), при этом 8 рассказчиков заменили его привычным **золотая**, а Даня П. (4 г.) – **злая**. Редкое причастие «неведомый» было неправильно воспринято шестью рассказчи-

Т. А. Круглякова

ками: «*Там на неведомых (невиданных, невидимых, невидомых) дорожках следы невиданных зверей*». Предлог **по** в строке «Ходит по цепи кругом» употребляется в устаревшем значении «придерживаясь определенного направления», а так как это значение неизвестно детям и многим взрослым (в т. ч. иллюстраторам детских книг), предлог воспринимается как указание на движение по поверхности предмета. Такое восприятие может приводить к трансформации строки: «*Ученый кот на дубе том*» (Соня С., 4 г.). В строке «*Там о заре прихлынут волны*» все дети заменили предлог **о** в устаревшем значении указания на время действия на современный **на**.

Семантическое прогнозирование в речи взрослых, свободно владеющих языком, обязательно носит эвристический характер: выдвигаемые гипотезы верифицируются, сопоставляются с представлениями о смысле целого. Дошкольники еще не достаточно знакомы с правилами построения текстов и поэтому ограничены в возможностях строить адекватные прогнозы и соотносить их результаты с воспринятым сигналом, поэтому не любое изменение звучания слова приводит к осмыслинию искаженного слова и целого текста. Исследователи народной и детской этимологии также отмечали, что, модифицируя слово, человек часто просто воспроизводит более привычную для него звуковую цепочку, вероятно, не очень задумываясь о том, каким образом связанные предметы, оказавшиеся сопоставленными в слове (например, изменение слов *грейпфруты – грибы-фрукты* и *грейпруты* (из ценников), *катер – скатер*, *брюзника – грустника* (из речи детей) или паронимические замены слов, обозначающих хорошо известные детям предметы: *формочка – форточка*, *пудель – пудинг*, *аптека – библиотека* и пр.). Подобные парадоксальные замены допускались детьми и при чтении вступления к поэме. Так, замена **верно** на **дружно** в строке «*И бурый волк ей верно служит*» вызвана общим звуковым обликом соседних рифмующихся слов *тужит – служит* (Нина Л., 4 г.).

Т. И. Алиева, исследовавшая осознанные модификации художественных произведений дошкольниками, отмечала, что «создание ребенком целостного эмо-

ционально-значимого для него образа неизбежно сопровождалось примитивизацией, обеднением его художественного содержания, связанным с „выхватыванием“ ребенком из общего контекста отдельных образов, событий и др.» [1, с. 10]. В некоторых случаях можно говорить о «выхватывании» ребенком не только отдельных образов и событий, но на более раннем этапе восприятия – даже отдельных слов.

Понимание текста может осуществляться на разных уровнях. Г. И. Богин предлагал выделять ступени семантизирующего, когнитивного и распредмечивающего понимания. Характерной особенностью семантизирующего понимания является «декодирование» отдельных единиц текста, на ступени когнитивного понимания слушатель осваивает содержание текста – «предикции, которые лежат в основе составляющих текст пропозициональных структур», в ходе распредмечивающего понимания восстанавливаются «какие-то стороны мыследействования продуцента» [2, с. 66]. Не каждый слушатель достигает высших ступеней понимания, при недостаточном владении языком человек останавливается на начальном этапе, стремясь распознать как можно больше слов в тексте, но не синтезируя их значений в единое целое. Маня О. (6 л.) рассуждает: «*Королевич мимоходом* – это таким пароходом». – «А причем тут пароход?» – «Не знаю».

При взгляде со стороны на текст, рассказанный человеком, не достигшим стадии когнитивного понимания исходного образца, кажется, что его репродуцент вообще не стремился к осмыслинию. Произведение утрачивает целостность и связность и превращается в «заумное» сочетание звуков и слов. Связность текста может нарушаться в результате употребления слов, не наделенных значением для говорящего: «*В темнице там царевна дужит*» (ср. **тужит**)» (Вера Л., 5 л.); соединения слов, далеких по значению: «*Там королевич дымоходом*» (ср. **мимоходом**) пленяет грозного царя» (Паша С., 6 л.); отсутствия синтаксических связей между словами: «*Там лес и дол виденьем полным*» (Нина Л., 4 г.), «*Там лес и дол видение полный* (ср. **видений полны**)» (Маня О., 6 л.).

Отмеченные изменения зачастую приводят к утрате целостности. Самостоя-

«Там царь Кащей с деньгами вянет...»

тельно продуцируемый текст всегда является цельным для говорящего, даже если он не воспринимается таким образом слушающим, но повторять стихотворение ребенок может чисто механически, не задумываясь о значениях входящих в него слов, поэтому совпадение детского и авторского слова будет носить случайный характер. Узнавание и вычленение известного в неизвестном неизбежно влечет за собой натяжки: пренебрежение важными составляющими словообразовательных моделей при видоизменении слов по типу детской этимологии (*Царь Тощей* (Вера Л., 6 л.): существительное *Тощей* образовано с помощью суффикса «-ej-», но не от прилагательного, а от существительного) или появление остатка — «лишних», неузнанных компонентов. Существование бессмысленных или бессвязных фрагментов является для ребенка неизбежным продуктом процесса осмыслиения.

Бессмысленность некоторых слов, ошибочно или осознанно произносимых ребенком, не всегда смущает его. Дети, привыкшие к тому, что в звучащей стихотворной речи, встречается большое количество неизвестных слов и конструкций, не всегда стремятся точно осознать значение каждого слова, входящего в стихотворный текст. Неизвестное ребенку может быть осмыслено в эстетическом значении, возникающем из комбинаторных приращений смысла — «смысловых элементов, которые нами воспринимаются, но не имеют своих знаков в речи, а образуются из взаимодейственной совокупности слов» [5, с. 32–36]. Так, Нина Л. (4 г.) и Дания М. (3 г.), независимо друг от друга, читали: «*Там злой Кащей над златом чахнет*». Слово «злато», сходное по своему звучанию с прилагательным «злой», в стихе про Кащея вызывало появление эпитета, отсутствующего у Пушкина.

Последнюю замену следует, вероятно, признать не ослышкой, а оговоркой ребенка. Подобные ошибки не обязательно устойчивы в речи детей, но именно благодаря случайно возникшим оговоркам мы можем судить о том, к каким результатам пришел ребенок, интерпретируя стихотворение, и в каком виде текст сохраняется в его памяти. Так, Вера Л. (5 л.) обыкновенно правильно читает: «*И с ними дядька Черномор*», но один раз произносит «*дядя Черномор*». Очевидно, что

дядька для Веры означает не «слуга-воспитатель», а «мужчина» с неодобрительной окраской. Трехлетняя Нина Л., дойдя до стиха «*И мед я пил*», всегда оговаривалась: «Но вообще-то *мед едят*», а через три месяца читала «*Мед-пиво пил*» или «*И пиво пил*».

При смысловом восприятии сообщение подвергается перекодированию, которое выступает и как механизм запоминания, и как средство для увеличения объема информации, которую можно удержать в памяти. Н. И. Жинкин на материале серии экспериментов доказал, что «понимание — это перевод с натурального языка на внутренний. Обратный перевод — высказывание» [4, с. 161]. Многие модификации свидетельствуют о том, что в памяти ребенка зачастую сохраняется зрительный образ ситуации, которая заново облекается словами при воспроизведении текста: «*Там на ветвях русалка спит*» (Паша С., 6 л.), «*Царица там в плену сидит*» (Даша К., 3 г.).

В создании зрительного образа большую роль играет не только сам текст, но и иллюстрации к нему, представляющие, по Д. Б. Эльконину, «материальную опору восприятия» [15, с. 282]. Некоторые изменения, возникающие в текстах, оказывается возможным объяснить, зная, какую именно книгу читали ребенку. Так, Вера Л. (2 г.) рассказывала: «*У моря видел дуб зеленый, под ним сидел и кот зеленый*», потому что разглядывала построчные иллюстрации Т. Мавриной — с зеленым котом и зеленым Пушкиным.

В процессе кодовых переходов (с внешнего, речевого кода на внутренний, предметно-изобразительный в процессе слушания и с внутреннего кода на внешний на этапе, предшествующем говорению) может происходить частичная утрата информации, связанной с грамматическими характеристиками, сферой употребления слов или оттенками их значений.

Дети постоянно путают **налево** и **направо** в первой строфе, заменяют **бродит** на **ходит** (*Там леший бродит*), **дорожки** на **тропинки**. Создают варианты «Чредой из **волн** (ср. **из вод**) выходят ясных» (Нина Л., 3 г.). «Модернизируют» семантические архаизмы: «говорить» в значении «излагать что-либо» трое детей заменили современным **сказки рассказ**—

Т. А. Круглякова

зывал. Маня О. (5 л.) читает: «*Там царь Кащей с деньгами вянет*», не учитывая, что глагол «чахнуть» означает не только «увядать», но также «становиться чахлым, болезненно худеть», и подменяя устаревшее «злато» («золотые монеты») и современным словом, и современным понятием. Один пятилетний мальчик в середине прошлого века, иллюстрируя «Лукоморье», скобку нарисовал патефон и пояснил: «*Раз заводит* – значит патефон» [8, с. 65]. Сейчас мы просим не завести пластинку, а поставить кассету или диск, дети не имеют близкой подсказки, и поиски нужного значения чаще всего приводят к более адекватным результатам, хотя ошибки по-прежнему возможны. Соня С. (4 г.) читает: «*Идет направо – песни ставит*».

Механизмы порождения высказывания подключаются на грамматическом уровне, о чем свидетельствует избегание устаревших грамматических форм и синтаксических конструкций (четверо детей читали «*Песни заводит*», двое – «*Песни заводит*» (ср. *Идет направо – песнь заводит*) и ошибки, типичные для обиходной разговорной речи детей («*Там на невидомых дорожках*» (Нина Л., 4 г.): неизвестное слово осмысливается как форма действительного причастия настоящего времени, образованная с помощью суффикса «-ом-» от глагола-исключения «видеть»).

Облекая словами зрительную ситуацию, ребенок часто прибегает к помощи готовых эталонов, происходит контаминация и на сюжетном, и на вербальном уровнях. На возникновение отдельных трансформаций могут влиять ассоциации, связывающие отдельные эпизоды текста. Так, по аналогии с началом отрывка возникает расширение текста в конце: «*И я там был, мед-пиво пил, у моря видел дуб зеленый. На дубе видел цепь золотую. На цели был кот ученый. И он мне сказки рассказывал*» (Вера Л., 6 л.), «*И я там был, и мед я пил. И под зеленым дубом кот тот был, и сказки мне направо рассказывал, песни налево пел*» (Нина Л., 5 л.). Существительное «темница», редко употребляющееся и имеющее отрицательную коннотацию, запоминается ребенком (что, возможно, связано именно с его редкостью), но ошибочно относится к ситуации с царем Кащеем, тогда как царевна помещается в избушку: «*Царевна там в из-*

бушке сидит, а волк ей серый верно служит <...> Злой Кащей в темнице чахнет» (Нина Л., 4 г.).

«У лукоморья...» вступает в сознании детей во взаимодействие с другими сказками Пушкина: *тридцать витязей прекрасных* в 10 детских текстах из 13 превратились в 33 богатырей, дядька их морской 12 раз был назван по имени – **Черномор***. Нина Л. (4 г.) реагировала на слово «королевич» ассоциацией «Елисей»: «*Там королевич Елисей, там в облаках перед народом и чахнет- чахнет злой Кащей*».

Стихотворение взаимодействует с текстами народных сказок. Часто оборванный на полуслове в хрестоматиях отрывок дополняется фольклорной концовкой: (*И я там был, мед-пиво пил по усам текло, а в рот не попало*) (Соня С., 5 л.; Вера Л., 5–6 л.). **Бурый** волк становится **серым** в 5 текстах из 9**. Изменяется порядок слов «*И там я был*» на «*И я там был*» из народной присказки не только в детских текстах (7 случаев против 2), но и в книгах (см., например: Пушкин А. С. Сказки. СПб.: Аркаим, 2003; Сказки Лукоморья. СПб.: Аркаим, 2003).

Читая наизусть стихи, разные дети придерживаются различных стратегий, что приводит к созданию текстов разного уровня удаленности от исходного образца. В онтолингвистике подробно описаны индивидуальные различия детей при овладении родным языком, выделяются две принципиально различные тактики – референциальная и экспрессивная. Референциальные дети употребляют только осмыслиенные слова, самостоятельно образуют грамматические формы и используют в речи большое количество повествовательных предложений. Экспрессивные идут имитационным путем, осмысливая произносимые фразы как гештальты и сравнительно поздно овладевая грамматикой.

Рассказывая стихи, референциальные дети стремятся передать смысл воспро-

* Неслучайно в знаменитой переделке «У Лукоморья дуб спилили» тоже действуют тридцать три богатыря и Черномор: «*Там тридцать три богатыря / Полосорились из-за рубля, / А наглый дядька Черномор / Нахально курит „Беломор“*». На следующей ступени ассоциативного процесса число богатырей сокращается до былинной троицы: «*Три богатыря в по мойке ищут три рубля*».

** Ср. в тексте переделки: «*В темнице там царевна дрищет, / а серый волк бумагу ищет*».

«Там царь Кащей с деньгами вянет...»

изводимого текста, но при этом часто «чтение наизусть» подменяется пересказом. Стихотворение утрачивает метрическую упорядоченность, рифму; непонятные слова и слова, употребленные в непривычных значениях, опускаются или искаются по принципу детской этимологии. Так, Вера Л. (6 л.) читает: «*Там утром прихлынут волны на берег, и из морских волн выходят тридцать три богатыря, а с ними их дядька*».

Экспрессивные дети стремятся, на-против, как можно более точно передать звучание отрывка, но не приписывают произносимым словам определенных значений. Так, Нина Л. (4 г.) читает: «*И злой Кащей в темнице чахнет И русско там, и Русью пахнет, И я там был, и кату пил И стали и стали бил*». Экспрессивный ребенок воспринимает стих как мелодию – благодаря музыкальной памяти, поэтому мелодическое начало (метр и рифма) сохраняется обязательно. В некоторых случаях дети точно воспроизводят набор звучаний, при этом переставляя звуки местами: «*У лукоморья зуб деленый*», «*Там царь Ташей над злаком чахнет*» (Вера Л., 2 г.).

Экспрессивная стратегия по мере взросления ребенка сменяется референциальной, хотя нельзя утверждать, что последняя приводит к созданию наиболее адекватного варианта при восприятии художественного текста, т. к. в литературном произведении «нет или во всяком случае не должно быть слов немотивированных, проходящих только как тени ненужных предметов» [3, с. 230]. Таким образом, трансформация авторского замысла в обязательном порядке происходит в сознании читателя-ребенка, и для воспитания «талантливого читателя» при составлении программ и рекомендательных списков по чтению мало уметь определять эстетическую ценность поэтических произведений, но необходимо также учитывать возрастные и индивидуальные особенности восприятия художественных текстов.

Литература

- ¹ Алиева, Т. И. Развитие творческого восприятия литературных произведений у детей среднего дошкольного возраста : автoref. дис. ... канд. пед. наук / Т. И. Алиева. – М., 1991. – 20 с.
- ² Богин, Г. И. Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста / Г. И. Богин // Вопросы стилистики. – Саратов, 1998. – С. 61-68.
- ³ Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М., 1959. – 650 с.
- ⁴ Жинкин, Н. И. Язык – речь – творчество / Н. И. Жинкин. – М., 1998. – 366 с.
- ⁵ Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя / Б. А. Ларин. – Л., 1974. – 285 с.
- ⁶ Мартынов, Л. Н. Первородство / Л. Н. Мартынов. – М., 1965. – 351 с.
- ⁷ Маршак, С. Я. О талантливом читателе // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1990. – Т. 4. – С. 83-90.
- ⁸ О чем говорят дети мира: Смешные истории, услыш. взрослыми. – Л., 1990. – Вып. 1. – 63 с.
- ⁹ Пищальникова, В. А. Психоэтика / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – 173 с.
- ¹⁰ Рубакин, Н. А. Психология читателя и книги: крат. введ. в библио-психологию / Н. А. Рубакин. – М.; Л., 1929. – 308 с.
- ¹¹ Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М., 1989. – Т. 1. – 485 с.
- ¹² Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л., 1989. – 180 с.
- ¹³ Щерба, Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с немецким прототипом / Л. В. Щерба // Избр. работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 97-109.
- ¹⁴ Щербина, Л. А. Экспериментальное исследование воспроизведения сказки по памяти / Л. А. Щербина // Усвоение ребенком родного (русского) языка : межвуз. сб. работ молодых авторов. – СПб., 1995. – С. 99-101.
- ¹⁵ Эльконин, Д. Б. Детская психология / Д. Б. Эльконин. – М., 1960. – 328 с.
- ¹⁶ Эткинд, Е. Г. Об искусстве быть читателем / Е. Г. Эткинд. – Л., 1964. – 51 с.

Е. Ю. Романова

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина (*«У лукоморья дуб зеленый...»*)

Поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» была опубликована в 1820 г. В 1828 г. был написан «Пролог» (*«У лукоморья дуб зеленый...»*), который вызвал бурную полемику в литературных кругах. Впервые полный комментарий к «Прологу» был дан Т. В. Зуевой¹. Работы С. А. Рейсера² и М. К. Азадовского³ посвящены комментариям отдельных значений.

Обычно импульс к переделкам текста дает публикация его в школьных хрестоматиях. Любопытен тот факт, что в хрестоматиях XIX в. этот текст не встречается. Скорее всего, именно поэтому первые переделки «Лукоморья», обнаруженные к концу XIX в., по типу не были школьными. До второй половины XX в. переделки «Пролога», по преимуществу, носили политический характер.

Первая переделка пушкинского пролога, которую удалось найти, датируется 1899 г. Она написана студентами С.-Петербургского университета и посвящена ректору В. И. Сергеевичу и событиям, произошедшим в университете 8 февраля 1899 г. (см. Тексты переделок).

Всего было собрано и прокомментировано 52 переделки. Их можно сгруппировать по тематике: политические, школьные, субкультурные, анекдотические. Многие переделки изначально направлены на снижение поэтических образов оригинального текста. Выделяются и такие направления в изменении качества образов, как осовременивание, скабрезность, употребление неожиданного вместо ожидаемого. Обнаружено также несколько текстов, которые не относятся ни к одной из перечисленных групп. Эти переделки ничего не высмеивают, а лишь подражают стилю Пушкина.

Большинство переделок анонимно, известно лишь авторство нескольких текстов – это переделки В. В. Маяковского, В. С. Высоцкого и др.

Переделки, появившиеся в начале XX в. и в 30–70-е гг., посвящены проблемам советского времени: политике «уплотнения», нехватке продовольственных товаров и др. Третья по хронологии пере-

делка обнаружена в книге В. Пирожковой «Потерянное поколение» и датируется 1935 г.⁴ В строчках переделки – остройшая политическая сатира на сталинский режим.

Школьные переделки возникают и функционируют в школьной среде. «Излюбленными приемами переработки пародируемого источника у школьников являются использование обсценизмов, актуализация сексуальной и вакхической тем, – пишет М. Л. Лурье. – В этом случае содержание пародии наиболее резко и дерзко контрастирует с высоким статусом или инфантильным звучанием оригинала»⁵.

Субкультурные переделки *«У лукоморья дуб зеленый...»* подразделяются на военные, переделки о панках, переделки о рэперах. Многие военные переделки, как и школьные, отличает непрятязательность поэтической формы и юмора. В них описывается жизнь и быт солдат в казарме, тяготы армейской службы, высмеиваются старшие по званию и т. д. В переделках о панках и рэперах говорится об особенностях этих субкультурных групп.

Анекдотических переделок существует немного. Удалось найти лишь несколько подобных пародий.

В настоящее время продолжают появляться новые тексты переделок стихотворения Пушкина, которые также требуют комментария.

Тексты переделок

№ 1.

Есть в Петербурге дом огромный,
Орел и крест на доме том,
Там светлым днем и ночью темной
Лисица бегает кругом.
Идет наверх -- читает право,
А вниз – полицию зовет,
И там и тут – хвостом лукаво
Вертит и взад, и наперед.
В темнице там наука тужит,
Тюрьмою храм науки служит... (1899 г.)

Источник: Олесич Н. Господин Студент Императорского С.-Петербургского университета. – СПб., 1998. – С. 123-124.

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

*Есть в Петербурге дом огромный, /
Орел и крест на доме том, — Здание
Санкт-Петербургского университета (ад-
рес: Университетская наб., д. 7/9).*

*Там светлым днем и ночью темной /
Лисица бегает кругом. — «Лиса» — прозви-
ще ректора университета В. И. Сергеевича.
«Он не нашел ничего лучшего, как
продолжать реакционный курс своего
предшественника. Лавируя, он в то же вре-
мя лицемерно любезно был обходителен
с молодежью, за что получил прозвище
„Лиса“.* (Олесич Н. Указ. соч. С. 123-124).

*Идет наверх — читает право, — Серге-
евич Василий Иванович (1832 — 1910) по-
лучил образование на юридическом фа-
культете Московского университета.
В Петербургский университет Сергеевич
перешел в 1872 г. и занял в нем кафедру
истории русского права. Был популярным
лектором. И. Э. Грабарь вспоминал: «Его
лекции вытесняют в моей памяти все ос-
тальные, какие приходилось слушать в эти
годы. <...> Сергеевич читал с юмором,
остротой или забавным сопоставлением.
В таких случаях он, подняв на лоб очки,
низко наклонялся над своими выписками
из древнерусских юридических актов и со
смаком произносил какое-нибудь словеч-
ко, давно утратившее свой первоначаль-
ный смысл и с течением времени приоб-
ретшее иное значение, часто не совсем
простойное. Как опытный лектор, он при-
бегал к этому приему каждый раз, когда
замечал зевки на задних партах, а до звон-
ка еще оставалось двадцать драгоценных
минут».* (Ленинградский университет в
воспоминаниях современников. Т. 1. 1819—
1895. Л., 1963. С. 191-192). В. Н. Латкин
в некрологе писал: «Смерть этого выдаю-
щегося ученого — тяжелое событие для
русской науки, в частности, для Санкт-
Петербургского Университета. У его уч-
еников остается одно утешение, что имя
Василия Ивановича Сергеевича никогда не
забудется, и что с трудами его придется
обязательно считаться всем последую-
щим историкам и юристам...» (Отчет о со-
стоянии и деятельности Императорского
С.-Петербургского Университета за
1910 год / под ред. И. А. Ивановского.
СПб., 1911. С. 45).

*А вниз — полицию зовет, — Время, ког-
да Сергеевич находился в должности рек-
тора, сопровождалось усилением волне-
ний студенчества и связанного с этим*

полицейского произвола в университете.
Кульминацией явились события 8 февра-
ля 1899 г., переросшие затем во все-
российскую студенческую забастовку.
Поводом для выступления послужило вы-
вешенное 1 февраля объявление за под-
письмо ректора университета. В нем со-
держались оскорбительные угрозы и
предостережения в адрес студенчества,
в частности, были приведены выписки из
статьей уголовного кодекса с указанием
наказаний за «нарушение общественного
порядка». Возмущенные студенты уничто-
жили оскорбительное объявление и на
сходке решили протестовать путем демон-
стративного ухода из Актового зала в мо-
мент появления на трибуне Сергеевича. 8
февраля, во время торжественного акта,
студенты сорвали выступление ректора и
с пением «Марсельезы» направились к
Дворцовому мосту, чтобы пройти на Нев-
ский проспект. Однако путь студентам
преградили наряды конной полиции, при-
чем оказались поврежденными и перехо-
ды через Неву по льду, ведущие к Двор-
цовской площади. После бесплодных
попыток переговоров с полицейскими чи-
нами студенты повернули обратно, наме-
реваясь прорваться в центр города через
Николаевский мост (ныне мост лейтенан-
та Шмидта). Но у Румянцевского сквера
на студентов набросился другой отряд
полиции. Началось избиение, в результа-
те которого несколько студентов получи-
ло тяжелыеувечья и более десятка было
арестовано. В ответ на полицейский про-
извол студенты университета на сходке
10 февраля единодушно приняли резолю-
цию, в которой говорилось: «Мы возмуще-
ны насилием, жертвами которого были 8
февраля, насилием, уничтожающим чело-
веческое достоинство. Мы вообще счита-
ем такое насилие оскорблением и проте-
стуем против него. Поэтому мы объявляем
С.-Петербургский Университет закрытым
и всеми силами будем добиваться официаль-
ного его закрытия. Мы не откроем
университета до тех пор, пока не будут
даны гарантии личной неприкосновен-
ности» (История Ленинградского универси-
тета, 1819 — 1969: очерки. Л., 1969.
С. 154). События февраля 1899 г. послу-
жили причиной ухода В. И. Сергеевича с
поста ректора.

Е. Ю. Романова

№ 2.

Не знаю – на земле, на небе-ль
Поближе к чухнам, вырос дуб:
Снаружи бравый, как фельдфебель,
Внутри загадочен и туп.

Кругом болото: лига наций,
Чтоб заблудиться, – три сосны,
Для выбора ориентаций...
И дуб в тумане видит сны:

В сиянии вкрадчивых гипнозов,
Лианой гибкой кругом,
Его опутал Лианозов;
«Златая цепь на дубе том».

В дупле засел жидовский улей:
Два Гессена, Борис и Юлий.
А в листьях – дерзкий, зверский, мерзкий –
Сидит и гадит вниз Шуберский.

Там чудеса: «САЛАКА» бродит,
Там Мазарьянц играет роль,
Там шик Маргулиес наводит,
И в лапах жуликов контроль.

Там на неведомых дорожках
Следы неведомых армян;
И есть Совет на курых ножках,
Домашний куцый балаган.

Там мне сорока говорила;
Суворов, цепкая горилла,
Четверорук и многоголик,
Уселился, мелочно велик.

Там Карташев, хитрец убогий,
Как птичка Божия снует.
К чему житейские тревоги:
Он «херувимскую» поет.

Из либеральных попугаев
Кузьмин представлен, Караваев:
Сидит недвижен – усыплен...
Да уж не чучело ли он?

Там краснонос, ошипан, глуп,
Смешон, но все еще задорен,
«Сенатор» городской петух –
В бумажной куче ищет зерен.

Кругом во образе людей
Толпятся свиньи, не зевая:
Хотят валюты (жолудей),
У дуба корни подрывая.

И это – все. Могучий дуб,
Очнись, зашевелись впервые.
Ведь рядом полумертвый труп,
Тебя в бреду зовет Россия.
(1918г.)

Источник: Смолин А. В. Белое движение на Северо – Западе России (1918–1920 гг.). – СПб., 1998. – С. 228-229.

Стихотворение « Дуб» предположительно приписывается бывшему члену Совета Петроградского торгово-промышленного банка И. И. Тхоржевскому.

Поближе к чухнам, вырос дуб: – Чухнам – обозначение финского населения. Речь идет об объединении сил предводителя белого движения на Западе России Н. Н. Юденича с регентом Финляндии К. Г. Маннергеймом.

Кругом болото: лига наций, – Лига Наций – международная организация, имевшая своей целью, согласно уставу, «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности». Устав Лиги Наций, выработанный специальной комиссией, созданной на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., был первоначально подписан 44 государствами. При Лиге Наций на правах автономных организаций были созданы Постоянная палата международного правосудия, Международная организация труда и другие организаций. Основные органы Лиги Наций находились в Женеве. В первые годы своего существования она была одним из центров организации борьбы против Советского государства.

Его опутал Лианозов: – Лианозов Степан Георгиевич (1872–1951), предприниматель, нефтепромышленник. Один из руководителей Русской генеральной нефтяной компании («Ойль»). После октября 1917 г. – в эмиграции, участник организации «Торгпром». Он возглавил в Государственном совете Юденича отделы: финансовый, торговли, промышленности и труда. Юденич ценил его как специалиста и организатора. (Смолин А. В. Указ. соч. С. 226).

В дупле засел жидовский улей: / Два Гессена, Борис и Юлий. – Братья Гессены издавали журнал «Знак». Более известным был Юлий Исидорович Гессен – писатель, автор исследований по истории евреев в России: «Евреи в масонстве» (1903), «Из истории ритуальных процессов. Велижская драма» (1905), «Евреи в России» (1906), «О жизни евреев в России» (1906), «В эфемерном государстве – Варшавском герцогстве» (1910), «Закон и жизнь» (1911), «Кровавый навет» (1912), «К истории коробочного сбора» (1912) и др. В «Еврейской энциклопедии» Гессен редактировал отдел «Евреи в России с 1772 г.».

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

Сидит и гадит вниз Шуберский. – Шуберский Эраст Петрович (ок.1882–1932) – представитель петроградских торгово-промышленных и финансовых кругов и комиссии по делам печати. В Государственном совете Н. Н. Юденича он был министром путей сообщения.

Там чудеса: «САЛАКА» бродит, – «САЛАКА» – возможно, прозвище. У молодых «нижних чинов» были сохранившиеся до нашего времени прозвища – «салака, салага». Как аббревиатуру определить не удалось.

Там Мазарьянц играет роль, – Мазарьянц – неустановленное лицо.

Там шик Маргулиес наводит, – Маргулиес Мануил Сергеевич (1868/9–1939) – бывший председатель Центрального Всено-промышленного комитета. (Смолин А. В. Указ. соч. С. 224).

И есть Совет на курьих ножках, – Военно-политическое положение, сложившееся на Северо-Западе к маю 1919 г., заставило Юденича начать переговоры с К. Г. Маннергеймом о выработке условий проведения совместной операции по захвату Петрограда. Этому способствовало также и то обстоятельство, что регент Финляндии соглашался вступить в контакты по этому вопросу с органом государственного управления на Северо-Западе на принципах военной диктатуры, одновременно подчиненного А. В. Колчаку, но обладающего определенной самостоятельностью в решении ряда вопросов. 20 мая 1919 г. А. В. Карташев составил проект декларации об образовании Совета, как первоначально называлось Политическое совещание. 24 мая 1919 г. в Гельсинфорсе Юденич утвердил положение о «Политическом совещании при старшем русском военном начальнике Северо-Западного фронта». В его компетенцию входили вопросы, связанные с изысканием денежных средств и их распределением, снабжением войск, заготовкой продовольствия и предметов первой необходимости для Петрограда и Северо-Западной области. Кроме того, оно также претендовало на решение политических вопросов. Предполагалось, что Совещание будет состоять из 5 человек, назначенных Юденичем: В. Д. Кузьмина-Караваева, П. К. Кондырева-Кондзеровского, М. Н. Суворова, А. В. Карташева, С. Г. Лианозова. (Смолин А. В. Указ. соч. С. 221).

Суворов, цепкая горилла – М. Н. Суворов – генерал-майор, в прошлом находившийся на службе в Петроградском военном округе, в 1918 г. входил в Петроградское отделение Национального центра, ведал отделами: военным, путей сообщения и транспорта, административным, управления и самоуправления в занятых войсками местностях. В военной среде слыл либералом, но к большевикам снисхождения не имел. (Смолин А. В. Указ. соч. С. 224).

Там Карташев, хитрец убогий – Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – кадет, бывший министр исповеданий во Временном правительстве, член Национального Центра, возглавил сношения с иностранными и антибольшевистскими правительствами и с Русским политическим совещанием. Он занимался также вопросами религии и благотворительности. Впоследствии его избрали заместителем председателя Совещания, а еще позже в его ведение перешли печать, информация и агитация. На встречавшегося с ним В. Л. Горна Карташев произвел такое впечатление: «Хитрый, неискренний, он старался каждого покорить своей почти неземной кротостью и елейностью. <...> На вид святоша, он великолепно умел ковать козни за спиной ближайших своих политических противников, но вовсе оказывался никуда не годным, когда приходилось делать практическую политическую работу, разбираться в запросах дня или хотя бы удовлетворительно организовать порученную ему функцию – агитации и пропаганды.<...> По общеполитическим вопросам А. В. Карташев вел какую-то двойную линию и часто чрезвычайно было трудно разглядеть его подлинное политическое лицо». (Смолин А. В. Указ. соч. С. 225). С мая 1920 г. – в эмиграции в Праге. Известный религиозный мыслитель Русского зарубежья, один из основателей православного Богословского института в Париже, оставил заметный след в истории русского богословия.

Кузьмин представлен, Караваев: – Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – писатель и политический деятель. Окончил курс в Пажеском корпункте и в Военно-юридической академии. Служил в Военно-судебном ведомстве. В 1890 г., по защите диссертации «Характеристика общей части уложения и воин-

Е. Ю. Романова

ского устава о наказании», получил кафедру военно-уголовного права в Военно-юридической академии. Составил исторический очерк «Военно-юридическая академия» (1891 г.). В 1905 г., получив звание заслуженного ординарного профессора, вышел в отставку. В 1899–1903 гг. читал лекции по военно-уголовному праву в Николаевской академии Генерального штаба, с 1908 г. в Петербургском университете. С 1909 по 1913 г. состоял профессором уголовного права на Высших женских курсах Н. П. Раева. Составил первый на русском языке теоретический курс «Военно-Уголовного права» (1895 г.). С 1897 г. начал земскую деятельность в качестве гласного Бежецкого уездного и Тверского губернского земского собрания. Принимал участие в земских съездах 1904 и 1905 гг. В 1906 г. был одним из основателей партии демократических реформ. В 1906 г. был избран от Тверской губернии членом 1-й Государственной думы; участвовал в комиссиях, был докладчиком по законопроекту об отмене смертной казни. В 1907 г. был избран членом 2-й Думы. С 1898 г. помещал ряд статей в «Праве», «Вестнике Европы», «Северном курьере», «Руси», «Стране», «Слове», «Русских ведомостях», «Дне» и других изданиях. После 1917 г. эмигрировал, жил во Франции. Перешел в католицизм, стал кардиналом.

Толпятся свиньи, не зевая: / Хотят валюты (жолудей), – Ср. басню И. А. Крылова «Свинья и желуди».

№ 3.

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в Торгсин снесли,
Кота в котлеты изрубили,
Русалку паспорта лишили,
А лешего сослали в Соловки.
Из курьих ножек суп сварили,
В избушку три семьи вселили,
Там нет зверей, там люди в клетке,
Над клеткою звезда горит,
О достиженьях пятилетки
Им Сталин сказки говорит.

(1935 г.)

Источник: Пирожкова В. Потерянное поколение: воспоминания о детстве и юности. – СПб., 1998. – С. 222.

У Лукоморья дуб срубили, – Намек на «всеобщий лесоповал» – главный источник валютных доходов и работы в заключении в 1920–1930 гг.

Златую цепь в Торгсин снесли, – В 1930-е гг. Торгсин – магазин, в котором товары продавали на валюту или «боны» (от разговорного сокращения названия Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами). В этом магазине люди могли обменять ценные вещи (серебряную посуду, драгоценности, царские ордена и др.) на дефицитные товары (одежду, еду и т. д.).

Кота в котлеты изрубили, – Намек на нехватку продовольственных товаров.

Русалку паспорта лишили, – В 1920–1930-е гг. определенной категории населения паспортов не выдавали или лишили последних. Это была репрессивная мера, за которой следовала невозможность любого передвижения по России и выезда за рубеж, лишение права голосования.

А лешего сослали в Соловки. – Соловки – концентрационный лагерь на Белом море, куда ссылали «врагов народа» и преступников.

Из курьих ножек суп сварили, – Намек на нехватку продовольственных товаров.

В избушку три семьи вселили, – С 1920 г. началась политика «уплотнения», когда в квартиру, принадлежащую одному человеку, стали вселять несколько семей (ср. первый советский художественный фильм «Уплотнение», режиссеры А. Пантелеев, Г. Пашковская, А. Долинов, сценарий А. Луначарского, впервые показан в 1918 г.).

Там нет зверей, там люди в клетке, / Над клеткою звезда горит, – Варианты комментария: Клетка – тюрьма; Клетка – «железный занавес» в СССР. Звезда – символ социализма и коммунизма.

О достиженьях пятилетки / Им Сталин сказки говорит. – Пятилетка – принятые с 1929 г. при Сталине планы развития хозяйства в стране, по которым в течение пяти лет надо было восстановить дореволюционный уровень жизни и «перегнать его». Подытоживая результаты пятилетки, Сталин несколько преувеличил ее успехи. (Сталин И. В. Вопросы ленинизма: докл. на объединен. Пленуме ЦК и УКК ВКП(б) 7 янв. 1933 г. М., 1947. С. 390).

№ 4.

У Лукоморья дуб спилили,
Златую цепь в Торгсин снесли,

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

Русалку паспорта лишили,
А лешего сослали в Соловки.
И вот теперь то место пусто,
Звезда там красная горит,
И про вторую пятилетку
Сам Сталин сказки говорит. (1950 г.)

Источник: Бахтин В. У Лукоморья дуб срубили... // Нева. – 1993. – № 1. – С. 275–277.

См. коммент. к № 3.

И про вторую пятилетку / Сам Сталин сказки говорит. – Определенные трудности и неудачи были и во второй пятилетке, но, как и в случае с первой, народу говорилось лишь о ее успехах. (Сталин И. В. Собр. соч.: в 13 т. М., 1954. Т. 13. С. 154).

№ 5.

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в Утиль снесли,
Кота на мясо изрубили
И нам на кухню привнесли. (1950-е гг.)

Источник: Бахтин В. Указ соч.

Златую цепь в Утиль снесли. – Утиль – специальные конторы «Утильсырья», в которых перерабатывали отходы, вещи, негодные к употреблению во вторичное сырье. За принесенные отходы выдавались небольшие суммы денег, позже – талоны на дефицитные товары (одеколоны, пену для бритвя, шампуни).

Кота на мясо изрубили / И нам на кухню привнесли. – Намек на нехватку продовольственных товаров.

№ 6.

<...>В избушке двери прорубили
И поселили пять семей,
Из курьих ножек суп сварили
И кормят в очаге детей. (1950-е гг.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

В избушке двери прорубили / И поселили пять семей, – Метафора «уплотнения».

Из курьих ножек суп сварили / И кормят в очаге детей. – Намек на нехватку продовольственных товаров.

№ 7.

Там чудеса: там Родов бродит,
Есенин на заре сидит... (1962 г.)

Источник: Аксенова М. Воспитание чувств художественным словом. – М., 1962. – С. 205.

По мнению М. Аксеновой, автором переделки является В. В. Маяковский.

Там чудеса: там Родов бродит, – Родов Семен Абрамович (1893–1968) – кри-

тик и поэт. Был членом «Кузницы», затем одним из организаторов группы «Октябрь». В 1923–1925 гг. – один из руководителей журнала «На посту», входил в «левое настостовство». В 1930 г. состоял в группе «Литфронта». Декадентский индивидуализм ранних стихов быстро сменился у него воспеванием героики революции, победного пролетарского труда. Его книга «На посту» (1931) была осуждена какозвучная троцкистским взглядам. В последние годы жизни Родов публиковал небольшие рецензии.

№ 8.

Лукоморья больше нет, от дубов простыл и след.

Дуб годится на паркет, – так ведь нет:

Выходили из избы здоровенные жлобы,
Порубили те дубы на гробы.

Распрекрасно жить в домах на куриных на ногах,
Но явился всем на страх вертопрах!

Добрый молодец он был, ратный подвиг совершил –
Бабку-ведьму подпоил, дом спалил!

Припев:

Ты уймись, уймись, тоска,
У меня в груди!
Это только присказка –
Сказка впереди.

Здесь и вправду ходит кот, как направо – так поет,
Как налево – так загнет анекдот,
Но учений сукин сын – цепь златую снес в торгсин,
И на выручку один – в магазин.

Как-то раз за божий дар получил он гонорар:
В Лукоморье перегар – на гектар.
Но хватил его удар. Чтоб избегнуть божьих кар,
Кот диктует про татар мемуар.

Припев:

Тридцать три богатыря порешили, что зазря
Берегли они царя и моря.
Каждый взял себе надел, кур завел и там сидел,
Охраняя свой удел, не удел.

Ободрав зеленый дуб, дядька ихний сделал сруб,
С окружающими туп стал и груб.
И ругался день-деньской бывший дядька их морской,
Хоть имел участок свой под Москвой.

Е. Ю. Романова

Припев:

А русалка – вот дела! – честь недолго берегла
И однажды, как смогла, родила.
Тридцать три же мужика не желают знать сынка:
Пусть считается пока сын полка.

Как-то раз один колдун – врун, болтун и хохотун, –
Предложил ей, как знаток бабских струн:
Мол, русалка, все пойму и с дитем тебя возьму.
И пошла она к нему, как в тюрьму.

Припев:

Бородатый Черномор, лукоморский первый вор –
Он давно Людмилу спер, ох, хитер!
Ловко пользуется, тать, тем, что может он летать:
Зазеваешься – он хвать – и тикиать!

А коверный самолет сдан в музей в прошлый год –
Любознательный народ так и прет!
И без опаски старый хрыч баб ворует, хнычь не хнычь.
Ох, скорей ему накличь паралич!

Припев:

Нету мочи, нету сил, – Леший как-то недопил,
Лешачиху свою бил и вопил:
– Дай рубля, прибью а то, я добытчик али кто?!
А не дашь – тогда пропью долото!

– Я ли ягод не носил? – снова Леший голосил.
– А коры по сколько кил приносил?
Надрывался издаля, все твоей забавы для,
Ты ж жалеешь мне рубля, ах ты тля!

Припев:

И невиданных зверей, дичи всякой – нету ей.
Понаехало за ней егерей.
Так что, значит, не секрет: Лукоморья больше нет.
Все, о чем писал поэт, – это бред.

Ты уймись, уймись, тоска,
Душу мне не рань.
Раз уж это присказка –
Значит, дело дрянь. (1967 г.)

Источник: Песни. – Екатеринбург, 1999. – С. 147.

№ 9.

У Лукоморья дуб срубили,
Кота на мясо зарубили,
Златую цепь в казну стащили,
Русалку в бочку засолили.
Там на неведомых дорожках
Следы разбитых «жигулей».
Там «мерседес» на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там царь Кащей над бомбай чахнет,
Не подходит, а то шарахнет.

Тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля,
А их дядька Черномор
У Салтана десять спер.
Я там был, на пне сидел,
И фарш учений свои мне сказки говорил⁶. (1990 г.)

Источник: Школьный Пушкин. – 1995. – № 5. – С. 255.

№ 10.

<...> Там ступа с Бабою-Ягой
Упорно прется за мукой...
Там царь Кащей по рынку ходит
И спекуляцию наводит⁷. (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

№ 11.

<...> Златую цепь в ломбард снесли<...> (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Златую цепь в ломбард снесли – Ломбард – учреждение для выдачи ссуд под залог движимого имущества.

№ 12.

У Лукоморья дуб спилили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочку посадили
И написали: «Огурцы». (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Русалку в бочку посадили / И написали: «Огурцы». – В деревнях и огурцы, и рыбу солят в бочках, возможно, поэтому образ русалки-полурыбы вызвал такие ассоциации.

№ 13.

У Лукоморья дуб спилили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочку посадили
И тут же посолили.
Там на неведомых дорожках
Скелеты ходят в босоножках,
Там тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля,
А ихний дядька Черномор
Давно их спер на «Беломор»...
Там царь Кащей над водкой чахнет
Не подходит – бутылкой трахнет! (1990 г.)⁸

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Там на неведомых дорожках / Скелеты ходят в босоножках, – Ср. с детскими страшилками.

А ихний дядька Черномор / Давно их спер на «Беломор»... – «Беломорканал» – самая распространенная марка советских папирос, стоимостью 22 к.

№ 14.

У Лукоморья лес валили,
Златую цепь приволокли...
И черный кот приволоченный,
Рабочим лес мешал рубить.
Пойдет направо – нет рубахи,
Налево – рваные штаны...

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

Там мертвый дух, там мертвым пахнет.
Русалка там в избе морской
Всех извела своей тоской.
Там водяной над бомбой чахнет,
Не подходи, а то шарахнет. (1990г.)

Источник: Школьный Пушкин. – 1995. – № 5. – С.255.

У Лукоморья лес валили, / Златую цепь приволокли... – Намек на «всеобщий лесоповал».

№ 15.

У Лукоморья дуб срубили,
Кота на мясо зарубили,
Златую цепь на рынке сбыли,
Русалку в бочке засолили
И написали «Огурцы». Там на неведомых дорожках
Гуляют черти в босоножках. (1990-е гг.).

Источник: Русский школьный фольклор / сост. А. Ф. Белоусов. – М., 1998. – С. 442 – 446.

Там на неведомых дорожках / Гуляют черти в босоножках. – Ср. с детскими страшилками.

№ 16.

У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в трактире снесли,
Кота на мясо зарубили,
А лешего в Сибирь свезли.
И вот теперь в том месте пусто,
И красная звезда горит,
А леший, с ссылки возвратившись,
Народу сказки говорит. (1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Златую цепь в трактире снесли, – Трактир – род дешевого ресторана (первоначально гостиница с рестораном).

А лешего в Сибирь свезли. – Сибирь – устойчивое обозначение мест лагерей, тюрем, ссылок и поселений.

№ 17.

У Лукоморья дуб спилили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочку посадили
И написали: «Огурцы». Там на неведомых дорожках
Скелеты пляшут в босоножках,
Там ступа с Бабою-Ягой
Нахально лезет за мукой.
Там тридцать три богатыря
Дерутся из-за одного рубля,
А старый дядька Черномор
У них уже десятку спер.
Там металлисты мимоходом
Украли «Волгу» (или «Вольво») с скороходом. (1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Там ступа с Бабою-Ягой / Нахально лезет за мукой. – Намек на длинные очереди за разнообразными товарами.

Там металлисты мимоходом – «Металлисты» – представители неформального течения фанатов рок-музыки в стиле хэви-металл.

№ 18.

<...>И верный дядька Черномор
У Бабки-Ежки тыщу спер. (1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

№ 19.

<...>И там я был, и водку пил,
По волосам текло, а в уши не попало. (1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

И там я был, и водку пил, / По волосам текло, а в уши не попало. – Переделка сказочной обрамляющей формулы.

№ 20.

<...>Русалку в бочку засмелили,
Русалана на цепь посадили.
Там на неведомых дорожках
Следы зеленых «Жигулей»,
Там БМВ на куриных ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там в облаках перед народом,
Через леса, через моря
Костьль несет богатыря,
Там ступа с пьяно Ягой
Идет-бредет сама собой
Там царь Кащей над златом чахнет,
Не подходи – бутылкой трахнет!
Там французский дух,
Парижем пахнет.
И я там был, и водку пил,
По усам текло, а в нос попало.
У Лукоморья видел пень без цепи,
Кота я мясо ел, который
Песни больше не поет... (Осень 1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

№ 21.

У лукоморья дуб высокий,
Златая цепь на дубе том,
И днем, и ночью кот голодный
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо – о мышах мечтает,
Налево – сказку сочиняет.
Там чудеса – там крыса бродит,
Русалка эту крысу ловит.
Там на неведомых дорожках
Следы скелетов в босоножках,
Джип стоит на куриных ножках
Стоит без окон, без дверей.
А тридцать витязей прекрасных
В нем ищут тридцать три рубля.
И с ними дядька их кругой
С большой мохнатой рукой
Гоняет грозного царя.
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря.
И царевна горько плачет,
А серый волк ей верно служит.
Там царь Кащей над бомбой чахнет,
Не подходи, а то бабахнет.
И я там был, все видел сам,

Е. Ю. Романова

И кот голодный
Свои мне сказки говорил. (2003г.)

Источник: Иванов А. 7-й кл., Республика Башкортостан.

И с ними дядька их крутой / С большой мохнатою рукой – «Крутой», «с мохнатою рукой» – люди, имеющие большие деньги и связи.

№ 22.

У Лукоморья лес валили
И коноплю там посадили,
И тридцать три богатыря
Ее курят до утра.
Кота на мясо зарубили
И на шашлык его пустили.
Друзья, довольные собой,
Русалку сделали рабой.
Там чудеса, там есть притон,
Где раздается чей-то стон.
Кащей – в законе вор давно
Снимает там свое кино. (2003г.)

Источник: Ксюша 6-й кл., Республика Башкортостан.

№ 23.

У Лукоморья три придурка
Стрельбу затеяли из лука.
Судьбу поймать свою рещили,
Народ весь только насмешили.
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных гадзил.
Когда же мимо проходил,
Одну из них я задавил.
Там Петросян от рук отбился,
Назло жене с котом сдружился.
Театр он забросил свой,
Без зеркала всегда кривой. (2003г.)

Источник: Вахитова Л. 7-й кл., г. Октябрьский, Республика Башкортостан.

У Лукоморья три придурка / Стрельбу затеяли из лука. – Ср. со сказкой «Царевна-Лягушка».

Там на неведомых дорожках / Следы невиданных гадзил. – Гадзила – персонаж американского фильма 1990-х гг. – дракон-мутант огромных размеров.

Там Петросян от рук отбился, – Е. В. Петросян – эстрадный артист, юморист, ведущий программы «Смехопанorama», выступает в телепрограммах: «Аншлаг, аншлаг!» и «Кривое зеркало».

№ 24.

У Лукоморья дуб свалили,
Уху с русалкою сварили.
Кот сказки нынче позабыл,
Не помнит, кто его побил.
И всякий раз, бродя окрест,
Грозится, что кого-то съест.
Там на неведомых дорожках
Шагают бодро куры ножки,
Бегом бегут в курятник свой,
Подальше от колдуны злой.

Там царь Кащей о чем-то плачет,
А может, просто всех дурачит...
Он цепь златую спер давно –
Нучем не классное кино?!

Вот так живут у Лукоморья...
Сама была я там, друзья,
Никто мне сказки не сказал,
Где мед лежит, не показал. (2003г.)

Источник: Хамидуллина А. 7-й кл., г. Октябрьский, Республика Башкортостан.

№ 25.

<...> Там чудеса: Руслан там бродит,
Людмила на ветвях сидит.
Там на болотистых дорожках
Следы невиданных когтей.
Там щеголяют в босоножках
Сто тысяч маленьких чертей. (2003г.)

Источник: Исламова А. 5-й кл., Республика Башкортостан.

№ 26.

А в Лукоморье перемены...
Котище стал теперь барменом,
Яга купила экипаж,
Сопровождает ее паж,
Кащей – мастак плясать лезгинку
В своих оранжевых ботинках,
Там тридцать два богатыря
Берут за «крышу» три рубля,
А тридцать третий богатырь
Ушел молиться в монастырь.
В русалку ведьма вдруг вселилась,
Она взяла да утопилась.
Там двадцать мокрых водолаза
Кричат все хором: «Эх, зараза!»
И с ними дядька их родной,
Весь лысый, с красной бородой. (2003г.)

Источник: Лаптев Н. 7-й кл., Республика Башкортостан.

Кащей – мастак плясать лезгинку / В своих оранжевых ботинках, – Страна из песни М. Гребенщикова – участника проекта Первого канала «Фабрика звезд» «Танцы – обниманцы»: «А мы танцуем лезгинку в оранжевых ботинках».

Там тридцать два богатыря / Берут за «крышу» три рубля. – «Крыша» – прикрытие; охрана, защита от опасности. Обычно «крышей» в 1990-е гг. называли бандитское «прикрытие».

№ 27.

У Лукоморья дуб срубили,
На пилораме распилили,
Кота там цепью задушили,
А может, рыбой отравили.
Русалке голову разбили
И кислотой ее полили.
Там на неведомых дорожках
Следы неведомых людей,
Похожих очень на зверей,
Кукушка там на куриных ножках
Стоит, как будто в босоножках.
Там царь Кащей над златом чахнет

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

И от него так дурно пахнет.
И я там был,
Кота, русалку схоронил,
Кукушке ноги заменил,
А про Кащея я забыл. (2003г.)

Источник: Пыченков И. 7-й кл., Республика Башкортостан.

№ 28.

У Лукоморья дуб взбесился,
Сожрал кота и застрелился!!! (2003г.)

Источник: rekhson@yahoo.com или Гарик из Хьюстона

№ 29.

У Лукоморья дуб зеленый
С котом поссорился ученым.
А как уж спор у них возник,
Никто не знает. Но язык
Зверюшек разных мне донес,
Что спором был у них вопрос:
Кто в Лукоморье самый главный.
Вначале речь велася плавно,
Потом раздался громкий крик,
Дуб головою вдруг поник,
Признав победу Бауна.
Но и у славы есть цена:
Ходить вокруг дуба целый год
И тешить сказками народ. (2003г.)

Источник: Романова Е. П., 1959 г. р.

Признав победу Бауна. – Баун – волшебный кот в мифологии славян.

№ 30.

В автопарке танк зеленый,
Златая цепь на танке том,
И днем, и ночью «дух» учений
Все ходят с газовым ключом.
Идет направо – болт закрутит,
Налево – топливо зальет,
Там чудеса, там прapor бродит,
Механик песенки поет.
Там на неведомых дорожках
Следы красивых женских ног,
А здесь везде на всех дорожках
Следы от кирзовых сапог. (2003г.)

Источник: Щипцин С., 1985 г. р.

И днем, и ночью «дух» учений – «Дух» – обозначение солдата в первые полгода службы.

Там чудеса, там прapor бродит, – Прапор (прапорщик) – воинское звание лиц, добровольно проходящих службу сверх установленного срока, а также лицо, имеющее это звание.

№ 31.

У Лукоморья «зил» сто тридцать,
Ефрейтор Вася в «зиле» том.
И днем, и ночью дух учений
Все ходят с гаечным ключом.
Пойдет направо – болт закрутит,
Налево – топливо зальет.
Там чудеса, там прapor ходят,

И техник песенки поет.
У эстакады вдоль дорожки
Среди шурупов и ключей
Каптерка там на курых ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там день и ночь дневальный чахнет,
Там русский дух, там спиртом пахнет.
И там я был, и спирт я пил,
У эстакады видел «зил». (2003г.)

Источник: Сидоров К., Москва.

У Лукоморья «зил» сто тридцать, – «Зил-130» – пятитонный грузовик, обладающий высокими эксплуатационными свойствами.

Ефрейтор Вася в «зиле» том. – Ефрейтор – второе в порядке старшинства (после рядового) звание солдата, а также солдат, имеющий это звание.

Каптерка там на курых ножках / Стоит без окон, без дверей, – Каптерка – склад имущества в воинской части, а также в цехе, на стройке.

Там день и ночь дневальный чахнет, – Дневальный – рядовой, назначаемый на сутки в помощь дежурному по подразделению, преимущественно для уборки, дежурства «на тумбочке» (тумба с телефоном).

№ 32.

У лукоморья дуб зеленый
Хранил преданья двести лет.
В грозу шумел густою кроной,
В тени стихи писал поэт.

Там пленник – кот в цепях ужасных
Былины русские слагал
О витязях морских прекрасных,
О колдунах с прибрежных скал.

Не помнят нынче лукоморья...
Там нет чудес, не бродит леший;
Стихов не прячут в изголовье;
Прохожий редкий ныне пеший.

Чтоб помнить тропку к лукоморью,
Росток зеленый посажу,
И память приведет к Тригорью –
Ее цветами наряжу.

Душе настанет пробужденье,
Как заклинанье, я твержу.
Ответ на все свои сомненья
В твореньях Пушкина ищу.

Любовью истинной, глубокой
(Ее измерить не берусь)
В надменный век игры жестокой
Любил поэт святую Русь. (2003г.)

Источник: Ноздрякова Л., Уфа.

И память приведет к Тригорью – Тригорье – усадьба Осиповых-Вульф «Тригорское», которую посещал А. С. Пушкин в

Е. Ю. Романова

1817, 1819, 1824–1827, 1835 гг. и где были написаны многие из его стихотворений.

№ 33.

У Лукоморья дуб зеленый
Петух сидит на дубе том.
И днем, и ночью он, бездомный,
Все соревнуется с котом.
Идет направо – хвать русалку,
Налево – лешего срамит.
Там чудеса, там перепалка
В войну уж вылиться грозит.
Там на неведомых дорожках
Следы замученных людей,
Избушку там на куриных ножках
В темницу превратил Кащей.
Там царь зверей над златом чахнет,
Там дух лесной злодейством пахнет. (2003 г.)

Источник: Бондаренко А., 1984 г.р., Майкоп, Республика Адыгея.

№ 34.

У лукоморья дуб зеленый,
В златую цепь давно влюбленный,
В коте соперника узрел
И вражьей смерти захотел.
Но передумал: не годится
На божью тварь ему сердиться.
С клеймом лунатика на лбу
Кот день и ночь по древу ходит
И скучу песнями наводит,
Кляня в душе свою судьбу. (2003 г.)

Источник: Романова Е. П., 1959 г.р.

№ 35.

У Лукоморья панк зеленый,
Златая цепь на панке том.
И днем и ночью панк «ученый»
Все ездит на «байке» своем.
Направо едет – рок врубает,
Налево – песню сам поет
О том, как «бабки» зашибает,
О том, как «травку» достает. (2004 г.)

Источник: Мусин А. 7-й кл., Республика Башкортостан.

У Лукоморья панк зеленый, / Златая цепь на панке том. – Панк – представитель неформального молодежного движения, возникшего на Западе в 1970-е гг., культивирующего агрессивное неприятие общественных норм жизни, что выражается в манере поведения (грубость), одежде (обычно, черного цвета), аксессуарах (булавки и т. п.), а также в прическе типа «ирокез» в виде продольного гребня от лба до затылка, часто окрашенного в яркий красный, зеленый и иной цвет.

Все ездит на «байке» своем. – «Байк» – сокр. от «байкер» – член неформальной группы мотоцилистов-любителей, одевающихся в куртки и брюки из черной кожи с металлическими накладками

и совершающихочные шумные рейды по городским и пригородным шоссе.

О том, как «бабки» зашибает, – «Бабки» – деньги.

О том, как «травку» достает. – «Травка» – наркотики.

№ 36.

У Лукоморья дуб кудрявый,
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью котик пьяный
По ней все ходят босиком.
Ползет направо – рэп заводит,
Налево – байки говорит.
Там чудеса, там бомжик бродит,
И чертик на ветвях сидит,
Там королевич мимоходом
Чихнул на грозного царя,
Там в небесах перед народом
Колдун избил богатыря,
Там царь Кащей с хандрай простился
И на русалочке женился.
У Лукоморья Пушкин был,
У моря видел дуб кудрявый,
Под ним сидел, и котик пьяный
Всю эту чушь нагородил. (2004 г.)

Источник: Рогозин И. 7-й кл., Республика Башкортостан.

Ползет направо – рэп заводит, – Рэп – стиль музыки, появившийся в Америке в конце 1990-х гг., представляющий собой речитатив.

Там чудеса, там бомжик бродит, – Бомж – 1) «Без определенного места жительства» – аббревиатура, принятая в милиции как информация о паспортных данных; 2) тот, кто не имеет постоянного места жительства, прописки, определенных занятий, бездомный, бродяга.

№ 37.

У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том
И сам по жизни дуб – крученый
И навороченный кругом.
Пойдет направо – «Мерс» заводит,
По «сотовому» говорит.
Налево он совсем не ходит,
Он чисто в офисе сидит.
Там все, кто может, ходят в коже,
А кое-кто родился в ней.
Там продадут куриных ножек,
Причем отдельно от курей,
Там могут загрузить по полной,
А если чем-то недовольный,
То обращайся за братвой,
И тридцать витязей здоровых
Поговорят со всеми ровно.
И с ними дядька их круты.
Царевна там в приемной тужит,
Видать, не тем начальству служит.
Аступа с бабо Ягой
Торгует грамотно собой,
Кашея киллеры бабахнут,
Там «новым русским» духом пахнет! (2004 г.)

Комментарий к переделкам «Пролога» А. С. Пушкина

Источник: Саня Пушкин («Пушка») (<http://fidolib.h1.ru/?0582=09&0415>)

Пойдет направо – «Мерс» заводит, – «Мерс» – (сленг) марка немецкой машины «Мерседес».

По «сотовому» говорит. – Сотовый телефон.

Налево он совсем не ходит, – «Ходить налево» – изменять супруге.

Там продадут куриных ножек, /Причем отдельно от курей. – С начала 1990-х гг. одной из первых рыночных реалий в России стали куриные окорока, поставляемые из США, до сих пор сохранившие название «ножек Буша» по имени тогдашнего президента США.

To обращайся за братвой, – «Братва» – мафиозная группировка, среди членов которой принято обращение друг к другу «брать».

Кащей киллеры бабахнут, – Киллер – профессиональный наемник, совершающий заказные убийства. Бабахнут – (сленг) убьют.

№ 38.

В глухи Российского Подворья,
Где не изгажен русский дух,
По-прежнему у Лукоморья
Шумит листвою старый дуб.

Там по цепи злаченой ходит,
Как в старину, ученый кот;
Идет направо – песнь заводит,
Налево, как известно, врет.

И пусть бы врал, да плоховаты
Пошли у витязей дела;
Одни, подаввшись в демократы,
Разоружились догола;

Другие не сдауют мечей
Для переделки на орала,
Смекнув, что вряд ли царь Кащей
Перековался на Барана.

И Дядька тут им не указ;
Да тот и сам, в обход законов,
Российский золотой запас
Крадет для братьев-соломонов.

Хиреет, рушится держава,
Народ устал уже стонать...
Однако кот пошел направо –
Пора и песню начинать... (2004 г.)

Источник: <http://ashinfo.narod.ru/library/Ruslan I Ludmila.htm>

Для переделки на орала, – «Перековать мечи на орала» (метафора) – кончив войну, приступить к мирному труду.

И Дядька тут им не указ; – Дядька – Б. Н. Ельцин – первый президент России.

Крадет для братьев-соломонов. – Частотная мифологическая антисемитская формула, объясняющая причины обедне-ния России.

№ 39.

У лукоморья дуб трухлявый;
Цепь бугафорная на нем:
Облезлый кот не на халяву
Там ночью шастает и днем;
Налыают сто грамм – куплет замочит,
Под закусь – врежет анекдот.
Там чудеса: там леший дроцит,
Русалка на ветвях дает,
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных б...;
В избушке там мелькают ножки
И гроздья спелые грудей;
Там всем п....ц приходит полный,
Когда внезапно хлынут волны
На золотой песчаный брег,
И тридцать витязей прекрасных,
Вздымаая тридцать членов красных,
Вершат стремительный набег;
Там королевич мимоходом
Кидает через х.. царя;
Там на конце, под небосводом
На яйцах собственных паря,
Колдун несет богатыря;
Без мужиков там дева тужит,
Хоть бурый волк е...т не хуже;
Там ступа с бабою и без
Б... и водку возит в лес;
Кащей от сифилиса чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

И там я был, с б... пил;
Русалку драл, куда лишь лезло;
Под дуб блевал, и кот облезлый
Х...ю мне разную травил.
Одна запомнилась мне: эту
Х...ю поведаю я свету... (2004 г.)

Источник: <http://www.dix.ru>

№ 40.

Анекдот: «На уроке русской литературы после прочитанного отрывка из Пушкина учительница интересуется, все ли понятно? Вовочка тянется руку:

– МарьВанна! А кто такие «ЕПИ»?
– А где это ты нашел в стихотворении?
– «У Лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит Поц, – ЕПИ кругом...» (2004 г.)

Источник: rekhson@yahoo.com или Гарик из Хьюстон.

Все ходит Поц, – ЕПИ кругом... – Поц (идиш) – половой член.

№ 41.

Анекдот: Маленький мальчик спрашивает у мамы:

– Ма, а что такое ПИ?
– Это такое число. Будешь в школе математику изучать и узнаешь. А где ты услышал?
– Да вот, стишок: ... кот ученый все ходит, поц, И, ли кругом. (2004 г.)

Е. Ю. Романова

Источник: <http://anekdot.mail.ru/20030819/anecdote.html>

См. комментарий к № 40.

№ 42.

*A. С. Пушкин «Руслан и Людмила»:
Как говорится, у Лукоморья, типа того, что дуб,
значит, зеленый
Такая история, златая, как бы, цепь на э - э - э...
дубе том.
Ну-у-у... И днем, как бы, и ночью кот, понима-
ешь, ученый,
Вроде как, ходит, в смысле, по цепи, типа там,
кругом.* (2004 г.)

Источник: Кривицкий Р. Дополнительные правила русского языка. – М., 2004. – С. 25.

Примечания

¹ Зуева Т. В. Сказки Пушкина. – М., 1989. – С. 17.

² Рейсер С. А. Бурый волк // Временник Пушкинской комиссии, 1979. – Л., 1982. – С. 13.

³ Азадовский М. К. Пушкин и фольклор. – М., 1937. – С. 2.

⁴ Пирожкова В. Потерянное поколение: воспоминания о детстве и юности. – СПб., 1998. – С. 222.

⁵ Лурье М. Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор: От «вызований» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. – М., 1998. – С. 65. – (Рус. поэтическая литература).

⁶ Варианты:
У Лукоморья дуб спилили,
Златую цепь в карман сложили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочке засолили,
И написали «огурцы». Там тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля.
Там на неведомых дорожках
Верблюды скачут в босоножках.
В темнице там царевна дрищет,
А серый волк бумажку ищет.
Там царь Кащей над водкой чахнет,
Не подходи — бутылкой трахнет.
Там ступа с Бабою-Ягой
Летит — перид сама собой. (2003 г.)

Источник: <http://kto-kto.narod.ru/peredelki.html>

У лукоморья дуб срубили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочке засолили,
А леших на огне сожгли.

(позднейший вариант, после установки памятника на Арбате

«И Пушкина с женой убили!» –
пели дети Сима и Алеша) (2003 г.)

Источник: <http://imperium.lenin.ru/LJ/aculeata/2001/7/index1.html>

У Лукоморья дуб спилили,
Кота к пеньку приколотили,
Русалку в море утопили,
А золотую цепь пропили. (2003 г.)

Источник: Попов А. 7-й кл., Республика Башкортостан.

⁷ Варианты:
<...> Там ступа с Бабою-Ягой
Нахально лезет за мукой,
А тридцать витязей подряд
За сигаретами стоят.
За ними дядька Черномор –
Он покупает «Беломор». (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

...Там царь Кащей над бомбой чахнет
И ждет, пока она шарахнет...
И я там был, и видел пень дубовый,
И кот, изрубленный на мясо,
Свою мне участь говорил. (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Там сень и дом видений полны,
Там на заре воняют волны... (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

Там тридцать витязей прекрасных
В помойке ищут два рубля,
А черный дядька, черный вор
У них уже пятерку спер.
Там царь Кащей над златом чахнет,
Не подходи — гранатой трахнет.
И там я был, и ел, и пил,
У моря видел дуб весь черный,
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил. (1991 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

⁸ Варианты:
У Лукоморья дуб срубили,
Златую цепь в Утиль снесли,
Кота на мясо разрубили,
Русалку в море утопили,
А лешиго с ума свели...
<...>
Слоны танцуют в босоножках

(У одного пятиклассника:

Слоны катаются на кошках). (1990 г.)

Источник: Бахтин В. Указ. соч.

<...>
Русалку в бочке засолили
<...>
Там царь Кащей над златом чахнет,
Не подходи, а то бабахнет.
Там тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля. (1990 г.)

Источник: Школьный Пушкин. С. 254.

<...>
Златую цепь в русалку вбили,
Кота на мясо порубили
И тем царевну накормили. (1990 г.)

Источник: Школьный Пушкин. С. 254.

ПУБЛИКАЦИИ

С. В. Белецкий

**ПЕСНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ
КАК ОБЪЕКТ МУЗЕЕФИКАЦИИ
(к постановке проблемы)**

Мы говорим, что время делает песни.
Это верно. Но и сами песни чуть-чуть
делают время.
Ю. И. Визбор. Верю в семиструнную
гитару.

Корректна ли сама постановка вопроса о музеефикации песенного фольклора? Решусь ответить утвердительно. Музей – средоточие памятников материальной и духовной культуры, так что функции его сводятся к четырем основным: собрать, сохранить, изучить и показать подлинные реалии различных эпох и народов. Песни – визитные карточки своего времени, поэтому они, безусловно, являются важнейшими памятниками истории и культуры. Именно в этом качестве служат объектами изучения исторические песни и баллады¹. И именно в этом качестве песни могут стать объектами музеефикации. Иначе говоря, песни можно собирать, сохранять, изучать и показывать².

Сказанное в полной мере относится к фольклоризованным «самодеятельным» («дворовым», «уличным», «экспедиционным», «авторским») песням, музейная значимость которых сродни музейной значимости литературных и этнографических памятников.

Превращение самодеятельной песни в объект музеефикации затруднено спецификой этих памятников. Теоретически ясна процедура сортирования: необходима письменная фиксация текстов, нотирование мелодий, аудио- и видеофиксация исполнения. Отмечу, что в последнее десятилетие фиксация песенного фольклора второй половины XX в., хотя и избирательно, но проводится – это и публикации сборников песен, и пластинки авторских песен, и магнитоальбомы, а в последнее время также CD-записи. Разумеется, есть и свои трудности, но они, в конечном счете, преодолимы: публикация текстов уже началась³, хотя поисковые работы проводятся и не столь активно, как это следовало бы делать⁴. Таким образом, наиболее актуальным остается продолжение целенаправленной фиксации и введения в научный оборот песенного фольклора. В *Приложении 1* к настоящей статье публикуется рукописный песенник, составленный в 1963 – 1965 гг. в археологических экспедициях ЛОИА (ныне – ИИМК).

Процедура *сохранения* песни сложнее. Реально в музейных фондах можно хранить аудио- и нотные записи песен, тетради-песенники, фото-, кино- и видеоматериалы, фиксирующие исполнение песни, в т. ч. – авторское⁵. Снабженные инвентарными номерами музейной коллекции, все эти памятники истории и культуры своего времени, безусловно, сохраняются для потомков. Однако находящиеся в фондах музея источники по истории песен лишь в малой степени отражают то место, которое занимали сами песни в живой культуре.

Наиболее адекватно, хотя и с неизбежной субъективностью, фиксируют роль песни в обществе воспоминания авторов, исполнителей и непосредственных слушателей: именно этот круг источников позволяет определять хронологию бытования песни в живой культуре, а для безымянных песен – иногда устанавливать автора произведения. К сожалению, число доступных источников такого рода невелико, так что запись воспоминаний о песнях⁶ – одна из наиболее актуальных в настоящее время задач, связанных с проблемой музеефикации песенного фольклора. В *Приложении 2* к настоящей статье публикуются примеры такого рода воспоминаний.

Процедура *изучения* современного песенного фольклора может быть проведена с опорой на традиционные методики, разработанные в литературоведении и фольклористике. Правда, существуют различные точки зрения относительно того, какие из источников следует рассматривать в качестве фольклорных, однако включение современных

Песни археологических экспедиций как объект музеификации

«самодеятельных» («авторских») песен в число фольклорных источников представляется очевидным⁷, как очевидна фольклорная природа авторских частушек и анекдотов.

Наиболее трудная часть музеификации песен – их показ. В отношении любого памятника истории и культуры основная задача музеификации – дать полноценное представление о том месте, которое этот памятник занимал в живой культуре. Но в отношении песен достичь необходимого эффекта путем создания традиционной экспозиции невозможно: в каком виде ни создавать ее, впечатление от экспонатов (даже от аудио- и видеоряда) не будет полноценным, поскольку при построении традиционной экспозиции отсутствует важнейшая составляющая восприятия – сопричастность действию.

Тем не менее, в арсенале современного музееведения имеются наработки, которые могут быть использованы на заключительном этапе процесса музеификации песни. Речь идет об освоении музейной информации методами музейной педагогики. «Музей представляет широкие возможности как для общения с музейной информацией, так и для... неформального межличностного общения», – подчеркивали Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница и Е. Е. Герасименко, называя в качестве возможных форм музейной деятельности встречи, посиделки и концерты⁸. Именно такие формы музейной деятельности представляются оптимальным решением проблемы показа песни в пространстве музея⁹. Подобным образом иллюстрировались основные положения настоящей статьи, излагавшиеся в докладе, прочитанном 20 апреля 2005 г. на III Всероссийской научно-практической конференции «Музейное образование. Взаимодействие общепрофессиональной и специальной подготовки» в СПбГУКИ. В *Приложении 3* к статье публикуется сценарий «песенного концерта», написанный в 2001 г. для юбилейного вечера, посвященного 80-летию со дня рождения профессора кафедры археологии исторического факультета СПбГУ А. Д. Столяра.

Конечно, концертная программа, составленная из песенного фольклора, – это наиболее естественный способ показа песен. Удачный опыт музеификации «дворовых» песен на протяжении ряда лет демонстрировала радио-, а позднее – телепередача «В нашу гавань заходили корабли», представлявшая собой посиделки «тусовочного» типа с элементами концертной программы¹⁰. Считать, что эта передача в полном объеме музефицирует памятники песенного фольклора второй половины XX в., не приходится: хотя *сборивание* песен проводится, их показ явно преобладает над *сохранением*, а *изучение* в принципе отсутствует. Впрочем, это осознается и самими авторами программы: «Наш сборник не научный, он не имеет отношения к фольклористике... Наша задача вернуть людям то, что у них было отобрано партийной официальщиной»¹¹.

В отношении песенного фольклора археологических экспедиций, главный (а во многом пока и единственный) опыт показа песен – это экспедиционные «посиделки у костра», где происходит демонстрация песен («экспозиция»), а «старики» («экскурсоводы») подробно комментируют для «новичков» («экскурсантов») происхождение и судьбы этих песен (как реальные, так зачастую и легендарные). Решусь, поэтому, высказать достаточно неожиданный вывод: в настоящее время археологические экспедиции являются функционирующими в естественных условиях музеями песенного фольклора, причем не только фольклора собственно археологического, но, с учетом песенного репертуара археологических экспедиций, и шире – песенного фольклора российской интеллигенции. «Посиделки у костра» в экспедициях, на мой взгляд, являются, до известной степени, аналогом кухонным посиделкам 60-х и 70-х гг. ХХ в., воспетым Юлием Кимом¹².

Предлагаемый вариант решения проблемы показа экспедиционных песен, казалось бы, оставляет открытым важнейший вопрос: где следует проводить грань между *живым бытованием* памятника и его *показом*. Иными словами, до какого момента участники экспедиционных «посиделок у костра» остаются сторонними наблюдателями («экскурсанты», «посетителями»), и с какого момента они сами становятся носителями элементов экспедиционной субкультуры, в т. ч. – песенной («экскурсоводами», «хранителями»)?

Думается, что подобного рода затруднение на самом деле мнимое. Действительно, «посиделки у костра» только до определенного предела соотносимы с применяемым в музейной педагогике концертным методом¹³: как правило, подобного рода показ ограничивается первым вечером, а уже со второго какая-то часть «новичков» более или менее

С. В. Белецкий

активно включается в повседневный песенный быт. Тем не менее, носителями экспедиционного песенного фольклора становятся в дальнейшем лишь немногие участники экспедиции, а большинство так и остаются слушателями, т. е. – «наблюдателями-экскурсантиами». Для этого-то большинства экспедиционные «посиделки у костра» и являются музеем песни, своеобразным музеем под открытым небом, причем именно участие в таких посиделках, как показывает практика, активизирует внимание и интерес слушателей и к экспедиционной субкультуре, и к археологии в целом.

* * *

Основные положения настоящей статьи были изложены в предисловии к брошюре «Песенный фольклор археологических экспедиций», изданной в серии пособий «Далекое прошлое Пушкиногорья» для студентов кафедры музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ, выезжающих на полевую археологическую практику в Государственный Пушкинский заповедник (Псковская область)¹⁴. Брошюра содержала 27 комментированных текстов песен, зафиксированных рукописными сборниками и полевыми записями в различных археологических экспедициях. Наряду с бытующими в экспедициях классическими образцами городского песенного фольклора XVIII – XX вв. («Крамбамбули», «Султан», «Там, где Крюков канал...», «По рюмочке, по маленькой...», «В трудные минуты...»), в сборник были включены песни, распространенные почти исключительно в археологических экспедициях («Скифская баллада», «По звездам млечного пути», «Гимн археологов» и др.)¹⁵. Кроме того, брошюра содержала две статьи о песенном фольклоре археологических экспедиций¹⁶, а также воспоминания о песнях, бытовавших в Псковской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1960 – 1980-е гг. и в Изборской экспедиции ИА АН СССР в 1970 – начале 1980-х гг. Воспоминания сопровождались публикацией текстов¹⁷.

Небольшой тираж брошюры (400 экз.) разлетелся мгновенно: уже на следующий год мне приходилось в ответ на просьбы коллег дарить не экземпляры брошюры, а дискету с файлами. Конечно, это свидетельствует не о достоинствах издания, а, прежде всего, о нехватке подобного рода литературы. Тем не менее, полагаю, что пособие оказалось по крайней мере небесполезным.

Я не стал бы останавливаться на характеристике брошюры, вышедшей из печати пять лет назад (тем более, что в настоящее время готовится дополненное и переработанное издание, которое предполагается сопроводить CD), если бы вскоре после публикации «Песенного фольклора археологических экспедиций» в печати не появился негативный отклик на это издание. В предисловии ко второму изданию сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции» профессор кафедры археологии МГУ, доктор исторических наук А. С. Хорошев отметил: «С. В. Белецкий в рамках проводимого им курса для студентов-археологов предпринял препарирование фольклорного экспедиционного наследия по методическим принципам археологии, расслоив по классам, категориям и типам. Возможно, для учебного курса (хотелось бы, правда, узнать, в какой форме происходит его изложение, а также прием зачета?) подобная хирургия допустима, но впечатление жутковатое: обескровленные тексты разложены по баночкам и расставлены по полочкам»¹⁸.

Резкое и крайне безапелляционное заключение Хорошева, безусловно, требует ответа.

Прежде всего, в процитированном тексте содержатся, по меньшей мере, две фактические ошибки. Во-первых, пособие «Песенный фольклор археологических экспедиций» ориентировано не на студентов-археологов, а на студентов-музееведов, для которых знакомство с археологией ограничивается прохождением трехнедельной археологической практики. Во-вторых, «препарирование фольклорного экспедиционного наследия по методическим принципам археологии», которое рецензент приписал мне, на самом деле обосновано в двух статьях, написанных профессиональными фольклористами, так что ни о каких «методических принципах археологии» речи нет; правда, я разделяю и классификацию современного песенного фольклора, предложенную А. С. Башариным и М. В. Вениг, и саму оценку феномена «экспедиционных песен», содержащуюся в статьях этих авторов, так что принимаю оценку Хорошева на свой счет.

Однако дело не в фактических ошибках. Хорошева не устраивает сам факт группировки экспедиционных песен¹⁹. Действительно, публикуемые тексты и комментарии к

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

ним распределены по нескольким группам («Студенческая классика», «Современная анекронтика», «Литературный цикл», «Историко-культурные сюжеты», «Случайные песни», «Археологическая классика», «Северо-Запад», «Юг»). Но, во-первых, эти группы не искусственные, а реально существующие, причем каждая из них может быть заметно расширена (в текст пособия включены лишь наиболее выразительные примеры). Во-вторых, наша брошюра не является песенником, хотя, по имеющимся сведениям, в настоящее время используется именно в этом качестве во многих археологических экспедициях, работающих на Северо-Западе, в Причерноморье, на Урале и в Сибири. И, в любом случае, при отборе текстов для брошюры требовалось определить очередность их размещения в издании. Подготавливая песенный фольклор Новгородской экспедиции к публикации, сам Хорошев избрал хронологический принцип размещения текстов, что совершенно оправданно при публикации локального фольклора²⁰. При публикации же общего фольклора, характеризующего субкультуру в целом, строгое следование подобному принципу затруднено, поскольку большинство фольклоризированных песен существует во многих вариантах, зачастую различающихся между собой и территориально, и хронологически.

Возможно, сформировавшееся у Хорошева «впечатление» от нашей брошюры объясняется иным подходом к тому, что считать песенным фольклором. Комментируя принцип отбора текстов для сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции», Хорошев подчеркивал: «Даются только те (песни. – С. Б.), которые написаны в экспедиции участниками экспедиции на экспедиционные темы и, чаще всего, приуроченные к экспедиционному празднованию Бересты»²¹, а о прочих песнях, поющищихся в Новгородской экспедиции, упоминает глухо²². Таким образом, Хорошев считает песенным фольклором исключительно локальные песни.

Мне такой подход представляется принципиально неверным. Песенный быт любой экспедиции складывается из различных составляющих, и локальные песни в репертуаре «вечерних посиделок», как правило, занимают достаточно скромное место, уступая первенство городскому фольклору и песням бардов (а в последние годы также русскому року). Новгородская экспедиция не является в этом отношении исключением. В тех редких случаях, когда мне довелось принимать участие в «посиделках» Новгородской экспедиции (вторая половина 1970-х гг.), песенный репертуар застолья принципиально не отличался от репертуара большинства других экспедиций, а из собственно новгородских песен звучали, насколько мне помнится, только написанные в 1947 г. «Экстра» и «Товарищ Колчин»²³.

Конечно, надо быть благодарным составителям сборника «Фольклор Новгородской археологической экспедиции»²⁴ за введение в научный оборот огромного пласта локального песенного фольклора с коротким периодом активного бытования большинства составляющих его песен. Изданиями локального песенного фольклора являются также сборник фольклора Нимфейской²⁵ и, по-видимому, Хорезмийской²⁶ экспедиций. Наиболее интересной среди подобного рода публикаций, на мой взгляд, стала только что изданная брошюра В. М. Воробьева и И. Н. Черных, содержащая широко известный в археологических экспедициях Северо-Запада «Кодекс НКЭ» и тексты песен, написанных в экспедициях 1970 – 1980-х гг., работавших на Верхневолжье²⁷. Особо отмечу, что к брошюре приложен CD с полевыми (!) записями песен: на конверте, в который вложен CD, имеется наклейка: «Просим извинить за качество: в основу диска положены любительские магнитофонные записи конца 80-х годов прошлого века из личного архива» (подчеркнуто издателями. – С. Б.).

Безусловно, фольклорная летопись Новгородской экспедиции – бесценный источник не только для изучения истории самой экспедиции, но, зачастую, и для уточнения судеб конкретных археологических находок²⁸. Но, исключив из публикации сведения о реальном репертуаре «вечерних посиделок», Хорошев тем самым лишил будущих исследователей песенного фольклора XX в. возможностей сопоставлять песенный быт Новгородской экспедиции с песенным бытом других экспедиций. В этом отношении заметно более презентативным источником является изданный Вал. А. Булкиным сборник экспедиционного фольклора «Мы по речке, по Каспле идем...»²⁹: наряду с локальным фольклором здесь представлены также основные составляющие повседневного песенного быта экспедиции.

С. В. Белецкий

Что касается риторического вопроса Хорошева о «форме изложения» курса и процедуре проведения «зачета», то ответом на него является, в известной степени, настоящая статья. Правда, этот ответ содержался уже в предисловии к сборнику «Песенный фольклор археологических экспедиций»³⁰, так что вопрос действительно риторический.

* * *

Публикуемые ниже приложения представляют собой опыты музеефикации песенно-го фольклора. В подготовке текстов к изданию принимали участие петербургские фольклористы А. С. Башарин и М. В. Венинг, которым я искренне благодарен не только за участие в изучении публикуемых источников, но и за неоднократные консультации по вопросам изучения песенного фольклора. Подстрочные примечания, обозначенные цифрами, со-ставлены мною (кроме тех случаев, где авторство оговаривается), а обозначенные звездочками – принадлежат авторам публикуемых текстов. В тех случаях, когда в публикуе-мых текстах раскрывались авторские сокращения, дополнения помещались в угловые скобки. Комментарии, составленные мною, обозначены **С. Б.**, составленные А. С. Баша-риным и М. В. Вениг – **А. Б., М. В.**. В текстах отсылки к комментариям обозначены номе-рами, заключенными в квадратные скобки.

В статье употребляются следующие сокращения:

АН СССР	–	Академия наук СССР
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ИА	–	Институт археологии
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры РАН
КАЭ	–	Красноярская археологическая экспедиция
КАЭЭ	–	Камская археолого-этнографическая экспедиция
ЛВХПУ	–	Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. Мухиной
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет
ЛИИЖТ	–	Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта
ЛИСИ	–	Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК	–	Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
ЛЭТИ	–	Ленинградский электро-технический институт
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии АН СССР («Кунсткамера»)
МГУ	–	Московский государственный университет
МГПИ	–	Московский государственный педагогический институт
МИФИ	–	Московский инженерно-физический институт
ОИРКГЭ	–	Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа
ПГУ	–	Пермский государственный университет
РАИМК	–	Российская академия истории материальной культуры
РАН	–	Российская академия наук
СААЭ	–	Северо-Ангарская археологическая экспедиция
СПбГУ	–	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ	–	Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Примечания

¹ Исторические песни XIII – XVI веков / изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. – М.; Л., 1960; Исторические песни XVII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. – М.; Л., 1966; Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. – Л., 1971; Исторические песни XIX века / изд. подгот. Л. В. Добровольский и др. – Л., 1973; Исторические песни. Баллады / сост. С. Н. Азбелев. – М., 1991; Народні пісні в записах Івана Франка. – Київ, 1981; Народні пісні в записах Осипа Маковея. – Київ, 1981; Русская баллада / под ред. В. И. Чернышева. – Л., 1936; Народные баллады / подгот. Д. М. Балашова. – М.; Л., 1963; Русские народные баллады / подгот. Д. М. Балашова. – М., 1983; и др.

² При этом значимость перечисленных функций в деятельности музея различна. Во-первых, памятники истории и культуры, накопленные многими поколениями музеиных работников, должны быть *сохранены*. Во-вторых, эти памятники должны быть *показаны*. В-третьих, музейные коллекции следует пополнять путем *сбора* новых памятников истории и культуры. И лишь в-четвертых, задачей музея является *изучение* хранящихся, экспонируемых и пополняющихся коллекций. Это звучит парадоксально. Но, действительно, если сотрудники музея сами не в силах *изучить* хранящиеся в фондах музейные предметы, то музей может пригласить для этой цели специалистов извне. Если сам музей не способен грамотно *собирать* коллекции, для этой цели также могут быть приглашены специалисты-фондообразователи со стороны. Но только музейные работники способны профессионально *сохранить* коллекции, переданные им предшественниками, и передать эти коллекции преемникам. И именно музейные работники должны уметь не только профессионально *показать* коллекции на экспозициях и выставках, но и проводить долгосрочную выставочно-экспозиционную политику музея. Впрочем, как для построения конкретной экспозиции, так и к разработке долгосрочной выставочной программы также могут быть привлечены специалисты со стороны: подобного рода участием в работе музея нештатных сотрудников не гнушаются даже такие крупные музеи, как Эрмитаж. Именно поэтому важнейшей функцией музея является, на мой взгляд, *сохранение* коллекций, а их *показ*, по отношению к *сохранению*, – вторичен.

³ Например: «...Но мы еще не старики, мы инженеры физики: сб. песен. – М., 1992; «В нашу гавань заходили корабли»: песни. – М., 1995; «Как на Дерибасовской...»: песни дворов и улиц. Кн. 1 / сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. – СПб., 1996; «Черный ворон»: песни дворов и улиц. Кн. 2 / сост. Б. Хмельницкий, Ю. Яесс. – СПб., 1996. Особо отмечу магнитоальбомы, издаваемые ТОО «Московские окна».

⁴ В настоящее время, фактически, уже начало уходить из этой жизни поколение, певшее и создававшее песни в предвоенные и первые послевоенные годы, так что тексты и, что особенно важно, мелодии могут быть утрачены безвозвратно.

⁵ Именно так создавались собрания Н. П. Курчева и А. и М. Левитанов, положенные в основу сборника «От костра к микрофону» (СПб., 1996).

⁶ Интереснейшие воспоминания авторов, исполнителей и слушателей авторской песни содержатся в упомянутом сборнике «От костра к микрофону».

⁷ Показательно обоснование принципа отбора текстов, включенных в сборник «В нашу гавань заходили корабли»: «Иногда выяснялось, что у какой-нибудь песни есть автор и звучит она в подлиннике совсем не так... Но в таких случаях при публикации мы старались придерживаться все же народного варианта, особенно если народный вариант устоялся и пришел к нам в одном и том же виде из разных концов страны» (Успенский Э. [Предисловие] // «В нашу гавань...». С. 5).

⁸ Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Музейная педагогика – область знаний и учебная дисциплина // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 3. Музейная педагогика. – СПб., 1998. – С. 9-10.

⁹ Подобный способ музеефикации этнографического песенного фольклора апробирован фольклорными ансамблями (не путать с эстрадными ансамблями «сувенирного стиля»).

¹⁰ Любопытно, что одним из инициаторов и создателей этой передачи был ныне покойный Валентин Берестов – писатель и поэт, но также и профессиональный археолог, некоторые песни которого, написанные в конце 1940-х гг. («Экстра»), до настоящего времени поются в археологических экспедициях. См.: Фольклор Новгородской археологической экспедиции. – 2-е изд., испр. и доп. / сост. А. С. Хорошев. – Великий Новгород, 2002. – С. 11, 12, 15.

¹¹ Успенский Э. [Предисловие] // «В нашу гавань...». – С. 5.

¹² Ким Ю. Московские кухни: аудиоальбом. – М., 1994.

¹³ Своего рода хеппенингом. См.: Шляхтина Л. М., Мастеница Е. Н., Герасименко Е. Е. Указ. соч. – С. 11.

¹⁴ Песенный фольклор археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. – Вып. 6. – СПб., 2000.

¹⁵ Там же. – С. 15-63.

¹⁶ Вениг М. В. Песенный репертуар археологических экспедиций // Там же. – С. 64-70;

С. В. Белецкий

Башарин А. С. Песенный фольклор археологических экспедиций // Там же. – С. 71-79.

¹⁷ Белецкий С. В. Заметки к истории песен в археологических экспедициях // Там же. – С. 80-117.

¹⁸ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. – С. 6-7.

¹⁹ Хорошев не объяснил, что он вкладывает в понятие «обескровленные тексты». Если имеется в виду тот факт, что все тексты, включенные в нашу брошюру, сопровождаются сведениями о времени появления песни, географии ее распространения, об авторстве (если таковые имелись), а также о происхождении включенного в брошюру текста, то это – данные, обязательные при публикации фольклорного источника. Если имеется в виду отсутствие в издании аккордов и нотирования, то изданная брошюра является не песенником, а именно пособием, облегчающим студентам-практикантам процесс включения в повседневный экспедиционный быт (в т. ч. – песенный). Впрочем, в комментариях к текстам, включенным в брошюру, имеются указания на мелодии, лежащие в основе подтекстовок или перетекстовок, так что, строго говоря, сведения о «мелодии» в пособии имеются. Если, наконец, имеется в виду отсутствие в комментариях к текстам песен сведений об обстоятельствах их бытования в экспедициях, то подобного рода информация для каждой конкретной экспедиции особая и вряд ли в полной мере поддается обобщению (в тексте воспоминаний о песнях Псковской и Изборской экспедиций содержатся подобного рода сведения, см.: Белецкий С. В. Заметки к истории песен... С. 80-117). После сказанного, полагаю, что определение «обескровленные тексты» является глубоко эмоциональным.

²⁰ «Под локальными понимаются песни, возникшие в ограниченном коллективе, тематически связанные с его жизнью и неактуальные за его пределами» (Башарин А. С. Указ. соч. С. 77).

²¹ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. – С. 7.

²² Характеризуя круг «общезвестных популярных текстов», которые «широко представлены в песенных репертуарах всех экспедиций», Хорошев указывает на «песни известных бардов: Булата Окуджавы, Александра Городницкого, Александра Дольского, братьев Мищуков и других» (Фольклор Новгородской археологической экспедиции. С. 6). Случайный характер перечисленных имен создает впечатление, что о «бардовской составляющей» песенного быта экспедиций автор имеет смутное представление. Прочие составляющие (студенческие и туристские песни, городской романс, современный рок, песни из мультфильмов и кинофильмов и проч.) Хорошев не упоминает вовсе, так что о них можно только догадываться по использованным для подтекстовок и перетекстовок мелодиям.

²³ Фольклор Новгородской археологической экспедиции. – С. 11-14. Замечу, что обе песни, как и включенная в состав новгородского фольклора песня Смоленской экспедиции «Крест золотой» (Там же. С. 19-20), поются во многих археологических экспедициях, так что эти песни, строго говоря, уже перестали быть локально новгородскими. По сути дела, сборник «Фольклор Новгородской археологической экспедиции» представляет собой «Песенный фольклор праздника Бересты»: подавляющее большинство текстов, включенных в этот сборник, является песнями-однодневками, написанными и исполненными «по случаю» и в состав активного песенного репертуара не вошедшиими.

²⁴ В выходных данных сборника указано: «Составитель А. С. Хорошев при участии Е. С. Зубковой, Л. В. Покровской, Е. А. Тяниной, В. Л. Янина».

²⁵ «Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать» / сост.: Е. Антипанова, Н. Кунина и В. Хохряков. – СПб., 1999.

²⁶ Песни Хорезмийской экспедиции 1947–1955 гг. / сост. Ю. А. Раппопорт. – М., 2001. К сожалению, познакомиться с этим изданием мне не удалось.

²⁷ Воробьев В. М., Черных И. Н. Кодекс НКЭ (для служебного пользования при работе с лицами не моложе 18 лет). – Калинин, 1980 (Тверь, 2005).

²⁸ Так, в Корпусе актовых печатей древней Руси о месте находки печати № 701 сказано: «Новгород, 1962 г., раскопки на ул. 1 Мая (пл. 13, кв. 114, внутри сруба № 14)». См.: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X – XV вв. – М., 1970. – Т. 2. – С. 219. Однако в песне «Нельзя нам забывать...», написанной в 1962 г. студентами-практикантами В. Г. Мироновой (позднее – сотрудник ИА АН СССР, кандидат исторических наук) и Е. А. Рыбиной (ныне – профессор кафедры археологии МГУ, доктор исторических наук), зафиксировано, что эта печать была найдена не во время разборки культурного слоя в раскопе, а в земляном отвале за пределами раскопа (Фольклор Новгородской археологической экспедиции. С. 17, 158). По-видимому, к сведениям об обстоятельствах находки печати № 701, содержащимся в Корпусе актовых печатей древней Руси, следует относиться с осторожностью.

²⁹ «Мы по речке, по Каспле идем...»: экспедиц. фольклор искусствоведов / сост. Вал. А. Булкин. – СПб., 2001.

³⁰ Белецкий С. В. От составителя // Песенный фольклор археологических экспедиций. – С. 3-7.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Приложение 1

1963 г.

«Экспедиционные песни»¹

[1]

I
А дело было в старину в Ростове
В Ростове было на Дону в Ростове

А поезд был набит битком
А я по шпалам босиком
По шпалам, пойл, по шпалам.

Какой я был тогда дурак
Носил ворованый пинджак
И шкары, пойл, и шкары

Зашел с брахлом я в магазин
Ко мне подходит гражданин
Легавый, пойл, легавый, пойл.

Он говорит: твою-то мать
Попался снова мне опять
Попался, пойл, попался.

И вот опять сижу в тюрьме
Не светит солнце больше мне
На нары, пойл, на нары.

И вижу небо все в крестах
А вши кусают просто страх
Кусают, пойл, кусают.

За окошком фраера
Всю ночь гуляют до утра
Кошмары, пойл, кошмары.

[2]

II
Африка (Киплинг)

День, ночь, день, ночь
Мы идем по Африке
День, ночь, день, ночь
Все по той же Африке.

Припев:

И только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог
И отдыха нет на войне солдату
Пыль... пыль

Я шел шесть недель
Сквозь ад и я клянусь
Там нет ни тьмы, ни жаровен ни чертей

Припев:
Там только пыль...

Мой друг, мой брат
Можешь ты меня не ждать
Я здесь забыл как зовут родную мать

Припев:

Счет, счет, счет, счет
Счет веди патронам всем
Мой бог, дай сил
Обезуметь не совсем.
Припев:
Здесь только смерть, смерть, смерть
Из-за каждого куста
И отдыха нет на войне солдату
Смерть, смерть, смерть.

[3]

III

Африка (Археол^{огический} вариант)

День, ночь, день, ночь
Мы копаем мертвцевов
День, ночь, день, ночь
Все копаем мертвцевов
Припев:
И только пыль, пыль, пыль
От мелькающих лопат
И отдыха нет на раскопе, братцы.
Пыль..., пыль..., пыль.

¹ Публикуемый рукописный сборник принадлежит сотруднику ИИМК В. И. Кильдишевскому (род. в 1942 г.). Он представляет собой тексты, записанные в стандартном экспедиционном дневнике АН СССР на обеих сторонах листов. Название сборника «Экспедиционные песни» написано синими чернилами. Записи, отнесенные к 1963 г., написаны такими же чернилами, содержат правку карандашом и черными чернилами. Записи, отнесенные к 1964 г., написаны фиолетовыми чернилами, содержат карандашную правку. Записи, отнесенные к 1965 г., написаны красной пастой, содержат правку зеленой пастой. Красной пастой вписаны также даты «1963 г.», «1964 г.» и «1965». Последний текст в сборнике (№ 31) записан зеленой пастой. Номера текстов, помещенные в квадратных скобках, введены мною. По сведениям Кильдишевского (в 1963–1965 гг. студента вечернего отделения кафедры археологии ЛГУ), записи 1963 г. были сделаны в Красноярской экспедиции ЛОИА (начальник экспедиции М. П. Грязнов, начальник отряда Г. М. Максименков), записи 1964 г. – в Нижнедонской экспедиции ЛГУ (начальник экспедиции Т. Д. Белановская), а записи 1965 г. – в Новогрудской экспедиции ЛОИА (начальник экспедиции Ф. Д. Гуревич). При этом в полевых условиях записи 1965 г. делались, по сведениям Кильдишевского, «на отдельных листах и клочках бумаги», а в сборник были переписаны шариковой ручкой уже в Ленинграде, по окончании работ экспедиции. Отмету, что в середине 1960-х гг. шариковые ручки в СССР были большой редкостью, в частности, трехцветная шариковая ручка, по сообщению Кильдишевского, была привезена ему из Венгрии. Запись зеленой пастой относится к 1965 г. Исправления текстов, сделанные черными чернилами и зеленой пастой, принадлежат самому Кильдишевскому, а карандашная правка – одному из участников экспедиции 1964 г. В публикации сохранены орфография и пунктуация подлинника.

С. В. Белецкий

Я жил шесть недель на раскопе
И я клянусь
Здесь нет ни кино, ни Столичной, ни подруг

Припев:
Здесь только пыль...

Мой друг, мой брат
Можешь ты меня не ждать
Нам здесь не дадут ни зарплаты, ни пожрать

Припев:
Здесь только пыль...

Счет, счет, счет, счет
Счет веди могилам всем
Мой бог, дай сил
Истаскаться не совсем

Припев:
Здесь только гроб, гроб, гроб
Из-за каждого камня
И мы в него верим как в последний
Гроб, гроб, гроб.

[4]
IV
Скажи, откуда у тебя
Фантазия такая
Как будто я люблю тебя
И по тебе страдаю

Во-первых, милая моя,
Страданий я не знаю
Я, во-вторых, быть может я
Не по тебе страдаю.

И даже то, что под окном
Хожу я каждый вечер
Отнюдь не говорит о том
Что я прошу о встрече.

Во-первых, я там проходил
Лишь как простой прохожий
И, во-вторых, не я там был
А кто-нибудь похожий.

И вот предупреждаю я,
Ты не играй на нервах.
Во-первых, я люблю тебя
А, во-вторых: во-первых.

[5]
V
Моя дорогая

Моя дорогая
Не блещет красою
Ни милой улыбкой,
Ни русой косою,
Ни маленькой ножкой,
Ни стройностью стана,
Чем блещут всегда
Героини романа.

Невзрачной платье
Мышиного цвета
Она не снимает
От лета до лета
Неловко признаться
Но все-же не скрою

Я сам дорогую
Купаю и мою.

Я с милой одеждой
Снимаю несмело,
Чтоб видеть скорее
Желанное тело,
Чтоб видеть и трогать
И нежно ласкать.
Прижаться со страстью
К единственной в мире
К тебе дорогая
Картошка в мундире.

[6] Зараза

Что глядишь ты на меня в упор
Я твоих не испугаюсь глаз
Брось, оставим этот разговор
Он у нас уже не в первый раз

Припев:
Ну, что же, брось, бросай
Жалеть не стану
Я таких как ты мильён достану
Ты же поздно или рано
Все равно ко мне придешь.

Кто тебя по переулкам ждал
От ночного холода дрожа
Кто тебя по кабакам спасал
От удара финского ножа

Припев.

Выди, выди на крыльцо свое
Вспомни, что у нас с тобой бывало
Если хочешь – на, возьми свое кольцо,
А мое ты под забором брось.

Припев.

Если будет тяжело в пути
Вспомни, хулиган тебя любил
Если будет нелегко идти,
Помни, что тебя он не забыл.

Припев.

И она ушла в ночной туман
Посмотрев презрительно в глаза
А в руках все тот же маленький наган
А в глазах все та же бирюза.
Зараза...

[7] Мадагаскар

Чутко горы спят, Южн^{ый} крест залез на небо
Спустились с гор в долину облака
Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был
В таинственной стране Мадагаскар.

Ночью труден путь, на востоке воздух серый
Но скоро солнце встанет из-за скал
Осторожней, друг, тяжелы и метки стрелы
У жителей страны Мадагаскар.

Шаг наш тверд и смел, чуть колышутся лианы
И мы со всех сторон окружены.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Осторожней, друг, бьют туземцы в барабаны:
Они вступили на тропу войны.

Помню южный порт и накрашенные губы
И купленный за доллар поцелуй
Осторожней, друг, эти ласки слишком грубы
Ты сердце понапрасну не волнуй.

[8] Песня ковбоя

Хорошо в степи скакать
Свежим воздухом дышать
Лучше прерий места в мире не найти,
Если солнце не печет и лошадка не трясет,
И пивные попадаются в пути

Троє веселых удальцов
Ловят в поле скакунов,
Чтоб потом они их вихрем понесли.

Но к чему такая прыть,
И зачем коней ловить,
Если есть на то трамваи и такси.

Мы ворвемся ночью в дом
И красотку уведем
Если парня не захочет полюбить.

Но к чему такая страсть
И зачем красотку крась
Её можно просто так уговорить.

[9]
Приходят трамваи
Уходят трамваи
А я все стою и стою
Стою на углу я
И тебя ожидаю
Кудрявую радость мою.

Две тысячи слов
Задушевных и нежных
Тебя ожидая шепчу.
Но только придешь ты
Усмехаюсь небрежно
И рядом с тобою молчу.

Пускай говорят
Что иное молчанье
Бывает понятнее слов.
Но ты не вникаешь
В мое состоянье
Не видишь, что это любовь.

[10] В Западной Европе

В Западной Европе часто меркнут звезды
Светят там не наши зори
Ветерок тихонько там листву колышет
У костра солдаты в сборе.

Припев:
А в небе далёком плывут облака
Затянувшись надо крепким самосадом
Русские грустят солдаты

Там не наше небо, там не наши зори
Солнце светит там не наше
Девушки там ходят в платьях очень ярких
Только наши лучше, краше.

Припев:
А в небе далёком...

Россия, Россия. Ты так далека.
Затянувшись надо крепким самосадом
Русские грустят ребята.

[11] Бригантина (П. Коган)

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза.
В бесспокойном флибустьерском море
Бригантина поднимает паруса.

Капитан, обветренный как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня.
На прощанье поднимай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных и непокорных,
За презревших грошевый уют.
Въётся по ветру весёлый Роджер
Люди Флинта гимн морям поют.

Так прощались с самой серебристой
С самою заветною мечной
Флибустьеры и авантюристы
С детства презиравшие покой².

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В бесспокойном дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

[12] С. Есенин

Грубым дается радость
Нежным дается печаль
Мне ничего не надо
Мне ничего не жаль

Жаль мне себя немножко
Жаль мне бездомных собак
Эта прямая дорога
Привела меня в кабак

Что же вы не пьёте, дьяволы,
Или я не сын страны.
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.

Мутно гляжу на окна
В сердце тоска и зной.
Катится в солнце, измокнув,
Улица предо мной.

А на улице мальчик сопливый
Воздух поджарен и сух

² Стока, выделенная курсивом, зачеркнута черными
чернилами, над ней вписано «Братья по крови горячей и
густой».

С. В. Белецкий

Мальчик такой счастливый
Он ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь.
Только вот с этой силой
В душу ко мне не лезь.

Я уж готов, я робкий,
Гляжу на бутылок рать.
Я собираю пробки
Душу свою затыкать.

[13] Девушка из Нагасаки

Он капитан, и родина его Марсель
Он обожает пьяники, ссоры, драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

У ней такая маленькая грудь
И губы алые как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
И плачет девушка из Нагасаки.

Когда жестокий шторм
Когда гремит гроза
Наш капитан сидит на баке.
Он вспоминает карие глаза
И бредит девушкой из Нагасаки.

У ней следы проказы на руках
На ней татуированные знаки
Танцует она танко в кабаках
В короткой узкой юбке цвета хаки.

Но вот вернулся он
Спешит к ней чуть дыша
И узнает, что господин во фраке
Однажды, накурившись гашиша,
Зарезал девушку из Нагасаки

У ней такая маленькая грудь
И губы алые как маки.
Уходит капитан в далекий путь,
И нет уж девушки из Нагасаки.

[14] Синяя майка

Завтра я надену майку голубую
Майку голубую, брюки клеш
Три пути дороги, выбирай любую,
От тюрьмы далеко не уйдешь.

Как-то в ресторане выбрал я девочонку
Девушка блистала красотой
Ее в малине знали, она была воровка
И на «дело» брала нас с собой.

Как-то в ресторане встретился с друзьями
И не рад знакомству своему.
Я сказал ей: «Маша, сбаций под гитару,
А на утро сядем мы в тюрьму».

Мчится черный ворон по улицам Ростова
Шоффер, нажми на тормоза.
Дай проститься с мамой, с маменькой
родимой,
Посмотреть последний раз в глаза.

[15]

Товарищ Сталин!
Вы большой ученый,
В языкоизнанье знаете вы толк.
А я приличный русский³ заключенный
И мой товарищ просто⁴ брянский волк.

Итак, сижу я в Туруханском kraе,
Где при царе, бывало, сиживали вы,
За что сижу я, до сих пор не знаю,
Но прокуроры, кажется, правы.

Вчера похоронили 2-х марксистов
Тела покрыли красным кумачём
Один из них был левым уклонистом,
Второй, как оказалось, ни причём.

И вот сижу я в Туруханском kraе
Где конвоиры строги и грубы.
Я это все, конечно, понимаю,
Как обострение классовой борьбы.

И дождь, и снег, и мошкара над нами
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры раздували пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра.

[16]

Клопики. Окуджава.

Друзей так много в этом мире
Дружить со всеми я готов.
Живет, живет в моей квартире
Семейство рыженьких клопов.

Знаком мне с детства каждый клопик
И всю их рыжую родню
По цвету глаз и острой попе
Своих друзей я узнаю.

Я договорчик сепаратный
Сумел с клопами заключить
И дружбы нашей столь приятной
Дизенсенкталем не разлить.

Но как-то утром, в полвосьмого
В постели, лежа в полутьме
Я своего клопа родного
Размазал пальцем по стене.

С тех пор, вай-вай, вай, вай,
Клопы лютуют
Лютует весь клопиный род,
И даже черненьких ловлю я
Клопов тропических широт.

³ Слова выделенные курсивом, зачеркнуты черными
чернилами, над ними вписано «простой советский».

⁴ Слово, выделенное курсивом, зачеркнуто черными
чернилами, над ним вписано «старый».

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Мильён клопов в моей квартире
И каждый съесть меня готов,
И только в ванной и в сортире
Я отдыхаю от клопов.

[17] Вай-валам.

Серебристый серенький дымок
Отражаясь в пламени заката.
Песенку донес нам ветерок, вай-вала,
Что была пропета нам когда-то.

Жил в Одессе славный паренек
Ездил он в Херсон за голубями
И вдали мелькал его членок, вай-вала,
С белыми как чайка парусами.

Голубей он там не доставал
Воровал и шарил по карманам
Крупную валюту зашибал, вай-вала,
С девушкой ходил по ресторанам.

Но однажды этот паренек
Не вернулся в город свой родимый,
И напрасно девушка ждала, вай-вала,
У фонтана в платье темно-синем.

Кто же познакомил нас с тобой
Кто же дал нам счастье и разлуку,
Кто на наше счастье и любовь, вай-вала,
Поднял окровавленную руку.

Город познакомил нас с тобой
Море принесло с тобой разлуку
Суд на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку.

[18]

Что за ночь над городом царила
Видно мне взгрустнулось неспроста
Я облокотился на перила
Старого чугунного моста.

Пары шли и проходили мимо
Старого зеркального пруда
Я мечтал о девушке любимой
Той, что я тогда пренебрегал.

Волосы ее как кольца дыма
Милая, ты вспомни обо мне.
Ведь потеря девушки любимой
Пострашнее смерти на войне.

Больше мне волос твоих не гладить
Алых губ твоих не целовать.
Не сумели мы с тобой поладить
Больше нам друг друга не видать.

Милая, к чему пустые речи
Совестью не надо торговать.
Если полюбила ты другого,
Я заставлю сердце замолчать.

[19]

19. Полярная звезда

Опять пурга во тьму умчалась воя
И за окном не видно ни следа
И вот опять над самой головою
Горит зеленая полярная звезда⁵

Экспресс полярный звал меня гудками
И я сказал: как много дней в году
Чтоб не забыть, возьми ее на память
И показал тебе полярную звезду.

Когда проходишь ты около вокзала
Ты, может быть, не думаешь о ней.
И нелегко, и лень тебе, пожалуй,
Искать ее в лучистом зареве огней.

А там в Москве улыбки и концерты
И даже почта ходит каждый день
А мне все реже синие конверты
Через снега приносит северный олень.

Еще пурга вернется многократно
И снова я вернусь весной сюда
И я скажу: отдай ее обратно,
Не для тебя она, полярная звезда.

[20]

Стоял я раз на стреме, держался за карман
Вдруг ко мне подходит незнакомый мне
граждан
Он говорит: в Марселе, какие кабаки
Какие там бордели, какие конъяки
Там женщины танцуют голые
И дамы в соболях
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

Потом достал он ключичек
Открыл свой чемодан
Там были деньги франки и жемчуга стакан
Возьмите, грит, деньги франки и жемчуга
стакан
Взамен вы мне достанете советского завода
план.

Воровская малина собралась на совет
На ней мы порешили сказать гражданину нет
Мы сдали того фаера войскам НКВД
С тех пор его по тюрьмам я не встречал нигде.
Нам власти руки жали, жал руки прокурор
А потом нас посадили под усиленный надзор.

Сидим мы в общей камере, имеем одну цель
Как бы нам добраться в тот западный
Марсель
Где девочки танцуют голые, где дамы в
соболях
Лакеи носят вина, а воры носят фрак.

⁵ В сборнике отмечено, что две последние строки каждого куплета повторяются.

C. V. Белецкий

[21]

Песня английского солдата

Патти пишет самой лучшей девушки своей:
Как письмо мое получишь – напиши скорей
Если есть в письме ошибки дело не хитро
Здесь чернила не в порядке, очень скверное

перо.

В путь далекий до Типперери
В путь далекий домой
В путь далекий до милой Мэри
И до Англии родной.
До свиданья, мой Пиккадилли
До свиданья, о“кей
Где мы весело тогда с тобой бродили
И как скучно здесь теперь.

Отвечает другу Мэри: мало писем шлешь
Ничего, что плохи перья, был бы ты хорош.
Сватает меня влюбленный старый Паттесон
До свиданья, милый патти, шлю тебе большой
поклон.

В путь далекий до Типперери...

Побивай побольше немцев, Патти, милый мой,
Чем побьешь ты больше немцев, тем скорей
домой.
Скоро, скоро в Типперери я к тебе прильну.
Будут Патти вместе с Мэри вспоминать войну.

В путь далекий до Типперери...

[22]

Охотный ряд. Акуджава.

Водитель, поднажми на тормоза⁶
Ты нас мурлышишь 3 часа подряд
Слезайте, граждане, приехали, конец
Охотный ряд,
Охотный ряд.

Когда-то здесь горланили купцы
И раздавались голоса⁷,
И над сугробами звенели бубенцы
Охотный ряд,
Охотный ряд.

Здесь бродит запад, гидов теребя,
На «Метрополь» колхознички глядят.
Как не охото уезжать мне от тебя
Охотный ряд,
Охотный ряд.

[23]

Таганка

Цыганка с картами, дорога дальняя
Дорога дальняя, казенный дом
Быть может старая тюрьма центральная
Меня, преступника, по новой ждет

⁶ Страна, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «Нажми, водитель, тормоз наконец».

⁷ Страна, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «А по утрам румянилась заря».

Таганка, все ночи полные огня,
Таганка, зачем сгубила ты меня,
Таганка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в стенах твоих.

И лично знаю я и без гадания
Решетки прочные мне суждены
Опять по пятницам пойдут свидания
И слезы горькие моей родни.

Припев: Таганка...

Сижу я в камере, все в том же номере
Где столько лет сидел мой дед.
И жду этапа я, этапа дальнего
Какого ждал родной отец 17 лет.

Припев.

[24]

Песня эмигрантов

Дни за днями как в песне
Пролетают в тиши
Бегут длинные рельсы от Москвы до Шанси

Припев:
И в дороге один я передумаю вновь
За кордоном мечты,
За кордоном Москва,
За кордоном любовь.

За вагоном вагоны напевают печаль
Поезд вихрем земным уносит нас вдали
Помню желтые ранты, помню цвет галифе
Спят друзья-эмигранты в полутемном купе.

Припев.

Дым именя родного, прах дворянских корон
Не забыть нам былого, не пойти на поклон,
Сколько крови пролито, сколько наших лежат
Сколько их перебито, не вернуть их назад.

Припев.

Наши мысли и книги
Наша длинная речь
Что нам эти встречи
Счастье нам не сберечь.

Припев.

Впереди перекличка эшелонов и встреч
Зазвучит непривычно китайская речь

Припев:
И в Шанхае один я
Передумаю вновь...

1964 г.

[25]

Все перекаты, да перекаты
Послать бы их по адресу
На это место уж нету карты
Идем вперед по абрису⁸.

А где-то жены живут на свете
Друзья сидят за водкою

⁸ В сборнике отмечено, что две последние строки каждого куплета повторяются.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

*А завтра снова пораньше выйду⁹
Наутро¹⁰ лето кончится
И подавать я не стану вида
Что помирать не хочется.*

А если рядом с тобою кто-то
Не надо больше мучиться
Тебя люблю я до поворота
А дальше как получится.

Все перекаты, да перекаты...

[26]

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход.

Пароход белый-беленъкий
Черный дым над трубой
Мы по палубе бегали
Целовались с тобой.

Пахнет палуба клевером
Хорошо как в лесу,
И бумажка приkleена
У тебя на носу.

Ой, ты палуба, палуба,
Ты меня раскачай
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.

Однажды с мечем подойдя к кабинету
Графиня сказала ужасно сурово:
«Герба на тебе, на мучителе, нету
Сиди и не бегай до этой Петровой».

Но граф был как будто в чаду алкогольном
Точнее сказать, был под мухой слоновой.
Он шваркнул ее головой в антресоли
И тотчас потопал он к¹¹ этой Петровой.

Графини шикарное, пышное тело
Лежало в крови на дорожке ковровой.
Шептало оно языком помертвевшим:
«Постой же, припомню тебе я Петрову».

Ее склонили роскошно и пышно
Граф пролил слезу на скамейке дерновой.
Весь день его не было видно и слышно,
А ночью потопал он снова к Петровой.

Но тут им графиня явилась из гроба
С мореною крышкой тяжелой дубовой.
Она таки съездила этому жлобу,
А после заехала этой Петровой.

Вот так богачи развлекались и жили.
У нас уже нет и не будет такого.
Давно похоронены в братской могиле
И граф, и графиня, и эта Петрова.

[28]

Как-то по проспекту с Манькой я гулял
Шарик на полсвета нам дорогу освещал.
И чтоб было весело с нею нам идти – ух!
В кабачок Ковальского решили мы зайти.

Захожу в пивную и сажусь за стол,
И бросаю кепи прямо я под стол.
Спрашиваю Маньку: «Чего ты будешь
пить?».

А она зашаривает: «голова болит».

«Не капай мне на мозги, что голова болит.
Я тебя же спрашиваю, чегой ты будешь пить:
Пильзенское пиво, самогон, вино,
Душистую фиалку или ничего».

Выпили мы пиво, а потом вино,
И заговорили про это и про то.
А когда мне пильзень голову забил
О любовных чувствах я с ней заговорил.

Зонтик модернystый я тебе куплю,
Только ты скажи мне «Я тебя люблю.
Подарю платочек красивей огна
Манька, не будь дурой, полюби меня».

Дура бестолковая, чегой ты еще ждешь
Красивее парня ты в мире не найдешь
Али я не весел, али не красив
Аль тебе не нравится мой акредитив.

Ну и черт с тобою, люби сама себя
Я найду другую, плевал я на тебя.
Кровь моя остыла, я сейчас уйду
И на Дерибасовской другую я найду.

1965 г.

[27]

Жил граф Родерико с графиней Эльвириой
Под красною крышей именин родного,
А рядом в хибарке за ихней хавириой
Жила одинокая некто Петрова

Графиня была словно птичка невинна
Не знала ни злобы, ни туфты грошовой,
А граф был свинья и большая скотина,
И быстренько спутался с этой Петровой.

Напрасно графиня страдала в сомненье,
Напрасно рыдала в шикарной столовой,
Напрасно молила его на коленях:
«Не бегай, паскуда, ты к этой Петровой».

Она не жалела ни пудры ни крема
То новая броши, то другая обнова,
А он, таки, бегал до этой лахудры
И все ей нашептывал: «Ух, ты, Петрова».

⁹ Страна, выделенная курсивом, зачеркнута, над ней вписано карандашом другим почерком «К большой реке я сегодня выйду».

¹⁰ Слово, выделенное курсивом, зачеркнуто, над ним вписано карандашом другим почерком «Сегодня».

¹¹ Слова, выделенные курсивом, зачеркнуты, над ними вписано зеленой пастой «до».

С. В. Белецкий

[29]

Поведи меня, миленький, в бар
Будем там мы гулять до рассвета
Подари золотой портсигар
и чулочки телесного цвета.

Комната моя на замке,
Обо мне ходит слава худая,
И беззубая мне на руке
Без копейки цыганка гадает.

Без копейки, постылая, лжет
Не пойму, что бормочет такое
Будто ночь эту всю, и весь год,
И всю жизнь буду, милый, с тобою.

Так веди же меня поскорей
По тропинкам и камешкам сбитым
Мы простимся с тобой у дверей
За мостом Лейтенанта Шмидта.

Ну, а дома не спросит никто
Ты который по счету за лето.
Подари мне с кистями платок
И чулочки телесного цвета.

[30]

Красноярск^{<ая>} экспедиц^{<ия>}
(отряд Абрамовой)
(Мотив 16 тонн)

Запомни стоянку древних людей
Совок, лопата да нож тупой
Сидим в раскопе день деньской
И нож тупее тоски любой.
Усталое сердце гудит и болит,
Будь проклят навеки палеолит.

Над каждой костью дрожишь как пес
Чтоб кость товарищ твой не унес
А если найдешь паршивый отщеп,
Считай, что ты заработал на хлеб.

А после работы коли дрова
И так от раскопа болит голова
Сено коси и воду таскай
О доме лучше не вспоминай.

Как два скелета день на день похож,
Как в сердце в землю вонзается нож.
Начальник кричит: «Ножами копай,
Бульдозер больше не вспоминай»

На ужин нам дали три блина
Над нами сквозь тучи хохочет луна

Сама похожа на блин большой
Только ее не схватишь рукой.

Под утро в палатке раздался вздох
Еще момент, и он издох.
Товарищ мой как свеча угас
В могилу нас вгонит Равдоникас.

[31]

Расскажу я вам, ребята
Про семейный мой разлад
Как женился в Ленинграде,
Иль, вернее, был женат.

Но судьба довольно строго
Отнеслась к моей жене
Три недели проболела,
Умерла, оставив мне:

Припев:
Тридцать метров крепдешина
Пудру, крем, одеколон,
Два бидона керосина,
Ленинградский патефон,
Белой шерсти полушалок,
Фирмы Мозера часы,
Два атласных одеяла
И спортивные трусы.

И от этого я горя
Шел по парку сам не свой
И вдруг дева молодая
Улынулась будто мне.

И как будто между прочим
К этой деве я подсел
И как будто между прочим
Рассказал, что я имел
Припев.

Быстро свадьбу мы сыграли
Был гостей огромный зал
И как горько прокричали
Я все сразу показал.

Припев.

День работал без печали
В сердце розы расцвели
А пришел, и мне сказали:
Она ушла и с ней ушли:

Припев.

Ты не плуй на эти речи
Про жасминовый уют
Не влюбляйся с первой встречи,
И из дома не уйдут:

Припев.

КОММЕНТАРИИ

1. А. Б., М. В. Вариант широко известной «блатной» песни «Как в Ростове на Дону» / «Как под Ростовом на Дону» («В нашу гавань заходили корабли». М., 1995. С. 78). М. и Л. Джекобсоны относят ее возникновение к 1940 – 1950-м гг. (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 2. 1940–1991 гг. М., 2001. С. 310).

2. С. Б. Фольклоризованный вариант песни Е. Д. Аграновича «Пыль» (1941–1943) по стихам Р. Киплинга в переводе А. Оношкович-Яцыны, (Антология бардовской песни. М., 2005. С. 22-23):

День-ночь, день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь – все по той же Африке.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Днем-все-мы-тут – и не так уж тяжело,
Но-чуть-лег-мрак – снова только каблуки.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Ты-ты-ты-ты – пробуй думать о другом,
Чуть-сон-взял-верх – задние тебя сомнут.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Я-шел-сквозь-ад – шесть недель, и я клянусь,
Там-нет-ни-тьмы – ни жаровен, ни чертей,
Но пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог,
И отдыха нет на войне.

Семь дней приказ: шире шаг и с марша в бой!
Но дразнит нас близкий дым передовой.
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

Пуль-пуль-пуль-пуль – мы не слышим над собой.
Затих вдали ледяной снарядный вой...
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!)
Отдыха нет на войне.

3. С. Б. Локальная переделка песни 2 (см. comment. 2), написанная, по сведениям Кильдюшевского, в 1963 г. в экспедиции студентами ЛВХПУ им. В. Мухиной. Как будто бы, эта песня не получила в других экспедициях широкого распространения.

4. А. Б., М. В. Песня «Фантазия» неустановленного происхождения. До настоящего времени встречается в составе песенников (<http://schools.techno.ru/ostrov/songs/jokes.htm#s16>).

С. Б. В 1960-е гг. песня была популярна не только среди студентов, но и среди ленинградских школьников-старшеклассников, причем третья строка куплета, обычно, повторялась дважды.

5. С. Б. Вариант см. в изд.: «В нашу гавань...». С. 336.

6. С. Б. Вариант см. в изд.: Споем, жиган.: антология блатной песни / авт.-сост. М. Шелег. – СПб., 1995. – С. 275-276.

7. А. Б., М. В. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни Ю. И. Визбора «Мадагаскар» Авторский текст см. в изд.: Визбор Ю. И. Стихи и песни. – М., 1991. – С. 24. Там же приводится авторский комментарий: «Первую песню я написал после своего первого похода. Это было суперромантическое произведение. Песня называлась “Мадагаскар”, хотя, откровенно говоря, ни к острову, ни к Республике Мадагаскар она не имела никакого отношения. Это была бесхитростная дань увлечению Киплингом. Мелодию я бессовестно похитил из популярного тогда спектакля кукольного театра С. В. Образцова „Под шорох твоих ресниц“». В интервью 1981 г. журналу «Авро-

С. В. Белецкий

ра» Визбор отмечал, что куплет «Помню южный порт...» дописан неизвестным ему соавтором (Визбор Ю. И. Верю в семиструнную гитару. М., 1994. С. 405).

8. А. Б., М. В. На сайте «Песенник Анархиста-подпольщика» (<http://a-pesni.narod.ru>) имеется следующее указание: «Первоначальный вариант песни, под заглавием „Ковбойская“, написан в начале 1940-х гг. работавшими тогда в СССР польскими джазистами А. Гаррисом и Ю. Цейтлиным для ансамбля Эдди Рознера. На пластинке вышла в 1944 году».

9. А. Б., М. В. Происхождение песни пока не установлено.

10. А. Б., М. В. Сайт «Песенник Анархиста-подпольщика» (<http://a-pesni.narod.ru>) при публикации варианта этой песни ссылается на следующие источники: Рукописный отдел Института русской литературы. Р. V, колл. 251, п. 1, № 1. Зап. С. А. Рабиновым в альпинистском лагере «Баксан» в 1960 г.; Русский советский фольклор: антология / сост. и примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой; под ред. Н. В. Новикова и Б. Н. Путилова. – Л., 1967. – № 168.

11. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Бригантина» (1937) П. Когана и Г. Лепского (Антология бардовской песни. М., 2005. С. 19).

12. А. Б., М. В. Фольклоризованный вариант стихотворения С. Есенина (Есенин С. Собр. соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 117).

13. А. Б., М. В. Стихи В. Инбер. Песня стала особенно популярна после исполнения ее В. Высоцким.

14. С. Б. По сведениям, полученным от старейшего сотрудника Библиотеки Российской АН Р. Ш. Левиной, песня была популярна в Волго-Донской экспедиции ИИМК АН СССР в 1949–1951 гг.; возможно, текст ее был записан участниками экспедиции от заключенных, работавших на раскопках.

15. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант «Песни о Сталине» (1959) И. Х. (Юза) Алешковского (Антология бардовской песни. С. 32-34):

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
В языкоизнанье знаете вы толк,
А я простой советский заключенный,
И мне товарищ серый брянский волк.

В чужих грехах мы сроду сознавались,
Этапом шли навстречу злой судьбе,
Но верили вам так, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Так вот сижу я в Туруханском kraе,
Где конвойры, словно псы, грубы,
Я это все, конечно, понимаю
Как обостренье классовой борьбы.

То дождь, то снег, то мошара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя,
Спасибо вам, я греюсь у костра.

Мы наш нелегкий крест несем задаром
Морозом дымным и в тоске дождей.

Мы, как деревья, валимся на нары,
Не ведая бессонницы вождей.

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
И в китеle идете на парад.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
А щепки во все стороны летят.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
Тела одели красным кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
Другой, как оказалось, ни при чем.

Он перед тем, как навсегда скончаться,
Вам завещал последние слова,
Велел в евонном деле разобраться
И тихо вскрикнул: «Сталин – голова!»

Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
Я верю – будет чугуна и стали
На душу населения вполне!

16. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Клопы» (1959) А. А. Дулова (Антология бардовской песни. С. 317-318).

17. А. Б., М. В. Известная «бллатная» песня (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 1. 1917–1939 гг. М., 1998. С. 227).

С. Б. В начале 1960-х гг. была популярна среди ленинградских школьников: вспоминаю тетрадки-песенники своих одноклассников (точнее, одноклассниц), в которых этот текст сопровождался рисунками, выполненными цветными карандашами.

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

18. А. Б., М. В. В варианте «Какая ночь над городом царила» опубликована в изд.: «В нашу гавань...». – С. 195.

19. А. Б., М. В. Вариант см. в изд. – «В нашу гавань заходили корабли». Вып. 5. – М., 2001. – С. 18.

20. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни «Стакан жемчуга» / «Стою себе на месте» А. Г. Левинтона. Автор песни – филолог-германист, был арестован в 1949 г., амнистирован в 1954 г., реабилитирован в 1961 г. Сын А. Г. Левинтона, Г. А. Левинтон любезно сообщил мне сведения о публикациях авторского текста песни: Левинтон Г. А. Еще раз «Жемчуга стакан» // Рус. мысль. 1990. 1 июня. С. 13; перепеч. в газ. «Час Пик» (СПб., 1991. 4 нояб.). Он же указал мне на статью Р. Зерновой «Жемчуга стакан» (фрагмент из очерка «Элизабет Арден», см.: Время и мы. 1981. № 58) и ее книгу «Израиль и Окрестности» (Иерусалим, 1990), в которых также опубликован авторский текст А. Г. Левинтона. Приведенный ниже текст песни воспроизведен по публикации Б. Сарнова (Сарнов Б. Интеллигенция поет блатные песни // Вопросы лит. 1996. № 5. С. 367-368):

Стою себе на месте,
Держуся за карман,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне гражда-
нин. Он говорит мне тихо;
«Куда бы мне пойти,
Чтоб мог сегодня лихо
Я вечер провести,
Чтоб были-были бы девчонки,
Чтоб было-было бы вино.
А сколько будет стоить –
Мне это все равно».

А я ему отвечаю:
«Последнюю вчера
На Лиговке малину
Закрыли нам с утра!»
А он говорит: «В Марселе
Такие кабаки,
Такие там ликеры,
Такие конъяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак!»

Он предложил мне франки
И жемчуга стакан,

Чтоб я ему передал
Советского завода план.
Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Отняли деньги-франки
И жемчуга стакан.
Потом его мы сдали
Властям-энкавэдэ,
С тех пор его по тюрьмам
Я не встречал нигде.

Меня хвалили власти,
Жал руку прокурор,
И тотчас посадили
Под усиленный надзор.
А я с тех пор, ребята,
Одну имею цель:
Ах, только б мне увидеть
Тот западный Марсель!
Какие там девчонки,
Какие кабаки,
Какие там ликеры,
Какие конъяки!
Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят вина,
А воры носят фрак.

В большинстве известных мне фольклорных записей песни, как и в тексте публикуемого сборника, имеется еще один куплет, отсутствующий в авторском тексте. В качестве примера приведу ранее не публиковавшийся фольклоризованный вариант текста, бытовавший в Псковской археологической экспедиции Эрмитажа с конца 1960-х до конца 1980-х гг.:

Стою я раз на стреме,
Держуся за карман,
И вдруг ко мне подходит
Незнакомый мне гражданин.

Он говорит мне тихо:
«Куда бы нам пойти,
Чтоб можно было лихо
Там время провести?

Чтоб были-были б там девчоночки,
Чтоб было-было б там вино,
А сколько будет стоить –
Мне, право, все равно!»

А я ему отвечаю:
«На Лиговке вчера
Последнюю малину
Накрыли мусора».

А он говорит: «В Марселе
Такие кабаки,
Такие там бордели,
Такие конъяки!

Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях.
Лакеи носят бороды,
А воры носят фрак!»

С. В. Белецкий

Он предлагал мне деньги-франки
И жемчуга стакан,
Чтоб я ему передал
Советского завода план.

Советская малина
Собралась на совет,
Советская малина
Врагу сказала: «Нет!»

Мы взяли того субчика,
Отняли чемодан,
Забрали деньги-франки
И жемчуга стакан.

Потом его передали
Властям-энкавэдэ,

С тех пор его по тюрямам
Я не встречал нигде.

Меня благодарили власти,
Жал руку прокурор,
А после посадили
Под усиленный надзор.

И вот теперь, братишечки
(вариант: И вот сижу, братишечки),
Одну имею цель –
Увидеть хоть бы в щелочку
Ту самую Марсель!

Где девочки танцуют голые,
Где дамы в соболях.
Лакеи носят бороды,
А воры носят фрак!

Куплет «Советская малина / Собралась на совет...», отсутствующий в авторском тексте, по сведениям Б. Сарнова (Сарнов Б. Указ. соч. С. 354), был дописан А. А. Галичем.

21. А. Б., М. В. Типперери – город в Южной Ирландии. Английская народная песня «It's a long way to Tipperary» (букв.: «далек путь до Типперери»; перенос: «далеко до родного дома, до цели») была популярна во время Первой мировой войны (Рара М., Iantorno G. Famous British & American songs and their cultural background. Edinburg, 1979. № 1):

It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go;
It's a long way to Tipperary,
To the sweetest girl I know!

Goodbye, Piccadilly!
Farewell, Leicester Square!
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!

О популярности песни свидетельствует намек на нее в романе А. Кристи «Убийство по алфавиту» (Кристи А. Избр. произведения. Баку, 1991. Т. 9. С. 279).

В основу русского перевода положена английская песня «It's a long, long way to Tipperary» (<http://lyrics.mp3s.ru/perl/lyric.pl?hy5NsN8FnA1WA&15520>), включавшая текст «It's a long way to Tipperary» в качестве призыва:

Up to mighty London came an Irishman one day,
As the streets are paved with gold, sure ev'ryone was gay;
Singing songs of Piccadilly, Strand and Leicester Square,
Till Paddy got excited, then he shouted to them there:

Chorus:
It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go;
It's a long way to Tipperary,
To the sweetest girl I know!
Goodbye, Piccadilly!
Farewell, Leicester Square!
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!

Paddy wrote a letter to his Irish Molly O.
Saying, «Should you not receive it,
Write and let me know!
If I make mistakes in spelling, Molly dear», said he
«Remember it's the pen that's bad,
Don't lay the blame on me».

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Molly wrote a neat reply to Irish Paddy O.
Saying. «Mike Mahoney wants to marry me, and so
Leave the Strand and Piccadilly, or you'll be to blame
For love has fairly drove me silly, hoping you're the same!».
Chorus:

В середине 1940-х гг. (<http://ozmuz.com/book-80002.html>) песня входила в репертуар биг-бэнда Л. Утесова.

22. С. Б. Сокращенный и фольклоризованный вариант песни «Охотный ряд» (1960) Ю. И. Визбора (Антология бардовской песни. С. 160).

23. А. Б., М. В. Вариант старой тюремной, по-видимому, еще дореволюционной, песни. Правда, М. и Л. Джекобсоны относят ее возникновение к периоду после 1917 г. (Джекобсон М. и Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. Т. 1. С. 263). Варианты см. в изд.: «Споем, жиган». – С. 225; «В нашу гавань...». – С. 71-72.

С. Б. В 1970 – 1980-е гг. в Псковской археологической экспедиции Государственно-го Эрмитажа и в Изборской экспедиции ИА АН СССР песня бытовала в варианте, отличающемся от большинства опубликованных текстов:

Цыганка с картами судьбу гадала мне,
Дорогу дальнюю, казенный дом.
Быть может старая тюрьма центральная
Меня, парнишечку, по новой ждет.
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Сижу я в камере, все в той же камере,
Где, может быть, сидел еще мой дед.
Сижу и жду опять этапа дальнего
Как ждал его отец в 17 лет.
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Но знаю тайну я и без гадания,
Что дни тюремные мне суждены.
Опять по пятницам пойдут свидания
И слезы горькие моей родни.
Централка – мир полных форменных одежд,
Централка – страна фантазий и надежд,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

Ну, что ж, не встретимся, живи случайностью,
Иди проторенной своей тропой.
И пусть останется навеки тайною,
Что и у нас была весна с тобой
Централка, и ночи полные огня,
Злодейка, зачем сгубила ты меня,
Централка, я твой бессменный арестант
Погибли юность и талант в твоих стенах.

24. С. Б. Переделка песни «Прощальная Дальневосточная» (1942) М. Л. Анчарова по стихам В. Инбер (Антология бардовской песни. С. 43):

Быстро-быстро донельзя
Дни пройдут, как один.
Лягут синие рельсы
От Москвы на Чунцин.
И взмахнет над перроном
Белокрылый платок,
Поезд в ветре соленом
Уплывет на восток.

Закричат переклички
Паровозовых встреч;
Зазвучит непривычно
Иностранная речь;

Заворчит, заворкует
Колесо на весу...
Лепесток поцелуя
Я с собой увезу.

Будет сердце двоиться:
Много вздохов подряд
Меж восторгом границы
И уклоном утрат.
И границу в ночи я
Перечувствую вновь,
За которой Россия,
За которой любовь...

Текст, содержащийся в сборнике, отличается от опубликованных фольклорных вариантов песни Анчарова (ср.: «...Но мы еще не старики, мы инженеры-физики». С. 155-156; «В нашу гавань...». С. 22) ярко выраженным псевдобелогвардейским флером. Ближайшим соответствием ему является текст, опубликованный Вал. А. Булкиным («Мы по речке, по Каспле идем...»: экспедиц. фольклор искусствоведов / сост. Вал. А. Булкин. 2001. С. 71, 72). Возможно, в основе этих текстов лежит общий протограф, бытавший в ленинградских археологических экспедициях начала 1960-х гг.

25. С. Б. Фольклоризованный вариант песни «Перекаты» (1960) А. М. Городницкого (Антология бардовской песни. С. 256-257).

С. В. Белецкий

26. А. Б., М. В. Песня «Палуба» Ю. Левитина на стихи Г. Шпаликова из кинофильма «Коллеги». В 1980-е гг. эта песня стала материалом для множества переделок (Лурье М. Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 465).

27. С. Б. Варианты см. в изд.: «В нашу гавань...». – С. 360-361; «Мы по речке, по Каспле идем». – С. 51-52. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко.

Завершая подготовку песенника Кильдюшевского к публикации, я списался с кандидатом исторических наук В. И. Назаренко (род. в 1945 г.), который много лет работал в ЛОИА – ИИМК, а ныне проживает в Германии. Ниже привожу фрагменты письма Назаренко, полученного мною 27 мая 2005 г. (купюры в тексте письма обозначены <...>, комментарии к письму вынесены в подстрочные примечания):

«<...> Летом 1962 года я поехал в Новогрудок к Ф. Д. Гуревич. Это был не первый мой, как любил говорить Г. С. Лебедев¹², „археологический анабазис“, но – первая экспедиция, где я был единственным школьником. Все остальные были либо сотрудниками Института (ЛОИА. – С.Б.) <...>, либо студентами Академии художеств, Мухи (ЛВХПУ. – С.Б.) и других, теперь уже не помню каких точно, технических вузов. <...>

Тогда же мне случилось начать петь <...>, в общем-то, пели все, и я пел то, что пели все: в основном Окуджаву, старые студенческие песни и так называемый „пиратский цикл“, но и немного Галича, раннего Высоцкого и Городницкого.

Собственно моего репертуара еще не было, он начал формироваться позже, но от этого начального периода в нем остались песни: „Перевесь подальше ключи...“¹³, „Неистов и упрям гори огонь, гори...“¹⁴, „Возьму шинель и вещмешок и каску...“¹⁵, „Не бродяги, не пропойцы...“¹⁶, „Не верьте пехоте...“¹⁷, „Вы слышите, грохочут сапоги...“¹⁸, „Мой друг, мой друг, можешь ты меня не ждать...“¹⁹, „Если не попал в аспирантуру...“²⁰, „В гареме может жить султан...“²¹, „Что же ты глядишь на меня в упор...“ („Зараза“)²², „Пират забудь про небеса...“²³, „По морям и океанам злая нас ведет судьба...“²⁴, „У лошади была грудная жаба...“²⁵, „Облака плывут, облака...“²⁶, „Товарищечка ветру // Там же. – С. 16-21.

¹² Г. С. Лебедев (1943–2003) – профессор, доктор исторических наук, один из ведущих специалистов России в изучении «эпохи викингов» (VIII–X вв.), признанный неформальный лидер ленинградских археологов-русистов «поколения 1970 – 1980-х». В 1960-е гг. – студент кафедры археологии ЛГУ, активный участник студенческого «славяно-варяжского семинара» Л. С. Клейна. Погиб в Старой Ладоге (столице Руси в «эпоху викингов») 15 августа (неофициальный день археолога, отмечаемый на всем постсоветском пространстве) 2003 г. О Г. С. Лебедеве см.: Гражданин Касталии, Ученый, Романтик, Викинг // Санкт-Петербургский университет. – 2003. – 12 дек. – С.47-57; Кузьмин С. Л. Г. С. Лебедев: ученый, учитель, личность // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-23 дек. 2003 г. – СПб., 2004. – С. 22-25; Мачинский Д. А. Глеб Лебедев и Ладога // Там же. – С. 3-15; Герда А. С. Навстречу ветру // Там же. – С. 16-21.

¹³ Песня «Не гляди назад» Е. И. Клячкина на музыку М. Зива (Антология бардовской песни. С.458).

¹⁴ «Старинная студенческая песня» Б. Ш. Окуджавы (Антология бардовской песни. С. 669).

¹⁵ **А. Б., М. В.** «Песня веселого солдата» Б. Ш. Окуджавы (Песни Булата Окуджавы. М., 1989. С. 61).

¹⁶ Песня «Не бродяги, не пропойцы» Б. Ш. Окуджавы (Антология бардовской песни. С. 671).

¹⁷ **А. Б., М. В.** Песня «Прости пехоте» Б. Ш. Окуджавы (Песни Булата Окуджавы. С. 45).

¹⁸ **А. Б., М. В.** «Песенка о солдатских сапогах» Б. Ш. Окуджавы. (Песни Булата Окуджавы. С. 38).

¹⁹ См. comment. 2.

²⁰ **А. Б., М. В.** Студенческая песня неустановленного авторства 1950-х (?) гг. («В нашу гавань...». С. 308).

²¹ **А. Б., М. В.** Песня «Султан» является вольным переводом немецкой Burschenslied XIX в. (Papst und Sultan // News aus dem letzten Jahrhundert / Hrsgb. G. F. Van der Beck. Hochheim, 1999). Кажется, первая публикация русского текста песни относится к концу XIX в. (Арфа подле кружки / сост. В. А. Борткевич. Рига, 1891. С. 95, 96, № 51. См. также: Песенный фольклор археологических экспедиций // Далекое прошлое Пушкиногорья. СПб., 2000. Вып.6. С. 22-23).

²² См. comment. 6.

²³ **А. Б., М. В.** Песня неустановленного авторства, известная в городской среде с середины 1960-х гг. Упоминается И. Раскиным с пометой: «Песня моего детства» (Раскин И. Энциклопедии хулиганствующего ортодокса. М., 1995. Цит. по: http://eho.haim.ru/eho_pira.php).

²⁴ **А. Б., М. В.** Песня неустановленного авторства. Одно из первых свидетельств ее популярности содержится в воспоминаниях Р. Полчанинова о русскоязычном скаутском лагере в Германии в начале 1950-х гг. (<http://www.scouts.ru/modules/sections/index.php?op=printpage&artid=398>).

²⁵ Песня «Лошадь» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. М., 1991. С. 114-115).

²⁶ Песня «Облака» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. С. 25-26).

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

рищ Стalin²⁷ (Юза Алешковского в исполнении Высоцкого), „Клены выкрасили город...“²⁸, „От злой тоски не матерись...“²⁹, „Все перекаты, да перекаты...“³⁰. Наверное, что-то я запамятовал, но эти песни я смог бы спеть и сейчас, а иногда и пою...

Песни, о которых ты спрашиваешь („Жил граф Родериго...“ и „Поведи меня миленький в бар...“ – С. Б.), – это следующий этап, уже сознательного формирования моего собственного репертуара. И здесь надо, прежде всего, сказать, что экспедиционное лето 1962 года коренным образом изменило круг моего общения.

Сейчас, сидя за компьютером, я вдруг обнаружил, что не могу вспомнить имена своих соучеников 9-11 классов, за исключением двух – Димы Лебедева, познакомившего меня с Л. С. Клейном <...>, и Коли Блинова, имевшего магнитофон „Астра“, который „...в те времена далекие, теперь совсем былинные...“ был в индивидуальном пользовании еще большой редкостью. Магнитофон этот сыграл в повествуемой мной истории определенную роль.

Так вот, круг моего общения с осени 1962 года полностью сменился, теперь он был теснейшим образом связан со сферой жизни целого ряда сотрудников Института, и аспирантов или студентов, так или иначе связанных с археологией и археологическими экспедициями. У этого круга была иная времененная и пространственная локализация, никак не коррелировавшая со школьной. „Дети подземелья“ – так называли молодых сотрудников Института по месту их преимущественного пребывания. Камералки и студенческие общежития – вот география круга моего общения; вторая половина дня, вечер, нередко весьма поздний – его время. Не без возлияний, как сейчас вспоминается, весьма умеренных, в подвалах Института, аудиториях Истфака и общежитиях различных высших учебных заведений в 1962–1964 годах был снят фильм „Граф Монте-Кристо“, поставлен спектакль „Гамлет“ и подготовлено грандиозное представление к празднованию 30-летия Истфака³¹, а еще множество капустников в Академии Художеств, Мухе, ЛЭТИ, Политехе и не помню где еще... И везде пели по программе и вне ее... А еще были ранние студенческие свадьбы и, наконец, просто сборища без всякого к тому повода..., или он не запомнился..., или это было получение спипендии...

Удивительно, но во всем этом водовороте я отчетливо помню, что бобину, а это была именно бобина с магнитофонной лентой, на которой были записано множество песен, я получил в общежитии ЛИСИ на Садовой близ Пяти углов. <...>

Так вот, на одной стороне этой пленки, весьма качественной, было много старых студенческих песен и среди них „Там, где Крюков канал и Фонтанка река...“³², „В первые минуты бог создал институты...“³³, „Коперник целый век трудился...“³⁴, еще ряд песен – „На Богоявновской открылася пивная...“³⁵ и „Как-то шли на дело я и Рабинович...“³⁶. Там и были мной услышаны испрашиваемые тобой „Жил граф Родериго...“ и „Поведи меня миленький в бар...“, а кроме того до сих пор остающиеся в моем

²⁷ См. comment. 15.

²⁸ **А. Б., М. В.** Песня «Бабье лето» В. Высоцкого на стихи И. Кохановского (<http://www.bards.ru/archives/part.php?id=15627>). Исполнялась также К. Шульженко на музыку Т. Марковой (Любовь нечаянно нагрянет: От Утесова до..., 1999. С. 111).

²⁹ Песня «На материк» (1960) А. М. Городницкого (Антология бардовской песни. С. 257).

³⁰ См. comment. 25.

³¹ История подготовки капустника к 30-летию истфака ЛГУ и авторский текст сценария см.: Аль Д. Восстановление ума по черепу. – СПб., 1996.

³² См. comment. 15 Приложения 2.

³³ См. comment. 4 Приложения 2.

³⁴ **А. Б., М. В.** Песня «По рюмочке, по маленькой» / «По рюмочке, по чарочке» известна в репертуаре российского студенчества по крайней мере с 1840-х гг. (Песенный фольклор археологических экспедиций. С. 18-20).

³⁵ **А. Б., М. В.** Городская песня 1940 – 1950-х гг., более известная с первой строкой «На Дерибасовской открылася пивная...» («В нашу гавань...». С. 53).

³⁶ **А. Б., М. В.** Пародия на знаменитую песню «Мурка», ставшая с 1960-х гг. в интеллигентской среде едва ли не популярнее оригинала. Популярность этой песни в 1970-е – 1980-е гг. связана, по-видимому, с исполнением песни А. Северным.

С. В. Белецкий

репертуаре „Я говорю, я говорю, надменно в сторону смотрю...“³⁷, а также „Танька“ („По деревне с шумным интересом / бабы много говорят такого...“)³⁸, приписываемая поэту Исаковскому, и если это так, – то лучшее из им написанного. Исполнение было, я бы сказал, профессиональным и, кажется, все вещи пелись одним голосом.

На другой стороне пленки были песни Окуджавы, Городницкого, Галича и др., из которых в моем репертуаре остались лишь несколько, в основном Галича: „Четырнадцати лет пацан попал в тюрьму...“³⁹, „Ну, кто из нас не знает Пастернака...“⁴⁰ и „Песня о прибавочной стоимости“⁴¹. Песен я никогда в жизни не записывал по лености. Пленку мне дали на два дня, и я отправился с ней к Коле Блинову – единственному знакомому, у которого был собственный магнитофон и он, добрая душа, дал мне его в пользование на один день. Я сидел дома и слушал, и учил, и выучил, как выяснилось спустя 40 лет, на всю жизнь. Это была осень 1963 года, на следующий год кончалась школа, впереди были вступительные экзамены на Истфак, в поле в том году я не ездил...

Таким образом, из тех пяти-шести, максимум десятка песен, первоисточником которых в нашей среде был я, „Граф Родериго“ или „Петрова“, наряду, конечно с „Танькой“ и „Четырнадцати лет...“, занимает особое место: с этих песен начал формироваться мой собственный репертуар и связанный с ним стиль исполнения <... >».

28. С. Б. Вариант см. в изд.: «В нашу гавань...». – С. 66-67. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко (см. примеч. 27).

29. С. Б. Профессор филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Т. В. Рождественская сообщила, что эту песню в конце 1940-х и в 1950-е гг. пела ее мать, И. П. Стуккей (род. в 1906 г.), песня написана в 1930-е гг. на стихи поэтессы Л. Поповой, которую хорошо знал отец Т. В. Рождественской, поэт Вс. Рождественский. По сведениям Кильдюшевского, эта песня была записана им от В. И. Назаренко (см. примеч. 27).

30. С. Б. Локальный археологический фольклор, не получивший широкого распространения. В тексте упоминается В. И. Равдоникас (1894–1976) – чл.-кор. АН СССР, профессор Исторического факультета ЛГУ, в 1936–1949 гг. – заведующий кафедрой археологии (Столяр А. Д. Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1. С. 8-25).

В основе переделки лежит популярная в 1950-е и 1960-е гг. русская подтекстовка легендарной песни «Sixteen Tons» (1946) М. Тревиса (<http://www.ernieford.com/Sixteen%20Tons.Htm>):

I was born one mornin' when the sun didn't shine
Picked up a shovel and I walked to the mine
I hauled Sixteen Tons of number 9 coal
And the straw-boss said, «Well, bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons, whadaya get?
Another older and deeper in debt
Saint Peter don't you call me cause I can't go
I owe my soul to the company store

Born one morning it was drizzle and rain
Fightin' and Trouble are my middle name
I was raised in a canebrake by an old mama lion
And no high-toned woman make me walk the line

³⁷ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни пока не установлено.

³⁸ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни, широко распространенной в археологических экспедициях 1960–1980-х гг., работавших на Северо-Западе (см.: «Мы по речке, по Касплю идем...». С.77), пока не установлено.

³⁹ А. Б., М. В. Песня «Сказание о Петре Якире, который родился в 1923 году, а сел в 1937» Ю. Ч. Кима (Ким Ю. Ч. Сочинения. М., 2000. С. 55).

⁴⁰ А. Б., М. В. Происхождение и авторство песни пока не установлено.

⁴¹ «Баллада о прибавочной стоимости» А. А. Галича (Галич А. Я верил в чудо. С. 105-108).

Песни археологических экспедиций как объект музеефикации

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

See me comin' better step aside
A lot of men didn't and a lot of men died
I got one fist of iron and the other of steel
And if the right one don't get ya, the left one will

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Born one mornin' when the sun didn't shine
Picked up a shovel and I walked to the mine
I hauled Sixteen Tons of number 9 coal
And the straw-boss said, «Well, bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Классическим считается исполнение песни Э. Фордом (1949). При этом текст песни в деталях отличался от авторского текста М. Тревиса:

Some people say a man is made outta mud
A poor man's made outta muscle and blood
Muscle and blood and skin and bones
A mind that's a-weak and a back that's strong

Chorus:
You load Sixteen Tons, what do you get?
Another day older and deeper in debt
Saint Peter don't you call me "cause I can't go
I owe my soul to the company store

I was born one mornin' when the sun didn't shine
I picked up my shovel and I walked to the mine
I loaded sixteen tons of number nine coal
And the straw boss said «Well, a-bless my soul»

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

I was born one mornin', it was drizzlin' rain
Fightin' and trouble are my middle name
I was raised in the canebrake by an ol' mama lion
Cain't no-a high-toned woman make me walk the line

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

If you see me comin', better step aside
A lotta men didn't, a lotta men died
One fist of iron, the other of steel
If the right one don't a-get you, then the left one will

Chorus:
You haul Sixteen Tons...

Пользуюсь случаем поблагодарить профессора Янгстаунского университета, (штат Огайо, США) Мелиссы Смит, указавшую мне сайт, содержащий информацию о песне «Sixteen Tons», а также сообщившую текст песни, исполнявшийся Э. Фордом.

А. Б., М. В. Русские подтекстовки песни «Sixteen Tons» фиксируются, по крайней мере, в двух различных версиях, которые можно условно обозначить как «авиационная» и «шоферская». Примеры «авиационной» версии приведены на сайте <http://goroms.narod.ru/OI/O05.htm>:

С. В. Белецкий

Текст 1960-х гг.:

Сидим мы в баре в поздний час,
И вот от шефа идёт приказ:
«Летите, мальчики, на восток,
Скорей по машинам, ваш путь далёк».

Прощай, чувиха, прощай, притон,
А в каждой бомбе – 16 тонн.
16 тонн – немалый груз,
Летят ребята бомбить Союз.

Летели мальчики на восток,
Увидели мальчики городок.
И жерла пушек на них глядят,
Сейчас наши мальчики будут стрелять.

Летят машины в кромешной мгле,
Не спят солдаты на земле.
Ракету в брюхо – и дым трубой,
И в землю штопором вниз головой.

И вот опять мы у стойки пьём,
Сегодня дивы, а завтра умрём.
Никто не знает тот день и час,
Когда эти бомбы падут на нас.

Текст 1980-х гг.:

Сидим мы в баре в поздний час,
И вот от шефа идёт приказ:
«Летите, мальчики, на восток,
Бомбите, мальчики, городок!»

Летим над морем – красота,
12 тысяч высота,
Но там, на море, корабли,
И нас над морем засекли.

Один снаряд попал в крыло –
Связиста к чёрту унесло,
Другой снаряд попал в туалет –
Там было двое, сейчас их нет,
Третий снаряд попал мне в глаз –
А я балдею и жму на газ!

Полного текста «шоферской» версии пока обнаружить не удалось. По воспоминаниям С. В. Белецкого (род. в 1953 г.), в начале 1960-х гг. он слышал песню «Шестнадцать тонн» со следующими словами (в памяти сохранились фрагменты):

Я шофер компании Спейз (?)
Вожу машины в Сан-Перес (?)
.....
.....
.....

А если машина свернет в кювет –
Был Том Стейлтон – Тома Стейлтона нет.

Горит реклам неоновый свет,
И лучше жизни, чем в Америке, нет.
Играй оркестр, звени тромбон,
А я вхожу в нетопленный дом.

Белецкий вспомнил также, что из текста следовало: перевозимый водителем груз весом в 16 тонн представлял собой некое взрывоопасное вещество.

31. С. Б. Варианты см. в изд. («В нашу гавань». С. 342-343; «Мы по речке, по Каспле идем». С. 54-56).

(Продолжение в следующем номере)

Рецензии и отзывы

**Н. Н. Каретникова
В. П. Яковлев**

Юрий Овсянников. Три века Санкт-Петербурга. История. Культура. Быт. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2003. – 502 с.

К 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга вышло в свет второе исправленное и дополненное издание книги Ю. М. Овсянникова «Три века Санкт-Петербурга»¹. Первое издание читатели увидели в 1997 г. Тогда же авторы этих строк опубликовали на нее рецензию в «Санкт-Петербургских ведомостях», высказав несогласие с концепцией Овсянникова.

Таким образом, авторы предлагаемой вниманию читателей рецензии, уподобляясь древнеримскому сенатору Катону Старшему, снова возвращаются к теме.

Создатель книги «Три века Санкт-Петербурга» Ю. М. Овсянников – писатель, искусствовед, широко известный своими серьезными трудами, посвященными Д. Трезини, Б. Растрелли, К. Росси, лауреат Анциферовской премии, присуждаемой за лучшие работы о Санкт-Петербурге. Новое издание полиграфически безупречно, богато иллюстрировано прекрасными архитектурными съемками И. Пальмина и др. и практически является подарочным юбилейным изданием.

Овсянников очень подробно излагает историю города до 1917 г. Этот рассказ многогранен, живописен, отражает не только основные вехи развития Санкт-Петербурга, но тонкие его нюансы, текст изобилует именами как государственных деятелей и царей, так и литераторов, писателей, музыкантов, архитекторов. В канву крупнейших исторических событий умело вписаны страницы, посвященные отдельным памятникам архитектуры, истории, литературы. Очень удачными стали мини- очерки о Петербурге Ф. Достоевского, А. Блока, «Серебряном веке» и др. Сквозной темой в книге дана история Государственного Эрмитажа. Почти в каждой главе встречается материал о его создании и деятельности, и сделано это со вкусом, ненавязчиво и очень уместно.

Пожалуй, вызывает только некоторое удивление рассказ автора о Колеснице Славы на аттике арки Главного штаба. Овсянников, один из знатоков творчества К. Росси, пишет о том, что в сентябре 1830 г. установили «шестнадцатitonную колесницу» (с. 233). В ночь на 1 января 2001 г. во время массовых гуляний на Дворцовой площади случился пожар, сильно повредивший скульптурную композицию. Тогда же в прессе появились публикации о том, что Колесница вместо шестнадцати тонн весила четыре, а ее создателей обвинили в хищении меди. Петербургский исследователь П. Б. Кривская в Российском государственном историческом архиве обнаружила документы, неопровергимо доказывающие, что Колесница действительно весила только четыре тонны, это было хорошо известно современникам и являлось предметом особой гордости создателей, сумевших в 4 раза уменьшить давление скульптурной композиции на арку Главного штаба².

¹ К сожалению, Юрий Максимилианович Овсянников ушел из жизни, не дожив до выхода в свет второго издания «Трех веков Санкт-Петербурга», но выдвинутая им концепция имеет много сторонников.

² Кривская П. Б. Превратности «Славы» // История Петербурга. – 2001. – № 1. – С. 54.

Нужно отметить, что, если бы книга Овсянникова называлась «Два», а не «Три века Санкт-Петербурга», то не было бы и предмета рецензии. Из 502 страниц работы только 46 посвящены 73 годам советского и 10 постсоветского периода истории нашего города. Это столь некорректно, что в начале книги на листе, озаглавленном «Содержание», автор сам делает описку по З. Фрейду, указывая: «Эпоха социализма» – с. 336-482 (в действительности – с. 436-482).

Краткость, практически скороговорка, в изложении материала в главе «Эпоха социализма» привели к тому, что отсутствует даже упоминание о развитии традиционных видов искусства, за исключением авангарда 1920-х гг. и конструктивизма 1920 – 1930-х гг. Так, в четыре страницы, посвященные послевоенному Ленинграду (с. 468-472), не попал рассказ ни об одном театре: ни Акимовский театр Комедии, ни Товstonоговский БДТ, ни Додинский Малый драматический даже не упомянуты. Между тем, когда речь идет о театре елизаветинских времен, то Овсянников не только подробно излагает его историю, но даже цитирует текст афиш той эпохи (с. 88-89).

Нет ни слова и о таком новом искусстве, как кино, поэтому имена бр. Васильевых, Г. Козинцева, И. Хейфица, Г. Панфилова, А. Германа и других также выпали из городской истории.

Автор «Трех веков Санкт-Петербурга» ярко пишет о создании Кунсткамеры, Эрмитажа и Русского музея в дореволюционную эпоху. Сегодня количество петербургских музеев приближается к тремстам. Подавляющее их большинство появилось после 1917 г., но о них, за исключением Музея обороны Ленинграда, нет ни слова.

Из всех великих выпускников Вагановского училища, прославивших сцену Мариинского театра в советское время, автор назвал только Р. Нуриева и М. Барышникова. Невольно предполагаешь, что Г. Уланова, К. Сергеев, В. Чабукиани, Н. Дудинская, Ф. Рузиматов и другие не попали в их число, т. к. не стали эмигрантами.

В силу своего неприятия ленинградского периода истории Санкт-Петербурга, Овсянников меняет концепцию иллюстрирования книги. Так, рассказ о первых двух веках города очень выигрывает от размещения портретов людей, живших и творивших в нем: М. Мусоргского, Ф. Достоевского, А. Блока, А. Бенуа и т. д. (с. 361, 372, 397, 411). В главе «Эпоха социализма» только один портрет А. Ахматовой (с. 468). Больше такой чести никто не удостоен.

Зато на этих 46 страницах подробно изложены акты вандализма, произошедшие в первые советские десятилетия. Имели они место? Несомненно. Вероятно, было бы уместно, ни в коей мере не оправдывая, а, безусловно, осуждая подобное, упомянуть об истоках ненависти пролетариев к уникальным ансамблям. Так, рассказывая о золочении купола Исаакиевского собора, фразу: «Его медную обшивку трижды покрывали расплавленным золотом и ртутью. И сегодня, через полтора столетия, огромная глава Исаакиевского собора продолжает сиять своими первоначальным огнем» (с. 348), продолжить: «Все 43 русских мужика, которых заставили золотить купол по этой древней варварской технологии и от которой к тому времени отказался весь цивилизованный мир, умерли от ртутного отравления, не дожив до освящения Исаакия». Или дополнить многостороннюю историю Исаакиевской площади и Мариинского дворца одной фразой: «К несчастью, здесь же, у Синего моста в Петербурге в течение многих десятилетий можно было купить и продать людей оптом и в розницу».

Если изложение истории Санкт-Петербурга за первые 150 лет почти безупречно, то, когда речь идет о более поздних временах, к сожалению, случаются досадные ошибки.

Мы так же, как и автор книги, не испытываем симпатии к народовольцам, но, рассказывая о подготовке к покушению и убийстве императора Александра II, вряд ли нужно быть неточным. Овсянников делает три ошибки на одной странице: «Желябов и Перовская арендовали на Малой Садовой молочный магазин» (с. 368). В действительности, это была сырная лавка супругов Кобозевых, и снимали ее другие народовольцы – Ю. Н. Богданович и А. В. Якимова. А. Желябов был арестован не на улице (с. 368), а в меблированных комнатах дома № 66 по Невскому пр. Далее идет описание гибели императора Александра II: «Когда рассеялся дым, то среди двух десятков пострадавших увидели смертельно раненного государя и труп второго бомбометателя» (с. 368). Второй бомбометатель, И. Гриневичский был ранен и умер в Николаевском военном госпитале.

1917 г. вызывает тяжелое чувство не только у Овсянникова, но и у авторов этих строк. Тем более не может быть ошибок в тексте. Говоря о государственных органах, созданных в ходе Февральской революции, автор называет «Временный комитет Государственной думы» (с. 431), опустив слово «членов» – Временный комитет членов Государственной думы. Между тем, слово «членов» крайне важно. К началу революции Николай II распустил 4-ю Государственную думу, большинство ее депутатов не решилось нарушить царский указ и не принимало участия в создании Временного правительства.

События октября 1917 г. сведены к двум абзацам, но автор успевает сказать, что «Смольный институт благородных девиц, где разместился штаб большевиков, опоясан окопами, пулеметами, колючей проволокой» (с. 435). Ссылается он при этом на фотографии сентября 1917 г. Фотографий действительно много, но ни окопов, ни колючей проволоки на них нет³.

Повествование о блокаде носит глубоко эмоциональный характер. Вместе с тем, в изложении есть пробелы. Так, рассказывая о культурной жизни блокадного Ленинграда 1942–1943 гг., автор пишет: «На Невском проспекте по вечерам теперь открывал свои двери театр. Его так и называли „Блокадный“» (с. 463). Читатель при этом справедливо думает, что этот театр (в будущем им. В. Ф. Комисаржевской) был один. Но в первую, самую тяжелую, блокадную зиму 1941–1942 гг. на Невском уже был театр, открывший ленинградцам свои двери. Это – театр Музыкальной комедии, который давал представления на сцене Александринки, т. к. его собственное здание пострадало от бомбежки. И он был единственным театром, проработавшим всю блокаду.

Автор считает главным событием в новейшей истории Петербурга захоронение царских останков в 1998 г. в Петропавловском соборе. Но в рассказе опять ошибка. Овсянников указывает, что последний русский император похоронен в великооктябрьской Усыпальнице и даже подробно рассказывает об авторах ее проекта и строительстве (с. 476). Захоронение же произведено в приделе Св. великомученицы Екатерины самого Петропавловского собора. Где именно захоронены останки – вопрос принципиальный. Императора по традиции хоронят только в соборе, но позиция царских потомков и тогдашнего главы Объединения Дома Романовых Н. Р. Романова состояла в том, что Николай II, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга, Татьяна и Анастасия должны покоиться вместе с близкими людьми, не оставившими их в последний момент и принявшими такую же мученическую смерть – доктором Е. С. Боткиным, камердинером А. Е. Трутпом, горничной А. С. Демидовой, поваром И. М. Харитоновым. Именно поэтому и был избран Екатерининский придел собора.

³ Фотографии Смольного: Революционный Петроград. Год 1917-й. – Л., 1977. – С. 347; Немиро О. Смольный в советском изобразительном искусстве. – М., 1987. – С. 21; Митрофанов Н. Дни великого штурма. – М., 1987. – С. 66-67.

Кстати, далее Овсянников пишет о том, что после царских похорон русские аристократы и члены семьи Романовых, часто приезжая в Петербург, стали членами специальных фондов, и, «благодаря их помощи уже многие здания и особняки приобрели первоначальный облик и радуют взор своей красотой» (с. 476). Неверное утверждение. Петербургский Комитет Государственной Инспекции охраны памятников не располагает подобной информацией. Более того, такое утверждение оскорбительно и для крайне щепетильных русских аристократов. Авторы рецензии лично знакомы с Н. Р. и Д. Р. Романовыми, членами Строгановского, Голицынского и других фондов и с сожалением должны напомнить создателю «Трех веков Санкт-Петербурга», что все богатства этих людей остались в России, их дедам и отцам пришлось начинать жизнь в эмиграции с нуля. Бесконечно любя свою историческую родину, они жертвуют личные средства на благотворительность, но не располагают суммами, позволяющими придать особнякам первоначальный облик. Можно предположить, что, если бы автор книги так откровенно не игнорировал советский и постсоветский период истории города, тогда бы и нашлась страница для рассказа об одной из лучших в мире реставрационных школ — ленинградской.

Чувствуется некая неаккуратность текста, когда речь идет о событиях современной истории. Так, автор пишет: «Бывшее здание Гвардейского штаба на Дворцовой площади получил Эрмитаж» (с. 476). Но в 1989 г. Эрмитаж получил здание не Штаба Гвардейского корпуса, а левое крыло Главного штаба.

А чуть ранее, когда речь идет о Храме Воскресения Христова, указывается: «Храм вновь возвращен верующим» (с. 368-369). Храм передан Исаакиевскому собору и после реставрации в 1998 г. открыт как музей. Следует заметить, что верующим он принадлежал только в советское время (1923–1930 гг.), а в дореволюционный период был в ведении Министерства Императорского двора и открывался только для членов императорской семьи два раза в год: в день именин и смерти императора Александра II.

Есть путаница и в хронологии событий: Дворцовый мост построили не в 1910 г. (с. 339), а в 1912–1916 гг., да и то без архитектурных украшений; Александр III заключил франко-русский союз не в 1889 г. (с. 381), а в 1891–1893 гг.; коронационные торжества в Москве по случаю венчания на царство Николая II прошли не в 1895 г. (с. 385), а в мае 1896 г.

К сожалению, в работе Овсянникова имеется совершенно недопустимая, оскорбительная сентенция. Так, рассказывая об установке в 1985 г. на пл. Восстания памятника «Городу-герою», он сравнивает его с аналогичным в Москве и считает, что схожи памятники, но не события: «Великий 900-дневный героический подвиг Петербурга (так в тексте. — Н. К., В. Я.) в годы Второй мировой войны и московская паника в середине октября 1941 г.» (с. 386). Подобное неуместно, тем более, что позиция автора не аргументирована. Главное же — это памятники не паниковавшим чиновникам, а людям, погибшим, защищая наши столицы.

В заключение следует напомнить, что историю вообще и Петербурга, в частности, можно и переписать, и замолчать целые десятилетия, только изменить нельзя.

A. B. Антошин

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). – СПб.: СПбГУКИ, 2004.– 430 с.

Монография П. Н. Базанова раскрывает проблему, которая еще не становилась объектом специального изучения. Несмотря на наличие достаточно большого числа исследований, посвященных истории Российского зарубежья, до недавнего времени отсутствовали работы, где на основе значительного комплекса источников предпринималась бы попытка проанализировать издательскую деятельность различных волн российской эмиграции в столь широких хронологических рамках. Именно это придает труду П. Н. Базанова особую значимость.

В предисловии к монографии автор подробно обосновывает использование им понятия «русская эмиграция», одновременно указывая на специфику употребления термина «Русское зарубежье». В целом аргументация П. Н. Базанова достаточно логична и не вызывает возражений. Автор также характеризует историографию проблемы. Работу отличает обстоятельный анализ источниковой базы, характеристика основных архивов, где хранятся документы по истории российской эмиграции. В поле зрения автора находятся как российские, так и зарубежные (прежде всего, американские) архивы.

В 1-й главе подробно проанализирована издательская деятельность дореволюционных политических партий в эмиграции (с. 39-90), в частности, различных меньшевистских групп (Заграничной делегации РСДРП, группы «Заря», группы «Новый путь»), Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), эсеровских течений, возникших на основе ПСР 1918–1921 гг., а также главной организации российского либерализма – Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). Можно лишь поставить под сомнение правомерность применения термина «левые эсеры» по отношению к группе «Воля России» (с. 67), поскольку традиционно это понятие ассоциируется с ПЛСР.

Во 2-й главе автор характеризует издания т. н. «новоструктурных» (новотактических) организаций эмиграции (с. 158-279). Исследователь полагает, что к этим группам относились те, которые были созданы «из существовавших до революции и во время Гражданской войны организаций», изменивших свою структуру и стратегию, но «питавшихся старой идеологией» (с. 90). По нашему мнению, идея автора является достаточно плодотворной, позволяя отличать подобные структуры от т. н. пореволюционных течений. В данной главе рассмотрена деятельность Народного Союза защиты Родины и Свободы, традиционно связываемого с личностью Б. В. Савинкова и созданного П. Н. Милюковым Республиканско-демократического объединения, группы «Крестьянская Россия», Братства Русской Правды, Высшего монархического совета и др. Отдельно проанализирована тактика монархических объединений, ориентировавшихся на великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича.

Принципиально отличались от новоструктурных, полагает П. Н. Базанов, т. н. «идеократические» (новоидеологические) партии. Особенностью этих структур было то, что они рождались «в ходе поиска принципиально новых идеологий» (с. 158). Особое место здесь занимали группы «новопоколенцев» и будущий НТС, которым уделено значительное место в труде П. Н. Базанова. Однако закономерно, что в данной главе автор рассматривает также деятельность младороссов, Российского национального союза участников войны (РНСУВ), созданного генералом А. В. Туркулом, левых пореволюционных течений. При характеристике этого типа политических организаций невозможно не обратиться к феноменам рус-

ского фашизма и нацизма. П. Н. Базанов совершенно справедливо различает эти два понятия, что, заметим, согласуется с позицией крупнейших отечественных и зарубежных специалистов по теории тоталитарных идеологий. В монографии представлен взвешенный подход к этим вариантам эмигрантской общественно-политической мысли, проанализирована издательская деятельность организаций русских нацистов и фашистов.

Новый этап в истории политических организаций Российского зарубежья наступил после окончания Второй мировой войны. Политический центр диаспоры, как указывают многие исследователи, переместился в Нью-Йорк, возникла новая, вторая, волна эмиграции из СССР, которая первоначально концентрировалась в лагерях «ди-пи». Сформировались новые крупные центры Российского зарубежья – прежде всего в Латинской Америке (Буэнос-Айрес, Каракас, Сан-Пауло и др.), а также в Австралии.

Все эти процессы не могли не оказать существенного влияния на политическую палитру Российского зарубежья. Важнейшим фактором политической жизни послевоенной диаспоры стал феномен т. н. власовских организаций. В 4-й главе монографии П. Н. Базанова (с. 279-360) подробно проанализирована издательская деятельность Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР), Комитета объединенных власовцев (КОВ) и других структур этого типа. Кроме этого, продолжал свое существование НТС, ставший в этот период наиболее мощной политической организацией диаспоры. П. Н. Базанов обстоятельно рассмотрел вопрос о причинах и ходе расколов в послевоенной организации солидаристов, прежде всего, выделения Российского национально-трудового союза (РНТС) во главе с В. М. Байдалаковым. Особый интерес представляет изучение, пожалуй, одной из наиболее загадочных структур этого времени – Российского общнационального народно-державного движения (РОНДД), которое неоднократно подозревали в связях с советскими органами госбезопасности. В данной главе П. Н. Базанов анализирует и послевоенную деятельность старых русских социалистов – меньшевиков и эсеров, окончательное затухание активности которых произошло лишь к середине 1960-х гг., а отдельные старые вожди (например, лидер «меньшевистского комсомола» времен Гражданской войны Б. М. Сагир) дожили до перестройки М. С. Горбачева. Справедливо и внимание к крупнейшему объединению старых русских либералов, функционировавшему после войны – Союзу борьбы за свободу России, во главе которого стоял известный историк С. П. Мельгунов.

В заключении П. Н. Базанов подводит итоги исследования, отмечая особенности издательской деятельности русских политических организаций в эмиграции.

Труд П. Н. Базанова отличает использование большого комплекса разнообразных исторических источников, прежде всего периодической печати эмиграции. Несомненным достоинством монографии является обращение автора к документам Бахметевского архива Колумбийского университета, который является одним из крупнейших собраний материалов по истории российской эмиграции. Многие документы, использованные в монографии, впервые вводятся в научный оборот. К тексту этого труда нужно было бы добавить вспомогательные указатели, в т. ч. именной и географический, таблицы издательской деятельности политических организаций русской эмиграции. Исследование П. Н. Базанова является важным шагом в изучении политической истории Российского зарубежья.

Б. Миркин

КНИГИ НАШИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПРИГЛАШЕНИЕ В «ГРАД ОПЕРЫ»

Булыгин А. К. Принц в стране чудес: Франко Корелли и оперное искусство его времени. – М.: Аграф, 2003. – 496 с.

В последние годы поклонники музыки с большим удовольствием читают книги из серии «Волшебная флейта», которые публикует московское издательство «Аграф». Среди всего, что у нас сейчас издают, до обидного мало монографий об оперных певцах. Тем более радостно, что одну из таких монографий автор посвятил не тем исполнителям, чьи имена на слуху у всех (Карузо, Шаляпин, Каллас и еще можно назвать несколько имен), а певцу, который в последние десятилетия советской эпохи был не слишком известен слушателям, большинство которых было уверено, что кроме Марио дель Монако на тот момент в мире просто не было других крепких теноров.

Книга А. К. Булыгина издана под титлом «Портрет мастера». Название книги достаточно длинное, и его широкая семантика открывает поистине безразмерные возможности рассказывать об опере и оперных певцах современности. Одним словом, пообещав в кратком предисловии «От автора» познакомить читателей с «градом-оперой», причем не только с одним из его выдающихся сооружений, но и со всеми наиболее примечательными архитектурными ансамблями, Булыгин сдерживает свое слово. Его экскурсия по «граду-опере» продолжительна и увлекательна, она интересна не только для тех, кто уже что-то знает о «граде-опере», но и для тех, кто с опаской взирает на его врата, не решаясь войти в них.

Автор назвал своего героя «Принцем оперы», вспомнив одну из лучших ролей Корелли – Калафа в опере «Турандот». Калаф достигает своей цели – разгадывает загадки жестокой Турандот и обретает право на руку неприступной красавицы, но после этого он сам загадывает ей свою загадку. Булыгин интригует читателя загадками, которые задал своим почитателям «Принц оперы»:

- почему он вышел на профессиональную сцену только в 30 лет и что он делал до этого;
- почему он ограничил репертуар небольшим числом партий и не пел даже Отелло, хотя его тенор-спинто вполне соответствовал этой партии (Отелло поет даже Л. Паваротти, который обладает лирическимтенором);
- почему он внезапно покинул сцену при прекрасном состоянии голоса, когда был признан лучшим лирико-драматическим тенором мира;
- когда родился певец (разные авторы указывают разные даты рождения).

Булыгин предлагает свои «отгадки» на загадки принца. Он склонен считать датой рождения Корелли 1921 г., который был означенован множеством трагических событий: умер от болезни еще совсем не старый Э. Карузо, пришли к власти Гитлер и Муссолини. Кстати, с исторической дистанции Булыгин оценивает диктатуру Муссолини как несравненно более мягкую, чем режимы Гитлера или Сталина. В эти годы бурно росла итальянская экономика, и в стране повысился уровень жизни. Дуче был музыкальным человеком и много сделал для развития оперы (об этом пишет в своих мемуарах и Б. Джильи). В начале своей политической карьеры Муссолини был фаворитом молодежи, и Булыгин не исключает возможности того, что отсутствие информации о юности Корелли связано с его участием в молодежных организациях фашистского толка.

В соответствии с обещанием познакомить читателя со всей «архитектурой» «града-оперы» в книгу включено немало страниц об оперных певцах, которые пели вместе с Франко Корелли и до того как на оперном горизонте зажглась ослепительная звезда его феноменального голоса. Впрочем, порой автор даже слишком увлекается и в итоге несколько «размазывает» содержание книги. К примеру, он, походя, «крепко врезал» М. Кабалье за ее концерт с Н. Басковым, который оценивается им как весьма посредственный оперный певец (с этой оценкой трудно не согласиться). Это «размазывание» содержание порой раздражает, но к концу чтения книги читатель не только привыкает к стилю автора, но и начинает восхищаться его энциклопедическим кругозором и смелостью его оценок.

Характеристикам теноров посвящена специальная часть «Человек, именуемый тенором», которая играет в монографии примерно такую же роль, как обзор литературы в научных трактатах. Читатель находит на страницах книги емкие характеристики практически всех «характеристических» теноров XX столетия: Ф. Таманьо, Э. Карузо, Л. Слезака, А. Пертиле (записи этого певца особенно помогли вокальному самообразованию Корелли), Дж. Мартинелли, Дж. Лаури-Вольпи, Б. Джильи, Т. Скипа, М. Филиппески, Ф. Тальявини, Г. Мазини, Ю. Бьерлинга, Н. Гедды, Ч. Валлетти, Дж. Поджи, Дж. ди Стефano, Карло Бергонци, Дж. Кампора, Дж. Раймонди.

Булыгин сравнивает своего героя с другими обладателями аналогичного голоса и в первую очередь, понятно, с Марио дель Монако, который начал карьеру намного раньше, чем Корелли, и к моменту выхода на сцену последнего был бесспорным фаворитом. Складывается впечатление, что увлеченный своим героям автор был склонен поставить Корелли выше, чем Монако, однако не сделал этого, т. к. осознал, что вопросы сравнения мастеров столь высокого класса «праздные сами по себе ибо неисчислимы лики творчества и также разнообразны души, воспринимающие искусство». Безусловно, это так, у каждого из «певцов-конкурентов» были свои достоинства. Несомненно, однако, что Корелли имел более широкие вокальные возможности и с равным успехом пел репертуар драматического и лирического тенора (пел не только Рудольфа в «Богеме» и Рауля в «Гугенотах», но даже Фауста и Ромео).

Много интересного читатель узнает и о других знаменитых певцах – басах и баритонах, которые были партнерами Корелли – о Б. Христове, Н. Росси-Лемени, Ф. Корене, Дж. Тоцци, К. Мак-Ниле, а также певицах – М. Каллас, Л. Генчер, Р. Тебальди, К. Людвиг, Р. Резник, Г. Бамбри и многих других.

Особенно подробно Булыгин пишет об Этторе Бастианини – выдающемся баритоне и друге Корелли, который tragически ушел из жизни, не дожив до 45 лет. Причиной его смерти был рак горла, причем из предложенной врачами альтернативы «операция и долгая жизнь» и «пение и короткая жизнь» Бастианини, не мысливший жизни без сцены, выбрал вторую. Он скрыл свою болезнь от всех и пел до последней возможности. Коллеги и почитатели слышали, что с голосом певца творится что-то неладное, но считали, что у Бастианини фарингит. В этот трагический период своей жизни прославленный певец был освистан в Ла-Скала, зал которого десятки раз взрывался бурными овациями во время спектаклей с его участием.

Булыгин называет Бастианини лучшим баритоном своего времени, с этой оценкой также можно согласиться. Несмотря на грандиозный талант «короля баритонов» Тито Гобби, который выступал на сцене почти 50 лет, у него были немалые проблемы с верхними нотами, а у Бастианини голос одинаково уверенно звучал во всех регистрах и отличался редкой красотой тембра, не менее привлекательного, чем у Гобби. Сравнивая записи Т. Гобби и Э. Бастианини, можно сказать, что у первого певца

восхищает его умение преодолевать дефицит вокальных ресурсов без ущерба для решения художественных задач, а у второго – беспредельная свобода звучания голоса, в котором певец буквально купается. К счастью, было выполнено много превосходных записей голоса Бастинини, и он остался с нами навсегда.

В основу книги автор положил множество источников из числа книг и статей, переведенных и непереведенных на русский язык. Он использует цитаты из книг и статей Дж. Лаури-Вольпи, М. дель Монако, Р. Бинга, И. Поповой, Ю. Волкова, Г. Вишневской и многие другие. Цитаты весьма органично встроены в авторский текст. Далеко не всегда Булыгин соглашается с мнением достаточно именитых авторов, так, к примеру, он очень иронично оценивает итоги определения рейтинга теноров по результатам опроса, который был организован журналом «Опера фанатик». В этом «табеле о рангах» лидирует Корелли, однако Карузо оказался за Берлингом, а одиозный организатор опроса С. Цукер попал в одну рейтинговую группу с Марио дель Монако!

Булыгин возражает биографу Марии Каллас Юргену Кестингу (его книга несколько лет назад вышла также в серии «Волшебная флейта») по поводу несправедливой оценки выдающейся певицы Э. Стиньянни (по словам Кестинга, постановщику «Весталки», великому режиссеру Лукино Висконти «так и не удалось добиться ничего, кроме пары стандартных жестов»). Вступается он и за честь и имя Рудольфа Бинга, которому Н. Гедда дал ироничные оценки (в книге последнего вообще немало желчи). Булыгин совершенно справедливо считает Бинга великим менеджером оперы, с именем которого связан расцвет театра «Метрополитен» и преодоление расовых запретов. Именно при Бинге на сцену театра вышли Л. Прайс, Г. Бамбri и другие выдающиеся негритянки.

Безусловно, Булыгин обладает энциклопедическими познаниями об оперных певцах, можно пожелать ему подготовить к печати «Словарь оперных певцов», в котором сегодня ощущается остройшая необходимость. Широкие круги любителей оперы лишились возможности пополнять свои знания за счет популярных многотиражных изданий, таких, как идававшийся в «советские времена» журнал «Музыкальная жизнь». В рецензируемой книге очевидно не достает именного указателя, еще лучше – аннотированного, подобного тому, что составлен Ю. Прокошиным в книге П. Доминго «Мои первые сорок лет» (М.: Радуга, 1989). Если книга Булыгина будет переиздаваться, то это упущение желательно исправить.

В книге шесть частей. Если исключить уже упомянутую вторую часть, посвященную тенорам, то пять частей – это пять этапов биографии Корелли. Дебют – «Как-то раз в Сполето», «итальянский» период – «На родине», апогей мастерства – «Завоевание Америки», «свертывание» репертуара – «Достигнув высшей власти», уход от активного исполнительства – «Другой певец... придет?».

Каждый этап биографии описан в книге детально с приведением летописи основных музыкальных событий и в то же время обобщенно. В итоге у читателя формируется образ Корелли как великого труженика, который дебютировал с некоторым опозданием почти как самоучка и стал зрелым мастером уже в процессе дальнейшей работы в опере. Учиться Корелли не переставал на протяжении всей своей жизни, в частности, он брал уроки у знаменитейшего мастера бельканто и теоретика вокального искусства Дж. Лаури-Вольпи во время приездов в Италию из Америки в начале 1960-х гг., когда, казалось бы, был уже зрелым мастером и находился в зените своей славы. В театр «Метрополитен» Корелли был приглашен Р. Бингом «с подачи» очень состоятельного человека и великого знатока вокала Р. Бауэра, консультациями которого он постоянно пользовался. Р. Бауэр и Р. Юнг в течение всего периода работы Корелли на

сцене прославленного театра были его ангелами-хранителями, постоянно утрясавшими коллизии, связанные с непростым характером певца.

Впрочем, «звездная болезнь» у Корелли носила сравнительно легкую форму, если исключить скандальный эпизод во время спектакля «Дон Карлос», где Корелли пел вместе в Б. Христовым, отличавшимся крайне тяжелым характером, то отношения с другими звездами-партнерами по сцене носили у него характер соперничества. На этой почве возникали конфликты (с Л. Прайс, Б. Нильсон, А. Стеллой, М. Каллас), но они никогда не переходили во вражду. В итоге, если М. Каллас, за исключением самого начала пути, никогда не могла поладить с М. дель Монако, то она многократно выступала и записывалась вместе с Корелли. Они подарили миру прекрасные записи «Нормы» и «Полиевкта» (в «Норме» к этому блистательному дуэту присоединилась К. Людвиг, а в «Полиевкте» – Э. Бастинанини).

Булыгин разгадывает и другую загадку Принца Оперы: почему он в апогее своей славы и мастерства в середине 1960-х гг. вдруг прекращает выступать в новых партиях и даже начинает сужать свой репертуар, в частности, перестает петь в «Трубадуре». В этой партии Корелли дебютировал на сцене «Метрополитен» и имел в ней наибольший успех. Именно после спектакля «Трубадур» во время Зальцбургского фестиваля в 1962 г., в котором он выступал вместе с Л. Прайс и Э. Бастинанини, дирижировавший спектаклем великий музыкант Г. фон Карайан сказал: «Этот голос возвышается над всем: голос грома, молнии, огня и крови» (имеется достаточно хорошая «живая» запись этого поистине «вулканического» спектакля).

Булыгин присоединяется к мнению одного из самых авторитетных американских оперных критиков Дж. Пульезе, считавшего, что причиной перемен в репертуаре певца была его крайняя усталость, связанная с полной самоотдачей во время спектаклей и достаточно слабой нервной системой, которая не выдерживала этих перегрузок. Впрочем, он не исключает и влияния на Корелли специфики американской оперы, которая в значительной степени коммерциализирована (крайним выражением коммерциализации была судьба М. Ланцы, оперный репертуар которого вообще был ограничен несколькими ариями).

В конце 1960-х гг. Корелли прекращает выступления на оперной сцене и только изредка поет в концертах неаполитанские песни, демонстрируя прекрасное состояние голоса, а затем и полностью отходит от исполнительства. Невольно вспоминается внезапный уход из директоров «Метрополитен» Р. Бинга, который физически был в состоянии и дальше руководить этим уникальным коллективом. Бинг говорил, что хочет, чтобы о его работе в «Метрополитен» спрашивали «Уже?», а не «Еще?». К слову, так же при полном расцвете вокальных ресурсов из оперы в филармонию ушел и наш прославленный певец П. Лисициан.

Достоинством книги Булыгина является его знание стилей разных композиторов. Он прекрасно пишет об У. Джордано, Ф. Чилеа, Дж. Пуччини, Г. Доницетти, Р. Леонкавалло и других авторах опер, в которых пел Корелли. Приведу всего одну цитату, в которой дается оценка Дж. Верди: «Благодаря незаурядному мелодическому и драматургическому дару он сумел не только преодолеть строгие жанровые границы, превратить любую романтическую „фантазию“, любую сюжетную нелепость в потрясающее средство для изображения гигантского масштаба человеческих страстий, но и одновременно обратиться к соотечественникам со вполне реальными призывами, понимаемыми его зрителями с полуслова (вспомним хор из „Набукко“, ставший подлинным народным гимном борцов за свободу Италии)» (с. 189). Лучше об операх Верди не скажешь.

И последнее. Булыгин – свой человек в «граде-оперы», увлеченный им и даже влюбленный в него. В итоге он ведет свою экскурсию по прекрасному граду увлекательно, описание спектаклей и характеристики певцов столь сочные и живые, что экскурсантам кажется, что их гид со-причастен ко всему тому, о чем он рассказывает, был на всех спектаклях и связан дружескими отношениями с корифеями оперы.

Украшает книгу большое число удачно подобранных фотографий, позволяющих получить представления об уникальном физическом комплексе этого необычайно красивого и стройного певца высокого роста. Как известно, высокий рост – это исключение из правил: тенора бывают небольшими и полными. Впрочем, и голос Корелли, огромной силы, широкого диапазона и незабываемого тембра – тоже не укладывается ни в какие правила...

R. Э. Павлова

ВЫСТАВКА «РОЖДЕСТВО В ПЕТЕРБУРГЕ»

В последние годы в Музее истории Петербурга осуществляется проект, посвященный истории повседневности. В рамках этого проекта были организованы выставки, посвященные письмам, путешествиям, великосветским обедам («Парадные меню»). К разделу бытовой истории можно отнести и проходившую в январе – феврале 2005 г. в Невской куртине Петропавловской крепости выставку «Петербургское Рождество». В последние годы эта тема стала популярной, и «малые музеи» города (Музей хлеба, Музей кукол и т. д.) в соответствующее время уже устраивали подобные экспозиции.

В Петербурге, где есть давние и незабытые традиции празднования Рождества, такие вернисажи обречены на успех, о чем говорит и их стабильно высокая, и, что очень важно, семейная посещаемость. Но именно богатейшие, постоянно пополняемые фонды Музея города, наличие специалистов-музейщиков с солидным опытом подобных экспозиций предоставили все возможности для создания «эталонной» рождественской выставки.

Экспозиция, размещенная в трех залах на относительно небольшой площади, включает более 300 экспонатов, созданных в XVIII–начале XX в. Это книги, иконы, костюмы, в т. ч. маскарадные и карнавальные, игрушки, упаковка, предметы мебели и множество мелочей, прелестных и воздушных, назначение которых давно забыто. Объединенные тематически, они располагаются в витринах, группируются в «живописные уголки». Большое количество подлинных вещей, многие из которых просто уникальны (гинольный театр 1867 г. или одесская шарманка середины XIX в.), создают важнейшее для выставки ощущение достоверности.

Особенно богата иконография – гравюры, в основном раскрашенные, литографии, рисунки, книжные иллюстрации, открытки, художественные плакаты, архивные фотографии. Они традиционно музеинным образом размещены по стенам, а копии с афиш, реклам, объявлений просто на克莱ены на стены, что вызывает ассоциации с интерьерами современных петербургских домов. Символом и декоративным центром экспозиции стали две рождественские ели – одна в процессе украшения, другая в полном блеске рождественского наряда, окруженная разнообразными подарками (посудой, куклами, лошадками на колесиках).

Авторы стремились к тому, чтобы вещи «заговорили», поэтому ограничились небольшими комментариями в каждом зале и, видимо, ксерокопированными отрывками из газет (о происхождении текстов трудно судить, т. к. нет ссылки на источник). Но, к сожалению, обобщающий текст, который обычно помещают в начале выставки, отсутствует, и его не может компенсировать даже платный буклет. Поэтому анализ концепции выставки приходится делать только на основе экспонатов и их взаимного расположения.

Представленным предметам скорее соответствует название «Петербургское Рождество, зимние праздники и развлечения», ибо тема Рождества является на выставке только частью, пусть и наиболее значительной – календарь со времен Петра I стал включать не только религиозные, но и государственные светские праздники. С этим связано экспонирование в первом зале текста указа Петра I о праздновании Нового года, гравюр, изображающих празднование Крещения, Нового года и Масленицы, размещение в последующих залах большого числа видов зимнего Петербурга, картин зимних развлечений – катаний с ледяных гор, на тройках, на коньках, лошадиных бегов.

Выставку условно (некоторые экспонаты выпадают из предложенной классификации) можно разделить на три фрагмента: семейное Рождество (глазами взрослых и детей), праздник на улицах, реках, каналах города и публичные развлечения – балы, маскарады, театральные представления.

В первом зале мы видим Рождество глазами ребенка (его символ – огромная кукла, сидящая перед столом, заваленным заготовками для изготовления елочных игрушек). С чистой детской верой в чудо рождественской ночи связано появление в первом зале культовых предметов, которых очень мало на этой светской выставке: иконы, облачения священника, религиозная литература. Дополняют картину православного Рождества изображения праздничной службы в городских храмах, картины «славления» детьми Христа.

Во втором зале праздник перемещается на улицы и Неву –«главный проспект Петербурга». Представлены раскрашенные гравюры с городскими видами, зимними уличными развлечениями и связанные с ними предметы – коньки, шарманка, уличный кукольный театр.

Теме балов, «вольных» и придворных маскарадов посвящен не только третий зал, но и часть второго, т. к. она включает такие разнообразные сюжеты, как балы, от детских до придворных, карнавалы, маскарады. Внимание привлекают не только костюмы, аксессуары, салонные игры и бальные дамские книжки, но и информационный лист о драгоценных предметах, потерянных в залах Зимнего дворца во время праздников. Авторы сумели показать, как развлечения одних стали помощью другим – помещены афиши благотворительных спектаклей, концертов, елок, в т. ч. в пользу раненых воинов и участников Первой мировой войны.

К сожалению, стремление разнообразить иконографический материал привело к нарушению важнейшего для исторической выставки принципа – достоверности. Так изображение гостинодворского зазывалы (серия «Русские жанровые сцены») не имеет отношения к Рождеству. «Молодцы», как их называли, заманивали проходящих в лавки каждый день. Чисто рождественской была торговля в Гостином дворе книжками и игрушками в знаменитой лавке Дойникова. Также вызывает недоумение присутствие среди подлинников копии акварели начала XX в. художницы Сомокиш-Судковской «Бал в Зимнем дворце в присутствии императора Николая I». При существующей богатой иконографии пушкинского времени вообще нет необходимости обращаться к историческим фантазиям художников начала XX в. (Сомокиш-Судковской и С. Чемберса). Исторические неточности присущи и мастерам XIX в. Так на представленной гравюре неизвестного художника «Кавалергардия в церемонии шествия императрицы Екатерины I» вид крепости не соответствует первой четверти XVIII века. Иногда неточны подписи. Так литография «Бег рысистых лошадей» принадлежит не А. Н. Авлатамову (указано «Авнатамову»), который только подготовил рисунок на камне, а А. И. Шарлеманю.

Музей истории города обладает уникальной коллекцией мебели, предметов петербургского быта, благодаря которой организована новая экспозиция в Комендантском доме. Эти фонды дали бы возможность воссоздать в одном из залов выставки столовую петербургского дома, подобную той, которую мы видим на представленной архивной фотографии «Приготовления к Рождеству в петербургской квартире». Эта возможность, к сожалению, была реализована лишь частично – рядом с убранной елью поставлен только накрытый рождественский стол (почему-то одновременно с блюдами разных перемен) и столовый граммофон. Праздник обычно сопровождала живая музыка, поэтому рояль или пианино были бы уместнее. Атмосферу праздника в доме создавали живые цветы, наряду с обязательными в интерьере домашними растениями.

В экспозиции есть редкие предметы, малознакомые даже самым по-жилым посетителям. Желательны текстовые или иконографические пояснения к ним. Так, снимок известного спортсмена на «фигурных коньках» мог бы разрешить сомнения посетителей относительно того, являются ли «фигурными» представленные на витрине беговые коньки или коньки-«снегурки» («народная марка» рубежа веков).

Иногда просто стоило объединить в одной витрине предметы, связанные одной темой, например, поздравление с праздником. На выставке поздравительные письма и визитки помещены во втором зале, а коллекция цветных поздравительных открыток – в третьем.

При подготовке каждой выставочной экспозиции авторы всегда колеблются между декоративностью и доступностью, с одной стороны, и информационностью и познавательностью, с другой. Четкие подписи и подробные комментарии при отсутствии экскурсовода просто необходимы. Но комментарии недостаточны (особенно по далекой от зрителя теме бала), а подписи страдают неполнотой. Не всегда указан материал (елочные игрушки), место изготовления. Особенно жаль, когда дело идет о таких раритетах, как гиньольный театр или подставка под елку в виде пня. Почти не расшифрована в подписях городская топонимика. Но, если места проведения зимних праздников, благодаря Неве и историческим зданиям узнаваемы, адреса театров и залов напечатаны на афишах, то торговые «бренды» нуждаются в адресной привязке. Например, магазин Жорж Борман (Невский пр., д. 2) или фирма Абрикосова, представленная целой витриной конфетных коробок (Невский пр., д. 40, кондитерская Абрикосова).

Такая серьезная тема, как многоконфессиональность петербургского Рождества, рассматривается авторами только на уровне праздничного стола, помещены рецепты блюд различных народов, живших в столице. Но тогда нужно обратиться не только к поваренным книгам, но и к мемуарной литературе, дающей много колоритных деталей. Так, по воспоминаниям М. Ф. Кшесинской, выросшей в католической семье, обязательно на праздничном столе наличествовали семь блюд из рыбы, которая считалась символом Христа. А ведь петербуржцы присутствовали у инославных христиан не только за праздничным столом, но и в храмах, праздничные службы в которых имели интересные особенности.

Несмотря на указанные недостатки, выставка производит хорошее впечатление как разнообразием, так и высоким уровнем экспонируемых материалов, и ее наиболее интересные элементы могут войти как составная часть в основную экспозицию, представляя один из важнейших элементов городской жизни – петербургские зимние праздники.

Конференции года*

Научно-практическая конференция
«Экскурсионное образование: Методика и практика»

15 апреля 2005 г.

15 апреля 2005 г. кафедра и факультет музееведения и экскурсоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств проводили научно-практическую конференцию «Экскурсионное образование: Методика и практика» при поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Комитета по внешним связям и туризму Администрации Санкт-Петербурга и Комитета по физической культуре, спорту, туризму и молодежной политике Администрации Ленинградской области.

Целями конференции являлись обобщение опыта, определение современных подходов и перспектив подготовки и переподготовки специалистов в области экскурсионной деятельности. В программу работы конференции были включены для обсуждения следующие вопросы:

- экскурсионное дело в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, история и современность;
- образовательные программы подготовки и переподготовки профессиональных кадров в сфере экскурсионной деятельности.

В рамках работы конференции было запланировано проведение мастер-класса, посвященного методике преподавания курса «Обзорные экскурсии».

В конференции приняли участие представители высших учебных заведений (Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ), Российского Государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургского государственного университета, Сыктывкарского государственного университета, Института управления и экономики (Санкт-Петербург), Ленинградского областного колледжа культуры и искусств, отдела экскурсионной деятельности Городского туристско-информационного центра, клуба «Петрополь» Санкт-Петербургского Городского дворца творчества юных, отдела по туризму и экскурсиям ЛО ГУК «Музейное агентство», ведущих подготовку в области экскурсионного дела, Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», туристской фирмы «Бюро Петроградъ», Росинтурбюро «Астрея».

Среди участников конференции: 26 человек приняли очное участие (среди них 16 докладчиков), 4 человека — заочное.

* Обзор конференций подготовлен преподавателем кафедры музееведения и экскурсоведения Н. С. Николаевой.

Конференции года

В работе конференции определилось несколько направлений и обсуждаемых вопросов.

Первое направление связано с рассмотрением концепций подготовки экскурсоводов, осуществляемых на базе вуза, Городского туристско-информационного центра, клуба «Петрополь» Городского дворца творчества юных.

Второе направление затрагивало вопросы преподавания специальных дисциплин, их значение в подготовке специалистов-экскурсоводов. Этому были посвящены выступления преподавателей кафедры музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ Т. Г. Миловой «Курс „История Санкт-Петербурга“ в программе обучения студентов-экскурсоводов», В. П. Поршнева «Религоведческие дисциплины в профессиональной подготовке экскурсовода», И. В. Молозиной и Ю. А. Соколова «Взаимодействие специальных курсов в подготовке экскурсоводов (на примере курсов „История архитектуры“ и „Методика архитектурных экскурсий“)», О. А. Малец, О. И. Марченко, Н. Н. Сипуновой, М. А. Скульской «Формирование имиджа экскурсовода в процессе изучения специальных дисциплин».

Третье направление касалось рассмотрения роли экскурсионного метода в образовательном процессе. Это направление нашло отражение в сообщениях М. И. Бурлыкиной «Из истории экскурсионного дела вузовских музеев Санкт-Петербурга», Е. М. Колосовой «Образовательные экскурсии Музея истории РГГУ им. А. И. Герцена», П. В. Лобанова «Изучая историю – познаем город (учебно-экскурсионная программа „Петербургский практикум“)», Е. В. Минкиной «Пешеходная экскурсия – важнейшая часть образовательного процесса».

Наибольший интерес у участников конференции вызвал мастер-класс, который проводили Н. Н. Гаршина, старший преподаватель кафедры музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ и Г. А. Лескова, старший преподаватель отделения социально-культурной деятельности. Мастер-класс был посвящен методике преподавания курса «Обзорные экскурсии».

По итогам работы конференции предполагается издать сборник материалов.

Конференции года

Всероссийская научно-практическая конференция «Музейное образование: взаимодействие общепрофессиональной и специальной подготовки»

20-21 апреля 2005 г.

20–21 апреля 2005 г. в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств при поддержке Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Музейное образование: Взаимодействие общепрофессиональной и специальной подготовки».

На конференции планировалось обсудить следующие вопросы:

- музеевед XXI века: профессиональные требования к специалисту;
- роль общенаучной подготовки в музейном образовании;
- взаимосвязь общепрофессиональных и специальных дисциплин в процессе подготовки музейного работника;
- проблемы отраслевой подготовки специалистов музейного дела.

В работе конференции приняли участие представители **высших учебных заведений России**, ведущих подготовку специалистов в области музейного и экскурсионного дела, сохранения культурного наследия и туризма (Московский государственный университете культуры и искусств, Академия переподготовки работников культуры и туризма (Москва), Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПбГУКИ), Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ) (Санкт-Петербург), Ивановская государственная текстильная академия, Институт управления и экономики (Санкт-Петербург), Краснодарский государственный университет культуры и искусств, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина), **научно-исследовательских институтов** (Российский институт культурологии РАН и МК РФ (РИК), Институт истории материальной культуры РАН), **музеев** (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (МАЭ), Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское», Центральный музей связи им. А. С. Попова, Красноярский краевой краеведческий музей, Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, музей ГАИ в

Конференции года

Санкт-Петербурге). В конференции приняли очное участие 30 человек (среди них 22 докладчика), заочное – 10 человек.

В процессе работы конференции обсуждались основные проблемы, связанные с подготовкой современного специалиста в области музеиного дела, прежде всего то, каким должен быть музееевед XXI в. – специалистом широкого профиля, имеющим разностороннее гуманитарное образование, или специалистом с узкой профессиональной направленностью. Во многом эта проблема связана с бурным развитием музеев, появлением музеев нового типа, что, в свою очередь, поднимает вопрос кадрового обеспечения.

Этим проблемам были посвящены доклады А. А. Сундиевой – заведующей сектором музейной энциклопедии РИК, Н. И. Сергеевой – заведующей кафедрой музееоведения и экскурсоведения СПбГУКИ, И. В. Крыловой – ученого секретаря Центрального музея связи им. А. С. Попова. Особый интерес вызвало выступление Т. Н. Кандауровой (РИК), посвященное формированию музееоведческих школ в России.

Второй блок вопросов, получивший рассмотрение на конференции, был связан с ролью разных дисциплин как общепрофессиональных, так и специальных в процессе подготовки специалистов-музееведов и музеологов. Это выступления Н. П. Рязанцева, Ю. Г. Саловой (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова), В. П. Грицкевича, Е. Н. Мастеницы, Л. М. Шляхтиной (СПбГУКИ), О. С. Сапанжа (РГПУ).

Особо следует отметить сообщения, посвященные методике подготовки студентов по другим специальностям на базе музеев: В. Г. Узуновой (МАЭ), преподаванию музееоведения и экскурсоведения для студентов по специальности «Социально-культурный сервис и туризм» О. Р. Васильевой (Ивановская государственная текстильная академия).

Третий блок вопросов был связан с современной деятельностью музеев, с его основными направлениями – научно-фондовой, образовательно-воспитательной работой и др. Особого внимания заслуживают доклад А. Э. Андреева, посвященный развитию «доброхотского» движения в Пушкинском музее-заповеднике и рассмотрению его как формы приобщения молодежи к культурному наследию, и выступление профессора С. В. Белецкого, раскрывающего проблемы музееификации песенного фольклора археологических экспедиций, с музыкальным сопровождением в исполнении студентов кафедры музееоведения и экскурсоведения (К. Меньшиковой, К. Шолкиной, О. Чугуновой, Е. Устиновой).

По итогам работы конференции предполагается издать сборник материалов.

Конференции года

**Российско-немецкий семинар
«Музей как центр сохранения культурного наследия»**

**28 мая – 4 июня
2005 г.**

В процессе работы семинара были рассмотрены задачи, раскрывающие деятельность музея как центра сохранения культурного наследия.

В работе семинара принимали участие: с немецкой стороны – 11 студентов и руководитель группы Х. Ханке; с российской стороны – 7 студентов (II, III, IV и V курсов – К. Меньшикова, О. Чугунова, К. Лосев, К. Боброва, К. Измерова, Ю. Огурцова, Ж. Пыликова) и заведующая кафедрой, профессор Н. И. Сергеева, преподаватели И. В. Молозина, Н. С. Николаева.

Рабочими языками семинара были русский, немецкий, английский. Семинар строился по принципу максимального вовлечения студентов в его работу. Ими были проведены экскурсии по городу, Петропавловской крепости, Этнографическому музею, музею «Мир воды Санкт-Петербурга», осуществлен перевод докладов во время проведения семинара.

В рамках программы обсуждались вопросы, посвященные современным проблемам образования в Германии и России на примере подготовки специалистов в Университете прикладных наук города Мерзебурга и на кафедре и факультете музееведения и экскурсоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (сообщения были подготовлены на русском языке немецкими студентами Т. Бау и К. Гулеманн); развитию выставочной деятельности в Германии и России (сообщения были подготовлены К. Бобровой «Экспозиция «Глобальный Квилт», К. Измеровой «Малые музеи. Провинциальный музей г. Сегеши (Карелия)», Ю. Огурцовой «Тенденции развития выставочной деятельности на примере музея „Мир воды Санкт-Петербурга“»; И. Тайхерт, Дж. Силберайзен, М. Ступик «Выставка „Бронзовый век“ в г. Мерзебурге» на английском языке); сохранению культурного наследия в контексте региональной истории (сообщения были подготовлены Т. Джан «Собор города Мерзебурга – объект всемирного культурного наследия» на русском языке, К. Меньшиковой и О. Чугуновой «Музеефикация студенческого фольклора», К. Лосевым «Роль информационных технологий в сохранении культурного наследия» на немецком языке).

Важной составляющей частью семинара являлось знакомство с разными музеями Санкт-Петербурга: универсальными – Государственный Эрмитаж, художественными – Русский музей, этнографическими – Российский этнографический музей; музеями-заповедниками – ГМЗ «Царское село», ГМЗ «Петергоф»; ведомственными – музей «Мир воды Санкт-Петербурга». Это позволило представить разнообразие музейных собраний, раскрыть значение музеев в сохранении и передаче культурного наследия.

**ДИССЕРТАЦИИ,
зашитенные в 2004 – 2005 гг.
в Санкт-Петербургском государственном
университете культуры и искусств**

2004 год

Докторские диссертации

Аскарова В. Я. Динамика концепции российского читателя (конец X – начало XXI века) [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук; 05.25.03 / В. Я. Аскарова, СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 438 с. – Прил.: с. 424–438. – Библиогр.: с. 370–423. – Автореф. – 41 с.

Объект – регуляция человеческой деятельности в отечественном историко-культурном процессе. Цель – теоретическое осмысление закономерностей, определяющих динамику доминирующих концепций читателя в контексте социокультурных изменений в России. Практическая значимость работы состоит в осознании регулятивной роли концепции читателя, ее влияния на книжное дело и культуру России, читательскую деятельность. Влияние на профессиональное сознание специалистов книжного дела позволит осуществить его коррекцию в направлении национальных интересов. Материалы исследования могут использоваться в учебных курсах, связанных с изучением отечественной культуры, книжного дела и российского читателя; при разработке курса «Читателеведение», необходимого в учебных заведениях, готовящих кадры для книжного, информационного дела.

Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен [Текст] : дис. ... д-ра культурологии; 24.00.01 / О. Л. Орлов, СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 336 с. – Библиогр.: с. 278–336. – Автореф. – 31 с.

Объект – праздник как синкетическое и полифункциональное явление духовной жизни российского общества. Цель – разносторонне и системно раскрыть российский праздник как историко-культурный феномен. Практическая значимость исследования состоит в том, что российский праздник представлен как целостное явление, выявлены наиболее значимые и острые проблемы развития отечественной праздничной культуры, сформированы обоснованные рекомендации по использованию культурного потенциала этой области духовной жизни в интересах дальнейшего развития нашего общества. Разработана концепция формирования современного специалиста в области празднично обрядовой культуры.

Кандидатские диссертации

Бадинова Т. В. Этапы становления художественного рынка в культуре России [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Т. В. Бадинова; науч. рук. Н. Н. Суворов; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 191 с. – Библиогр.: с. 181–191. – Автореф. – 21 с.

Объект – художественная культура России XVIII – XX веков. Цель – изучение этапов развития и функционирования художественного рынка произведений изобразительного искусства в России XVIII – XX веков. Практическая значимость – материалы исследования могут быть использованы в

лекционном курсе по истории культуры России, по истории художественного рынка в России, при подготовке экспертов и специалистов по товарному обращению художественных произведений; они положены в основу курса лекций «История развития художественного рынка в России», докладывались на научных конференциях.

Важинская И. Н. История формирования художественных коллекций в Великобритании XVI–XVII веков [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.03 / И. Н. Важинская; науч. рук. В. П. Грицкевич; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 262 с. – Прил.: с. 229–262. – Библиогр.: с. 208–228. – Автореф. – 21 с.

Объект – феномен художественного коллекционирования в культуре Великобритании XVI – XVII веков. Цель – выявить особенности эволюции частных художественных собраний, их разновидности и предмузейные формы коллекционирования в Великобритании в XVI – XVII веках. Практическая значимость – результаты исследования могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории английской художественной культуры, частного коллекционирования и музейного дела в Великобритании, а также при подготовке к изданию научных, научно-справочных, учебных и популярных пособий – для систематизации и уточнения сведений по истории музеиного дела и по истории искусства, для облегчения поиска и изучения источников и исследований в этих областях знаний.

Гавриленко О. Л. Реклама в системе информационно-образовательной деятельности библиотек вузов [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 05.25.03 / О. Л. Гавриленко; науч. рук. Т. Н. Жаворонкова; СГАКИ. – СПб., 2004. – 197 с. – Прил.: с. 163–197. – Библиогр.: с. 141–162. – Автореф. – 17 с.

Объект – рекламно-информационная деятельность библиотек. Цель – определение путей создания благоприятного образа библиотек вузов на основе профессионально организованной рекламы. Практическая значимость – в определении этапов зарождения и формирования рекламы в библиотеках вузов, обозначении специфики средств рекламы в выработке путей укрепления авторитета библиотек вузов на основе престижной рекламы; намечены основные направления совершенствования рекламной работы библиотек вузов в системе информационно-образовательной деятельности, конкретизированы формы взаимодействия библиотек вузовской системы с внешней средой; разработаны рекомендации по совершенствованию маркетинговой деятельности научной библиотеки Ульяновского госуниверситета. Материалы исследования легли в основу плана деятельности, организованного в научной библиотеке, Отдела развития, виртуального читального зала, Библиотечного Совета с функциями попечительского.

Гатаева Б. Т. Традиционная культура повседневности карачаевцев [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Б. Т. Гатаева; науч. рук. С. Н. Иконникова; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 184 с. – Библиогр.: с. 168–184. – Автореф. – 24 с.

Объект – традиционная культура карачаевцев. Цель – комплексный культурологический анализ повседневности в традиционной культуре карачаевцев. Практическая значимость – результаты исследования могут применяться в дальнейшей разработке теоретических проблем социокультурной динамики этносов, и представлять интерес для культурологов, историков, этнографов, социологов, также для практических работников, осуществляющих непосредственную практическую деятельность в республиках Северного Кавказа; материалы диссертации могут быть использованы в подготовке общих и специальных курсов по культурологии, социальной антропологии, этнологии и кавказоведению.

Зязева Л. К. Традиционная русская культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Л. К. Зязева; науч. рук. Л. В. Петров; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 166 с. – Библиогр.: с. 147–166. – Автореф. – 22 с.

Объект – традиционная русская культура в современном социокультурном пространстве России. Цель – анализ русской традиционной культуры как основы формирования национального самосознания молодого поколения. Практическая значимость – разработана и внедрена программа обучения ремеслам русского народа по традиционной русской культуре для курсов повышения квалификации педагогов образовательных учреждений, учащихся педагогических колледжей, студентов вузов. Опыт работы «Школы ремесел» внедрен в педагогическую практику ряда школ и детских садов Санкт-Петербурга. Результаты исследования используются при чтении общих курсов по культурологии, для совершенствования учебно-воспитательного процесса.

Коткова Ю. В. Становление и развитие социально-культурных функций информационных изданий Вооруженных Сил России [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 13.00.05 / Ю. В. Коткова; науч. рук. М. А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 192 с. – Прил.: с. 178–179. – Библиогр.: с. 180–192. – Автореф. – 18 с.

Объект – социально-культурные функции информационных изданий Вооруженных Сил России. Цель – раскрытие процесса становления и развития социально-культурных функций информационных изданий Вооруженных Сил России. Практическая значимость состоит в обосновании социально-культурных функций информационных изданий Вооруженных Сил России, их роли в формировании профессиональной, духовно-нравственной и общей культуры военнослужащих, патриотическом воспитании. Материалы диссертации используются в практической деятельности учреждений культуры Ленинградского военного округа, пресс-службы Ленинградского военного округа.

Крымская А. С. Персональная библиография в технологии управления знаниями [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 05.25.03 / А. С. Крымская; науч. рук. Г. Ф. Гордукарова; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 314 с. – Прил.: с. 220–314. – Библиогр.: с. 198–219. – Автореф. – 16 с. (дис. не защищена).

Объект – концепция «управления знаниями» и ее использование в разных областях деятельности. Цель – исследование возможностей использования источников персональной библиографии в технологии управления знаниями. Практическая значимость – разработанный план учебного курса «Управление знаниями через индивидуальное научное творчество» может использоваться в качестве проблемного спецкурса на библиотечно-информационных факультетах вузов культуры. Материалы исследования могут быть введены в учебные курсы «Информационные ресурсы», «Информационно-аналитические технологии», курсы отраслевой библиографии.

Лещинская Э. Г. Формирование профессиональных навыков дирижера народного оркестра в музыкально-образовательных учреждениях [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 13.00.02 / Э. Г. Лещинская; науч. рук. В. Ф. Чабанный; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 138 с. – Прил.: с. 134–138. – Библиогр.: с. 126–133. – Автореф. – 16 с.

Объект – учащиеся оркестровых отделений средних музыкально-образовательных учебных заведений. Цель – в определении путей совершенствования процесса обучения начальному дирижированию, в выявлении

и развитии профессиональных качеств учащихся посредством оркестрового искусства. Практическая значимость – в разработке и апробации комплекса мер, связанных с повышением общеэстетической и музыкальной культуры учащихся в процессе подготовки руководителей оркестра народных инструментов в музыкальных учебных заведениях. Разработки могут использоваться в учебном процессе средних музыкально-образовательных учебных заведений; применяться с целью выработки единой программы повышения общей и музыкальной культуры населения.

Ли Ен Чжин. Танец как образно-пластическое воплощение национального характера (на примере русской и корейской культур) [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Ли Ен Чжин; науч. рук. В. Д. Лелеко; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 177 с. – Библиогр.: с. 159–177. – Автореф. – 21 с.

Объект – национальный характер в различных формах его проявлений в культуре. Цель – сравнительно-культурологическое исследование народного, народно-сценического и характерного танца как воплощения национального, русского и корейского характера. Практическая значимость – выводы диссертации могут использоваться в практической работе, связанной с русско-корейскими контактами в сфере культуры; при подготовке и чтении учебных курсов по культурологии, истории мировой культуры, социологии, социальной психологии, истории искусств, истории и теории танца.

Никандров С. В. Электронные сетевые документы по технике: типология и ценностные свойства [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 05.25.03 / С. В. Никандров; науч. рук. В. А. Минкина; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 219 с. – Прил.: с. 193–219. – Библиогр.: с. 168–219. – Автореф. – 20 с.

Объект – электронные сетевые документы технической и экономической тематики. Цель – разработка многоаспектной типологии электронных сетевых документов научно-технического содержания. Практической значимостью обладает методика типизации и определения ценностных свойств электронных сетевых документов, пригодная для применения в процессе библиотечно-библиографического обслуживания специалистов. Материалы исследования могут быть использованы в преподавании учебных дисциплин «Документоведение», «Библиография естествознания и техники», «Мировые информационные ресурсы естествознания и техники», «Информационное обслуживание»,

Панкратова А. В. Библиографические исследования деятельности референтных групп в науке [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 05.25.03 / А. В. Панкратова; науч. рук. О. М. Зусьман; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 317 с. – Прил.: с. 219–317. – Библиогр.: с. 193–218. – Автореф. – 16 с.

Объект – референтные взаимоотношения в научном сообществе. Цель – разработка и экспериментальная проверка метода библиографического моделирования научных референтных групп. Практическая значимость – применение предложенной концепции информационного обслуживания ученых на основе использования сведений о персональном составе их референтных групп; создание рубрикатора научных интересов и достижений референтного круга и его использование в библиографической практике, в информационной поддержке научно-технического прогнозирования; использование выводов работы при чтении курсов «Теория документальных потоков», «Документоведение», «Информационное обслуживание».

Пермиловская А. Б. Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера (XIX – нач. XX вв.) [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / А. Б. Пермиловская; науч. рук. И. К. Москвина СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 177 с. – Библиогр.: с. 154–176. – Автореф. – 21 с.

Объект – культура Русского Севера. Цель – комплексный анализ крестьянского дома как важнейшего феномена культуры Русского Севера. Практическая значимость – материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекционных курсов и спецкурсов по истории культуры Русского Севера, культуре повседневности русской деревни, истории деревянного зодчества; могут быть теоретической основой для изучения традиционной культуры, а также использоваться в формировании экспозиций музеев-заповедников.

Попов Н. С. Экологические традиции в культуре якутов [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Н. С. Попов; науч. рук. Э. В. Соколов, Л. В. Петров; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 159 с. – Библиогр.: с. 148–159. – Автореф. – 17 с.

Объект – традиционная культура якутов. Цель – историко-культурологический анализ экологических традиций в культуре якутов. Практическая значимость – в диссертации раскрывается специфика экологического феномена в традиционной культуре якутов. Результаты работы могут послужить основой новых исследований и использоваться в учебных курсах «Культурология», «Экологическая культура», «История культуры».

Свирилова Л. О. Синтез мифopoэтической и христианской образности в древнерусской культуре [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Л. О. Свирилова; науч. рук. Г. В. Скотникова; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 167 с. – Прил.: с. 138–146. Библиогр.: с. 147–166. – Автореф. – 22 с.

Объект – процесс взаимодействия дохристианского мифопоэтического наследия и культурных форм византийского православия в древнерусской культуре. Цель – изучение синтеза дохристианской мифопоэтической и христианской образности в древнерусской православной культуре. Практическая значимость – реконструкция системы категорий древнерусской православной культуры и выявление синтетического их содержания открывает перспективу теоретически обоснованного изучения типологических особенностей «православно-славянской» цивилизации. Результаты могут быть использованы при разработке общих и специальных лекционных курсов по истории русской культуры, культурной антропологии, семиотики культуры.

Сидорова Е. Г. Социокультурный генезис художественных образов в творчестве М. А. Булгакова [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / Е. Г. Сидорова; науч. рук. Л. В. Петров; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 185 с. – Библиогр.: с. 161–185. – Автореф. – 15 с.

Объект – художественно-образная система романа «Мастер и Маргарита». Цель – раскрытие социокультурного генезиса художественных образов М. А. Булгакова. Практическая значимость – исследование может послужить основой для расширения арсенала методов культурологического, социально-психологического и психоаналитического исследования художественного творчества, при разработке учебных курсов по культурологии, психологии, литературе, при подготовке к лекционным и семинарским занятиям предметов гуманитарного цикла.

Фафурин Г. А. Книгоиздательская и книготорговая деятельность Иоганна Яакоба Вейтбрехта (1744-1803): из истории русско-немецких книжных связей второй половины XVIII века [Текст] : дис. ... кандидата филол. наук; 05.25.03 / Г. А. Фафурин; науч. рук. И. Е. Баренбаум; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 253 с. – Прил.: с. 190–253. – Библиogr.: с. 151–189. – Автореф. – 24 с.

Объект – книжное дело в России второй половины XVIII века. Цель – всестороннее историко-книговедческое изучение и анализ разносторонней деятельности Иоганна Яакоба Вейтбрехта в книжной жизни Санкт-Петербурга и России второй половины XVIII века. Практическая значимость – материалы исследования могут быть учтены в учебных и специальных курсах по истории книжного дела в России, при написании статей, чтении докладов и лекций, при проведении экскурсий в Отделе редких книг РНБ. Выводы могут быть экстраполированы на сферу предпринимательства других частных книготорговцев в тех случаях, когда их книготорговая деятельность слабо отражена архивными документами.

Чун Су Чжин. Дистанционный метод в реализации российского музыкального образования в современной Южной Корее [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 13.00.02 / Су Чжин Чун; науч. рук. С. Т. Махлина; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 285 с. – Прил.: с. 257–285. – Библиogr.: с. 232–256. – Автореф. – 21 с.

Объект – дистанционный метод в системе музыкального образования. Цель – реализация системы российского музыкального образования дистанционным методом в Южной Корее. Практическая значимость – разработаны методические материалы для современной музыкально-педагогической практики в Южной Корее. Они могут использоваться в качестве учебного пособия для колледжей и вузов искусств и педагогических университетов; в научно-исследовательской и образовательной деятельности, разработке новых педагогических средств дистанционной научно-образовательной работы и информационно-педагогической поддержки преподавателей и студентов учебных заведений Южной Кореи и России.

Шкурапат С. Г. Географический фактор в культурологических концепциях конца XIX – нач. XX вв.) [Текст] : дис. ... кандидата культурологии; 24.00.01 / С. Г. Шкурапат; науч. рук. В. В. Шаронов; СПбГУ. – СПб., 2004. – 183 с. – Библиogr.: с. 164–183. – Автореф. – 23 с.

Объект – становление и развитие теоретических концепций и подходов к пониманию роли географического фактора в западноевропейской и русской историко-культурологической мысли. Цель – раскрыть многомерность и сложность проблемы географического фактора в историко-культурном развитии России. Практическая значимость – положения и выводы диссертации могут служить для разработки новых подходов к решению проблемы взаимодействия культуры, географической среды и общества. Они могут быть полезны при изучении «геополитических проблем современной цивилизации»; в учебном курсе по культурологии, социологии, геополитике.

Шпаковская И. А. Александр и Адольф Плюшары – петербургские типографы, книгоиздатели и книгопродавцы первой половины XIX века [Текст] : дис. ... кандидата филол. наук; 05.25.03 / И. А. Шпаковская; науч. рук. И. Е. Баренбаум; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 283 с. – Прил.: с. 237–283. – Библиogr.: с. 206–230. – Автореф. – 19 с.

Объект – книжное дело в России первой половины XIX в. Цель – определить место и значение семьи Плюшаров в развитии книжного дела в

Петербурге первой половины XIX в., а также значение их изданий для русской культуры. Практическая значимость – результаты исследования могут быть использованы в подготовке курсов по искусству книги и истории книгоиздания I-й половины XIX в.. Приложение к диссертации, являющееся библиографическим описанием всех выявленных к просмотренным изданий Плюшаров, в том числе владельческих наклеек и помет, имеет источниковедческое, библиографическое и историко-библиофильское значение. Оно же помогает более полному раскрытию фондов РНБ, на основе фондов которой проведены поиск и исследование изданий.

Шубина И. В. Социально-культурная деятельность в системе контроля и профилактики девиаций в подростково-молодежной среде [Текст] : дис. ... кандидата пед. наук; 13.00.05 / И. В. Шубина; науч. рук. А. А. Сукало; СПбГУКИ. – СПб., 2004. – 171 с. – Библиогр.: с. 139–171. – Автореф. – 23 с.

Объект – сепаратные молодежные субкультуры, подростково-молодежные объединения, их участники. Цель – разработать совокупность теоретико-методологических положений, определяющих сущность и содержание социально-культурной деятельности в системе контроля и профилактики девиантного поведения подростков и молодежи. Практическая значимость – осуществлен структурно-функциональный анализ проблем организации профилактической деятельности среди подростков «групп риска», результаты которого могут быть использованы при разработке социально-педагогической теории, прикладной культурологии, в разработке базовых курсов, спецкурсов и семинаров для студентов и слушателей в системе подготовки и повышения квалификации кадров образовательно-воспитательных, культурно-досуговых учреждений, социальных служб.

2005 год

Докторские диссертации

Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) [Текст] : дис. ...д-ра ист. наук; 05.25.03 / П. Н. Базанов; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 645 с. – Прил.: с. 630 – 645. – Библиогр.: с. 531 – 623. – Автореф. – 42 с.

Объект – агитационно-пропагандистская и политико-просветительная деятельность политических организаций русской эмиграции в 1917–1988 гг. Цель – комплексное и всестороннее изучение издательской деятельности политических организаций русской эмиграции в 1917–1988 гг. Практическое значение – выводы полезны для изучения функционирования современной партийной системы и печати в России; работа подводит итог в изучении издательской деятельности политических организаций русской эмиграции 1917–1988 гг. и позволяет обогатить имеющиеся сведения о политической истории России и русской эмиграции, российского книжного дела и журналистики в XX веке.

Нагорский Н. В. Музей как открытая социально-педагогическая система [Текст] : дис. ...д-ра пед. наук; 13.00.05 / Н. В. Нагорский; науч. конс. М. А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 509 с. – Библиогр.: с. 445 – 509. – Автореф. – 40 с.

Объект – российские музеи как институты социально-культурной деятельности. Цель – разработать концепцию музея как открытой социально-педагогической системы, отвечающей требованиям формирующегося

информационного общества. Практическое значение – реализация результатов исследования позволяет достичь существенного прогресса в работе с различными группами посетителей; создать систему стабильного сотрудничества со школой; решить организационно-правовые и экономико-управленческие проблемы функционирования музейных учреждений в условиях рыночных отношений.

Пономарев В. Д. Педагогика игровой культуры досуга [Текст] : дис. ...д-ра пед. наук; 13.00.05 / В. Д. Пономарев; науч. конс. М. А. Ариарский; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 382 с. – Библиогр.: с. 348 – 382. – Автореф. – 41 с.

Объект – игровая культура личности. Цель – разработать и обосновать педагогическую теорию и технологию формирования игровой культуры в сфере досуга. Практическое значение – разработана психолого-педагогическая система «коммуникативных опор» оптимизации игрового движения; показаны возможности проектной деятельности как специально выстроененной творческой деятельности; обоснована концепция и методика формирования профессиональной культуры, профессиональных качеств специалиста-организатора игровой деятельности в сфере досуга..

Суворов Н. Н. Элитарное и массовое сознание в художественной культуре постмодернизма [Текст] : дис. ...д-ра филос.; 24.00.01 / Н. Н. Суворов; науч. конс. С. Н. Иконникова; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 347 с. – Библиогр.: с. 317 – 347. – Автореф. – 42 с.

Объект – элитарное и массовое сознание в художественной культуре постмодернизма. Цель – морфология и взаимодействие элитарного и массового сознания в художественной культуре постмодернизма. Практическое значение – раскрыты основные составляющие постмодернистской философии и культуры. Материалы могут быть использованы для чтения курсов по философии, культурологии, эстетике, философии искусства и частным проблемам художественной практики; для выработки стратегии в подходах к современному искусству, оценок произведений искусства, понимания специфики художественной текстологии, характеристики творчества современных художников.

Кандидатские диссертации

Андреева Н. П. Реализация фольклорного наследия в педагогике театрально-го самодеятельного творчества [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.05 / Н. П. Андреева; науч. рук. А. А. Сукало; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 181 с. – Прил.: с. 162 – 181. – Библиогр.: с. 149 – 161. – Автореф. – 18 с.

Объект – детский театральный фольклорный коллектив (самодеятельное объединение). Цель – выявить, раскрыть и использовать педагогический потенциал фольклора в театральном самодеятельном творчестве. Практическое значение – возможно использовать теоретические положения диссертации при дальнейшей разработке педагогики самодеятельного творчества. Предлагаемая организационно-функциональная модель детского фольклорного театра, методика и программа использования элементов аутентичного фольклора в самодеятельном творчестве позволяет реализовать педагогические условия художественно-творческого развития личности участников, определяет эффективные пути и средства освоения фольклорного наследия.

Булдакова Е. В. Информационно-библиографическое обеспечение специалистов в сетевой среде научных коммуникаций [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 05.25.03 / Е. В. Булдакова; науч. рук. В. И. Рубашкин; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 209 с. – Прил.: с. 181 – 203. – Библиогр.: с. 162 – 180. – Автореф. – 24 с.

Объект – система научных коммуникаций в ее традиционной и электронной формах. Цель – изучить, систематизировать и осмыслить явления и проблемы, возникающие при переходе научного сообщества от работы в одной информационной среде к работе в другой информационной среде. Практическое значение – разработаны рекомендации по унификации некоторых видов электронных документов; разработаны предложения по развитию методов и средств систематизации информационных ресурсов предметной области «Лингвистика»; подготовлен и прочитан спецкурс «Информационное обеспечение исследований и разработок в среде Интернет» для студентов специальности «Прикладная информатика» Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Горобец С. В. Комплексные методы музыкального развития ребенка в народно-инструментальном классе [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.02 / С. В. Горобец; науч. рук. В. В. Молzinский; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 244 с. – Прил.: с. 214 – 244. – Библиогр.: с. 193 – 213. – Автореф. – 21 с.

Объект – самореализация творческого потенциала учащегося в народно-инструментальном классе. Цель – разработка теоретических положений и практических форм внедрения в практику учебного процесса комплексных методов музыкального развития ребенка. Практическое значение – полученные материалы могут служить основой для совершенствования современного педагогического процесса обучения и воспитания учащихся в народно-инструментальном классе. Внедрены в учебный процесс методы комплексного обучения; доказана необходимость взаимодействия теории, методики и практики общего и профессионального музыкального обучения и воспитания с различными отраслями науки и культуры.

Гудина Т. В. Музыкальное воспитание в системе социокультурной адаптации и интеграции детей с задержкой психического развития [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.05; 13.00.03 / Т. В. Гудина; науч. рук. А. А. Сукало; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 210 с. – Прил.: с. 167 – 210. – Библиогр.: с. 143 – 166. – Автореф. – 22 с.

Объект – социально-культурные и организационно-педагогические условия адаптации и интеграции детей младшего школьного возраста с ЗПР. Цель – определить условия реализации педагогического потенциала музыкального искусства в практике социализации и социокультурной интеграции детей с ЗПР. Практическое значение – предложена педагогическая модель социокультурной адаптации и интеграции детей с ЗПР средствами музыкального воспитания; результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе в системе подготовки, повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Гук Д. Ю. Лингвистическое обеспечение музейного электронного каталога [Текст] : дис. ...кандидата филол. наук; 05.25.05 / Д. Ю. Гук; науч. рук. Л. П. Вершинина; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 155 с. – Библиогр.: с. 111 – 129. – Автореф. – 24 с.

Объект – музейный электронный каталог как информационная система. Цель – определение места, роли, функций, назначения и состава лингвистического обеспечения музейного электронного каталога, разработка методов повышения эффективности его работы. Практическое значение –

полученные разработки использованы при создании лингвистического обеспечения МЭК «Атлант»; результаты исследования обеспечивают пользователя музеиного электронного каталога средствами, позволяющими ускорить процесс ввода данных в каталог; позволяют повысить эффективность поиска в каталоге; улучшить качество музейной документации.

Замфир Е. И. Гендерные стереотипы русской традиционной культуры [Текст] : дис. ...кандидата культурологии; 24.00.01 / Е. И. Замфир; науч. рук. В. Д. Лелеко; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 236 с. – Библиогр.: с. 216 – 236. – Автореф. – 24 с.

Объект – русская традиционная культура. Цель – исследование гендерных стереотипов русской традиционной культуры. Практическое значение – предложена и подтверждена на примере анализа русских народных сказок системная модель гендерных стереотипов русской традиционной культуры. Работа служит основой для расширения арсенала методов культурологических, социально-психологических и гендерных исследований; может использоваться при разработке учебных курсов по гендерной и национальной психологии, по истории русской культуры.

Ипполитова А. Г. Семантика национализма в культуре современной России [Текст] : дис. ...кандидата культурологии; 24.00.01 / А. Г. Ипполитова; науч. рук. С. Н. Иконникова; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 183 с. – Библиогр.: с. 162 – 183. – Автореф. – 22 с.

Объект – национализм и его проявления в культуре современной России. Цель – комплексное исследование феномена национализма, смысловая и символическая самореализация. Практическое значение – выводы работы дают возможность для дальнейшего научного углубления проблематики. Материалы применимы в учебном процессе и научно-исследовательской работе в вузах РФ; позволяют определить новые перспективные направления в научно-исследовательской работе.

Кавера В. А. Детское художественное творчество как средство эмоционального развития ребенка [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.05 / В. А. Кавера; науч. рук. Б. А. Титов; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 154 с. – Прил.: с. 18. – Библиогр.: с. 134 – 153. – Автореф. – 20 с.

Объект – дети 6 – 9 лет, вовлеченные в процесс художественного творчества. Цель – разработать и апробировать программу эмоционального развития ребенка средствами художественного творчества и обосновать психолого-педагогические условия ее реализации. Практическое значение – выводы исследования могут оказать методическую помощь в создании педагогических программ художественно-творческого воспитания, в основу которыхложен принцип художественного самовыражения ребенка как одного из важных факторов его позитивного личностного развития и эмоционально-нравственного, духовного благополучия; выводы могут быть использованы в процессе повышения квалификации специалистов социально-культурной сферы .

Кнорринг В. В. Издательская деятельность общества для распространения просвещения между евреями в России [Текст] : дис. ...кандидата ист. наук: в 2 т.; 05.25.03 / В. В. Кнорринг; науч. рук. Д. А. Эльяшевич; СПбГУКИ. – СПб., 2005. –

Т. 1. – 293 с. – Библиогр.: с. 265 – 293.

Т. 2: Приложения. – 262 с. – Автореф. – 20 с.

Объект – издательское дело русских евреев конца XIX–начала XX в. Цель –

воссоздать историю деятельности ОПЕ; определить место издательской деятельности ОПЕ в общей структуре его функционирования. Практическое значение – работа может быть использована для написания монографии по теме исследования; при преподавании вузовского курса истории книги и подготовке спецкурсов по истории национального книгоиздания в Российской империи. Работа способствует лучшему раскрытию фондов РНБ; может быть использована для улучшения библиографических разысканий.

Комлев Ю. Э. Организация маркетинговой деятельности в музее [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.05 /Ю. Э. Комлев; науч. рук. С. В. Пермина-ва; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 231 с. – Прил.: с. 213 – 231. – Библиогр.: с. 204 – 212. – Автореф. – 22 с.

Объект – организация маркетинговой деятельности современного музея. Цель – обосновать роль маркетинга в оптимизации деятельности современного музея и разработать теоретические основы внедрения маркетинговой стратегии в развитие музея. Практическое значение – результаты внедрены в практику работы Оренбургского областного краеведческого музея, могут быть использованы в других музеях России, также в системе повышения квалификации музейных работников. Разработана маркетинговая концепция в организации деятельности музеев и выделены конкретные предложения по ее реализации. Рекомендации могут быть использованы в системе управления музеями региона..

Крымская А. С. Персональная библиография в технологиях менеджмента знаний [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 05.25.03 /А. С. Крымская; науч. рук. Г. Ф. Гордукарова; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 389 с. – Прил.: с. 227 – 389. – Библиогр.: с. 202 – 226. – Автореф. – 19 с.

Объект – менеджмент знаний в разных областях деятельности. Цель – определение возможностей использования источников персональной библиографии в технологиях менеджмента знаний. Практическое значение – обогащена методика персональной библиографии благодаря разработанным основам методики картографирования знаний ученого, введению ее в практический оборот и представлению широкому кругу библиографов, биографов, историков науки. Материалы исследования используются в системе повышения квалификации информационных работников НПО «Прогресс»; могут быть введены в учебные курсы «Информационные ресурсы», «Информационно-аналитические технологии», курсы отраслевой библиографии.

Никитина Н. А. Музеефикация литературно-мемориальных усадебных комплексов [Текст] : дис. ...кандидата культурологии; 24.00.03 /Н. А. Никитина; науч. рук. Е. Н. Мастеница; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 186 с. – Прил.: 113 с. – Библиогр.: с. 174 – 186. – Автореф.– 20 с.

Объект – литературно-мемориальные усадебные комплексы. Цель – в создании комплексной и научно-достоверной музеефикационной модели литературно-мемориальных усадебных комплексов. Практическое значение – выводы могут использоваться в освоении историко-культурного и природного наследия; при изучении истории отечественной усадебной культуры, при разработке образовательных музееведческих программ, в культурологических спецкурсах, в туристической, издательской деятельности.

Прокуденкова О. В. Методологические основы культурологической концепции П. Н. Милюкова: Дис. ...кандидата культурологии; 24.00.01 / О. В. Прокуденкова; науч. рук. В. В. Селиванов; СПбГУКИ.– СПб., 2005.– 169 с.– Библиогр.: с. 150 – 169.– Автореф.– 22 с.

Объект – русская культурологическая мысль конца XIX – первой половины XX в. Цель – раскрытие методологических оснований культурологической концепции П. Н. Милюкова. Практическое значение – результаты позволяют раскрыть историческое значение и актуальность теоретического наследия П. Н. Милюкова; могут быть использованы при составлении образовательных программ, лекционных курсов и учебных пособий по культурологии, теории культуры, теории культуры и истории русской культуры.

Сапанжа О. С. Стратегии коммуникационных процессов современного музея [Текст] : дис. ...кандидата культурологии; 24.00.03 / О. С. Сапанжа; науч. рук. Л. М. Шляхтина; СПбГУКИ.– СПб., 2005.– 217 с.– Прил.: с. 213 – 217.– Библиогр.: с. 169 – 212.– Автореф.– 22 с.

Объект – музей как подсистема культуры. Цель – выявить и рассмотреть структурные составляющие музея как культурно-коммуникативной системы и определить стратегии музеиных коммуникационных процессов. Практическое значение – предложенная автором концепция открывает возможности для анализа всех направлений музейной деятельности как компонентов единого процесса музейной коммуникации. Разработанное понятие «стратегии коммуникационных процессов» может быть использовано при создании научных концепций музеев.

Сизиков А. А. Динамика формирования транснационального культурного пространства в контексте глобализации [Текст] : дис. ...кандидата культурологии; 24.00.01 / А. А. Сизиков; науч. рук. Е. П. Островская; СПбГУКИ.– СПб., 2005.– 182 с.– Прил.: с. 180 – 182.– Библиогр.: с. 164 – 179.– Автореф.– 23 с.

Объект – процесс глобализации культуры в XX – XXI в. Цель – в выявлении динамики формирования транснационального культурного пространства в контексте глобализации. Практическое значение – выводы диссертации могут быть использованы при составлении образовательных программ, лекционных курсов и учебных пособий по теории и истории культуры, проблемам глобализации культуры, могут быть полезны практическим работникам сферы туризма и образования.

Шадрин А. Н. Методические принципы аппликатурного освоения фортепианной музыки первой половины XX века [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 13.00.02 / А. Н. Шадрин; науч. рук. С. Т. Махлина; СПбГУКИ.– СПб., 2005.– 254 с.– Прил. 94 с.– Библиогр.: с. 233 – 254.– Автореф.– 22 с.

Объект – формы и функции аппликатуры в истории клавирного (фортепианного) исполнительского искусства. Цель – определить инновационные качества авторской аппликатуры И. Стравинского, Б. Бартока и С. Прокофьева, их общие и специфические черты. Практическое значение – материалы могут быть использованы на всех уровнях современной исполнительской и педагогической теории и практики фортепианной игры, при обсуждении вопросов оптимизации современной системы музыкального образования, вопросов, сближающих проблемы фортепианного исполнительства и музыковедения. Материалы могут служить опорой для дальнейших исследований аппликатурной проблематики в фортепианной музыке второй половины XX века.

Юшина О.Л. Публичная библиотека в обеспечении информационно-технологической безопасности читателей [Текст] : дис. ...кандидата пед. наук; 05.25.03 / О. Л. Юшина; науч. рук. В. А. Бородина; СПбГУКИ. – СПб., 2005. – 237 с. – Прил.: с. 171 – 199. – Библиогр.: с. 200 – 237. – Автореф.– 18 с.

Объект – информационно-психологическая безопасность социальных субъектов в современной информационной среде. Цель – разработка модели обеспечения информационно-психологической безопасности читателей в условиях публичных библиотек на основе системы предложенных в диссертации концептуальных положений. Практическое значение – разработана модель обеспечения информационно-психологической безопасности читателей; данная модель является базой для составления программ подготовки и переподготовки библиотечных кадров; она может стать основой для создания альтернативных программ подготовки библиотекарей; теоретические данные могут быть использованы для преподавания учебных дисциплин «Библиотечное обслуживание» «Библиотечная конфликтология», «Социология чтения».

Сведения об авторах

- Антошин А. В.** – кандидат исторических наук, доцент Уральского гос. университета
- Белецкий С. В.** – доктор исторических наук, профессор каф. музееведения СПбГУКИ
- Булыгин А. К.** – преподаватель каф. литературы СПбГУКИ
- Игнатьева О. А.** – кандидат исторических наук, ст. преподаватель каф. новейшей истории Отечества СПбГУКИ
- Каретникова Н. Н.** – кандидат исторических наук, зав. каф. истории СПбГУКИ
- Кен Л. Н.** – кандидат филологических наук, доцент каф. литературы СПбГУКИ
- Кипнис Б. Г.** – старший преподаватель каф. истории СПбГУКИ
- Круглякова Т. А.** – ассистент каф. детской речи РГПУ им. А. И. Герцена, преподаватель ф-та истории мировой культуры СПбГУКИ
- Лопачева М. К.** – кандидат филологических наук, доцент каф. литературы СПбГУКИ
- Масленникова Н. Н.** – доктор исторических наук, профессор каф. истории СПбГУКИ
- Миркин Б.** – доктор биологических наук, член-корреспондент РАН, профессор
- Николаева Н. С.** – преподаватель каф. музееведения СПбГУКИ
- Павлова Р. Э.** – старший преподаватель каф. истории СПбГУКИ
- Пономарев Е. Р.** – кандидат филологических наук, ст. преподаватель каф. литературы СПбГУКИ
- Романова Е. Ю.** – студентка каф. детской литературы СПбГУКИ
- Смирнова А. А.** – кандидат исторических наук, доцент каф. новейшей истории Отечества СПбГУКИ
- Яковлев В. П.** – кандидат исторических наук, профессор, декан ф-та музееведения СПбГУКИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ**

**ПРИГЛАШАЕТ В АСПИРАНТУРУ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИМ**

05.25.03 – Библиотековедение, библиографоведение и книговедение
09.00.03 – История философии
13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (музыка)
13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности
22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни
24.00.01 – Теория и история культуры
24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ:

- очная – 3 года
- заочная – 4 года
- соискательство – 5 лет (без вступительных экзаменов)

**Аспирантам дневного отделения предоставляется отсрочка
от призыва в армию на период обучения**

**Прием документов в аспирантуру – с 1 сентября по 15 сентября
Соискательство оформляется в течение учебного года**

**Зав. аспирантурой и докторантурой – Казовская Татьяна Михайловна Тел.- 312-82-85
Адрес: Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2, СПбГУКИ, отдел аспирантуры, 475 кабинет**

Вниманию авторов

Редакция журнала «Вестник СПбГУКИ» принимает оригинальные статьи, очерки и публикации объемом в 0,5 – 1 авторского листа (20-40 тыс. зн.); обзоры – до 16 стр.; рецензии, письма и заметки (6 – 8 стр.) коротко о книгах – 2–3 стр. заметки о статьях, опубликованных в других издательствах и зарубежных журналах – 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в 1 экз. (на бумаге формата А4), а также в электронном виде в текстовом редакторе Microsoft Word, интервал полуторный, шрифт 14 pt, имя файла должно содержать фамилию автора. **На диске должна быть указана фамилия автора и название работы, кроме того обязательно указать свой контактный телефон и данные для сведений об авторах** в той полноте как они печатаются в журнале. Примечания в статьях оформляются верхним индексом и приводятся в конце, ссылки на литературу обозначаются квадратными скобками и также помещаются в конец статьи. Все инициалы перед фамилиями набираются в соответствии с образцом. **Образец: А. И. Иванов.**

**По всем интересующим Вас вопросам обращайтесь в научную часть тел. 314 10 86,
или в редакционно-издательский отдел по тел. 312 85 73,
или e-mail rio@omen.ru**